

2019 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Ювенальная юридическая психология

Красник В.С., Рязкин А.О.

Различия в нравственной активности студентов-юристов и студентов-психологов1-21

Соколова М.В., Дозорцева Е.Г.

Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете22-35

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Казберов П.Н., Бовин Б.Г.

Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности.....36-53

Логунова О.А., Дворянчиков Н.В.

Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов.....54-70

Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д. и др.

Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз).....71-84

Психология девиантного и криминального поведения

Рется С.Э., Луковцева З.В.

Отрицание гендерного насилия: введение в проблему.....85-95

Зарубежные исследования по юридической психологии

Вахим Бруна Барбьери

Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. Часть I.....96-110

Методологические проблемы юридической психологии

Сорокин В.В.

Правовая психология в системе действия права.....111-121

Шипшин С.С., Бердников Д.В.

Юридические и методологические основы психологической экспертизы информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения..122-131

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Сучкова Е.Л.

Направления работы по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных.....132-143

Психология профессиональной деятельности

Умняшова И.Б., Егоров И.А.

Направления и формы развития правовой культуры педагогических работников.....144-154

История юридической психологии

Кубышко В.Л.

Психологические особенности нарративного содержания отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи.....155-169

Уважаемы читатели!

С большим удовольствием представляем Вашему вниманию новый тематический выпуск журнала — «Юридическая психология: в ответе на вызовы современного общества». Мы живем в эпоху появления новых технологий и научных открытий, сложных систем общественного устройства и взаимодействия. При этом детство и взросление современного человека протекает на фоне стремительного развития цифровых технологий, виртуальная реальность стала частью нашей жизни и новой средой общения, которая предоставляет широкие возможности для развития человека, но и включает в себя различные социальные риски, которые могут приводить к психологическим проблемам в правовом контексте. Это и появление новой активности в виде онлайн-поведения и онлайн-общения; и опасность в особенности для детей и подростков столкнуться с нежелательным контентом в сети Интернет; и стремительно возрастающее количество экстремистских, террористических сообществ и интернет-сообществ с антивитаальным содержанием; и анонимизация и проблема манипулирования в сети интернет (секстинг, кибербуллинг); и трансформация девиантных форм поведения в интернет-пространстве, появление новых форм зависимостей; а также возникновение новых, в том числе молодежных, криминальных субкультур не только в виртуальном, но и в реальном пространстве.

Вызовы современного и активно меняющегося общества ставят новые задачи, в том числе и перед юридическими психологами, выполняющими научные исследования на стыке психологии, права и судебной психиатрии. На страницах нашего журнала мы продолжаем публиковать результаты востребованных практических разработок по юридической психологии, с готовностью отвечая на поставленные обществом вызовы и задачи!

С уважением и готовностью к сотрудничеству,
главный редактор журнала «Психология и право»

Н.В. Дворянчиков

Различия в нравственной активности студентов-юристов и студентов-психологов

Красник В.С., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Челябинский государственный университет (krasnikvadim@rambler.ru)

Ряжкин А.О., аспирант кафедры психологии, Челябинский государственный университет (aoryazhkin@gmail.com)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было найти различия в компонентах нравственной активности и во взаимосвязях данных компонентов между группами студентов, обучающихся на различных факультетах. Выборку составили 79 студентов Челябинского государственного университета, из них 40 человек — студенты факультета психологии и педагогики и 39 человек — студенты юридического факультета. Основной гипотезой выступает предположение о существовании значимых различий между компонентами нравственной активности у людей, выбравших различные пути профессионального развития. В ходе исследования выявлен ряд значимых различий ($p < 0,05$). Также, в рамках исследования, были найдены корреляционные взаимосвязи между компонентами нравственной активности у двух групп, в результате чего был проведен сравнительный анализ. По результатам проведенного исследования можно сделать определенный вывод о существовании различий в нравственной активности у людей, в своей жизни выбравших различные пути профессионального развития.

Ключевые слова: нравственная активность, профессиональное развитие, субъектно-личностный подход, контроль поведения, ценностно-смысловая сфера.

Для цитаты:

Красник В.С., Ряжкин А.О. Различия в нравственной активности студентов-юристов и студентов-психологов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 1-21. doi: 10.17759/psylaw.2019090101

For citation:

Krasnik V.S., Ryazhkin A.O. Differences in the moral activity of students in the legal and psychological faculties. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.1-21. doi: 10.17759/psylaw.2019090101

Нравственная активность является одним из перспективных и актуальных направлений в психологии, так как невозможно представить человека без определенной внутренней системы, регулирующей его взаимодействие с социальным миром, которая служит основой становления и развития личности. «Нравственная активность характеризует нравственную цельность личности» [7]. На протяжении всей жизни, во многих случаях человек в своем поведении основывается на нравственных нормах и правилах. В результате чего можно сказать, что проблема нравственной активности проникает в большинство сфер человеческой жизни и именно от нее зависит весь жизненный путь человека, все формы общения с людьми, формы общественной жизни, в том числе пути профессионального развития. Мы исследовали нравственную активность во взаимосвязи с выбором путей профессионального развития личности. Данную взаимосвязь мы рассмотрели на примере студентов Челябинского государственного университета, выбравших разные жизненные пути, пути профессионального развития.

Под нравственной активностью мы понимаем деятельное нравственное отношение человека к миру, к другим людям, в котором субъект выступает как активный носитель и «проводник» нравственных ценностей [2]. Особенностью нравственной активности является то, что она проявляется в деятельности, а также тесно связана с понятием «ценностные ориентации». Ценностные ориентации определяют направленность, форму и содержание нравственной активности, а также направление деятельности и активности личности. Именно осознание необходимости реализации в своем поведении определенной системы ценностей и тем самым осознание себя субъектом, творцом «должных» нравственных отношений становится источником нравственной активности личности [2].

Мы рассматриваем нравственную активность с позиций субъектно-личностного подхода (Е.А. Сергиенко). Суть данного подхода заключается в том, что нравственная активность выступает и как личностная характеристика, и как составляющая категории субъекта [12]. Е.А. Сергиенко рассматривает личность как стержневую структуру субъекта, задающую общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность выступает носителем содержания внутреннего мира. В категории субъекта заключена конкретная реализация движения, через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Из этого автор делает вывод, что субъект и личность образуют метасистему, где личность является содержательным, смысловым ядром, направляющим и регулирующим поведение, а субъект — исполнительным звеном, интегрирующим и выбирающим соответствующие личностным задачам пути, стратегии реализации и решения задач в определенных ситуациях и контекстах. Существование данной метасистемы позволяет говорить о наличии регуляции поведения человека как на уровне субъекта (по словам автора, это базовые формы саморегуляции), так и высшие проявления смысловой регуляции [21]. На наш взгляд, рассмотренный подход имеет много общего с теорией Л.Н. Антилоговой [2]. Оба автора рассматривают человеческую активность в тесной связи с ее личностной основой. Е.А. Сергиенко применяет данный подход для общего изучения личности человека [21], в то время как Л.Н. Антилогова фокусируется на феномене нравственной активности [2]. Таким образом, мы можем говорить о том, что нравственная активность представлена как в категории субъекта, так и в личности. Личностный аспект связан со смысловым содержанием активности, служит основой любого взаимодействия со средой и выражается в ценностно-смысловой сфере. К категории субъекта относится реализация данной системы, выраженная в регуляции своего поведения на основе нравственных ценностей. Речь идет о таком ментальном конструкте, как контроль поведения, представляющий собой единую систему, включающую три подсистемы

регуляции (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, волевой контроль), которые интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции [21, с. 2]. Е.А. Сергиенко определяет контроль поведения как психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей [21, с. 18]. Именно три стороны контроля поведения: когнитивный, эмоциональный и волевой — выступают в нашем исследовании изучаемыми переменными.

На основе этого нами было проведено эмпирическое исследование. Цель исследования — изучить различия в компонентах нравственной активности у студентов-психологов и студентов-юристов, а также рассмотреть различия в системе нравственной активности с позиций субъектно-личностного подхода. Гипотеза исследования заключается в том, что у студентов, обучающихся на разных факультетах, существуют различия в компонентах и в системе нравственной активности.

Выборку составили 79 студентов III и IV курса Челябинского государственного университета, в возрасте от 19 до 21 года, из них — 17 юношей и 62 девушки. Студенты, представленные в выборке, обучаются на факультете психологии и педагогики, и на юридическом факультете; из них 40 человек — студенты факультета психологии и педагогики и 39 человек — студенты юридического факультета. Используемые методы — тестовые опросники и методы математической статистики (непараметрический критерий U Манна—Уитни, корреляционный критерий Спирмана). Для проведения тестовых опросов использовались следующие методики: «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, «Ценностный опросник» Ш. Шварца, методика «Контроль за действием» Ю. Куля для изучения волевого контроля; методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой для изучения когнитивного контроля, так как саморегуляция, по мнению Е.А. Сергиенко, указывает в большей степени на уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения [21, с. 18] и выступает как саморепрезентируемый когнитивный компонент [22, с. 74]; методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса для изучения эмоционального контроля.

После проведения данных методик в обеих группах были получены достаточно схожие результаты, что выглядит логично, так как выборку составили студенты примерно одного возраста, относящиеся к одной социальной группе и обучающиеся в одном университете. Однако проведенный по критерию U Манна—Уитни анализ студентов психологов и юристов показал ряд значимых различий между этими группами, связанных с разной профессиональной направленностью обучения. По методике Д.А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации» значимые различия проявляются по шкале «Цели в жизни» ($p=0,050$). Баллы по этой шкале характеризуют наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу [15]. Результаты представлены на рис. 1.

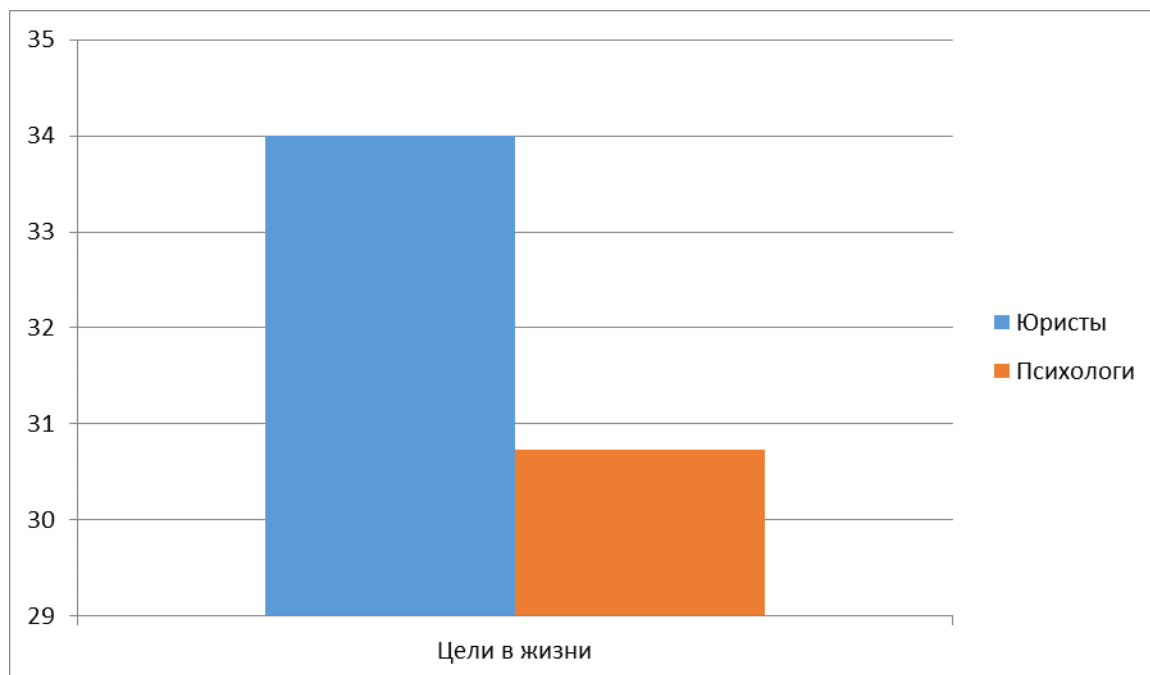

Рис. 1. Значимые различия по методике Д.А. Леонтьева «Смыслжизненные ориентации (СЖО)»

Говоря о методике «Ценностный опросник» Ш. Шварца, следует отметить, что данная методика изучает ценности на двух уровнях. Первая часть опросника («Обзор ценностей») предоставляет возможность изучить нормативные идеалы, ценности личности на уровне убеждений, а также структуру ценностей, оказывающую наибольшее влияние на всю личность, но не всегда проявляющуюся в реальном социальном поведении. Вторая часть опросника («Профиль личности») изучает ценности на уровне поведения, т. е. индивидуальные приоритеты, наиболее часто проявляющиеся в социальном поведении личности [10]. В первой части опросника значимые различия были выявлены по шкалам: конформность ($p=0,024$) и власть ($p=0,003$). Во второй части опросника различия выявлены по шкалам: власть ($p=0,039$), а также безопасность ($p = 0,000$). Ценность «конформность» описывается автором методики как производная от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия. Ценность «безопасность» производна от базовых индивидуальных и групповых потребностей в безопасности (социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность, взаимное расположение, взаимопомощь, чистота, чувство принадлежности, здоровье). Что касается ценности «власть», центральная цель этого типа ценностей заключается в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами. Связано это с тем, что функционирование социальных институтов требует определенной дифференциации статусов, и в большинстве случаев в межличностных отношениях [10]. Результаты представлены на рис. 2.

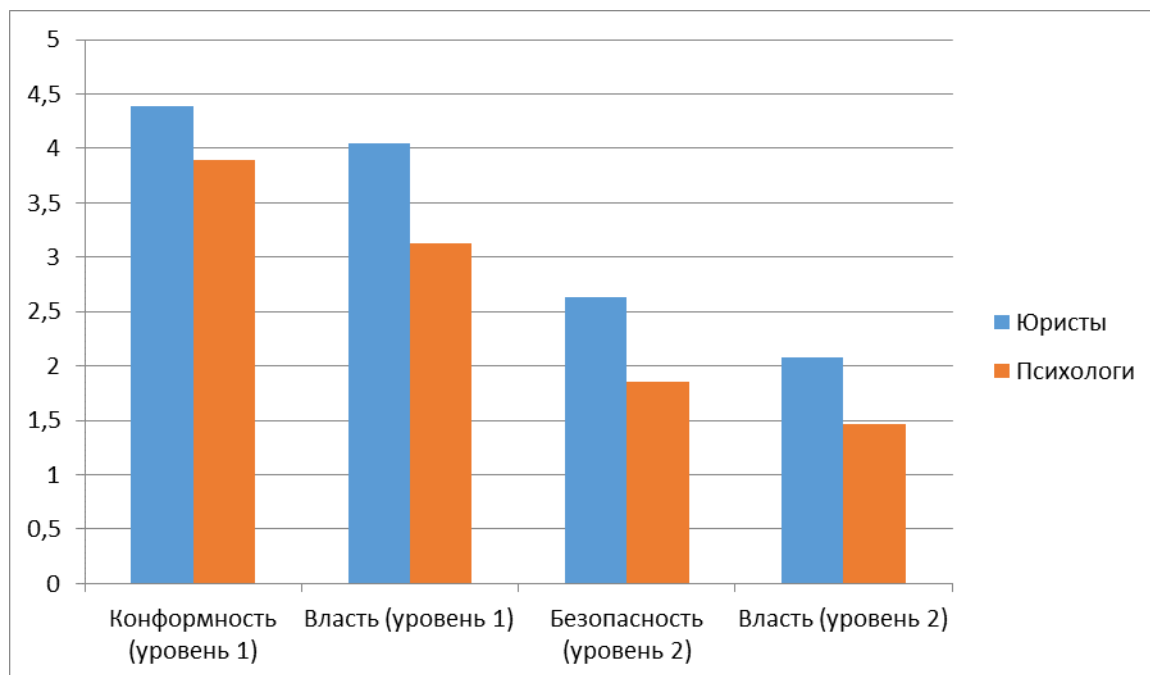

Рис. 2. Значимые различия по методике Ш. Шварца «Ценностный опросник»

В субъектной сфере нравственной активности различия выявлены по результатам методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой ($p=0,018$), что отображает когнитивную сторону контроля поведения. Результаты представлены на рис. 3.

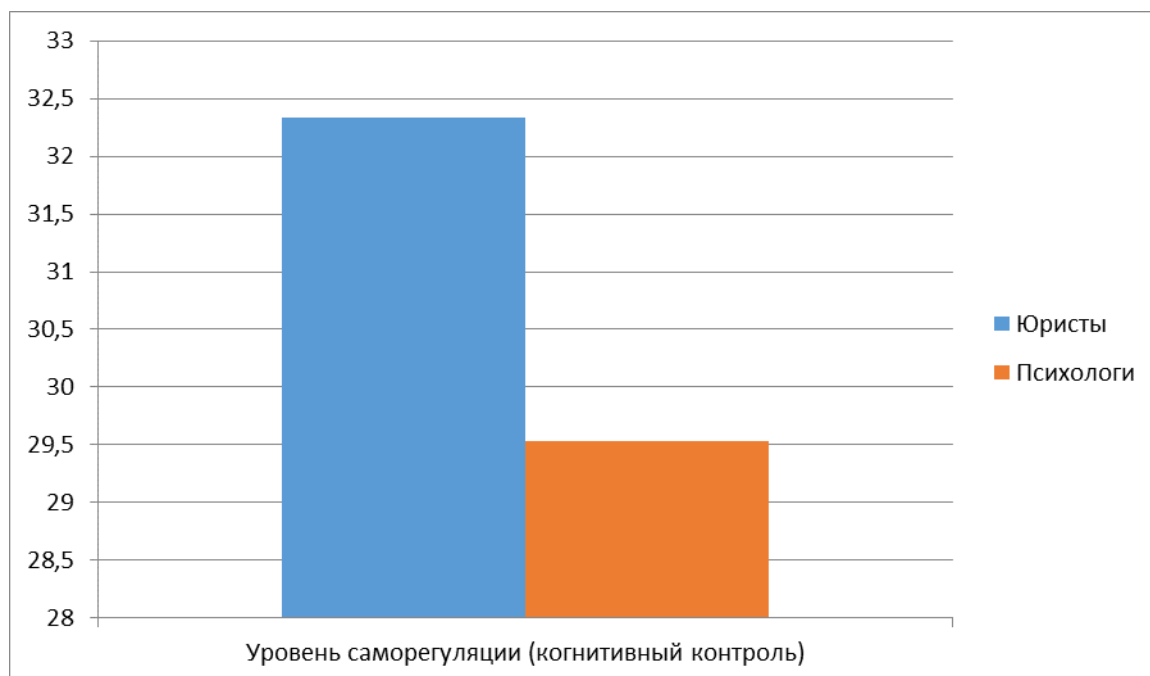

Рис. 3. Значимые различия по методике В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения»

Таким образом, выявленные различия позволяют нам говорить о неравномерности компонентов нравственной активности у студентов различных факультетов. Уровень саморегуляции поведения как когнитивного контроля в концепции Е.А. Сергиенко относится к управляющим познавательным процессам: координации восприятия, памяти, мышления для построения ментальной модели ситуации или события и торможению аффективных реакций в процессе выполнения познавательных задач [21, с. 25]. Когнитивной функцией выступает понимание окружающего мира, а сама саморегуляция отвечает за осознанные и произвольные виды регуляции поведения человека [22, с. 71—72]. Данный вид контроля более выражен у студентов-юристов. Возможно, данные различия связаны с особенностями будущей профессиональной деятельности. Как замечают А.А. Смирнов и А.А. Постнова, правовое регулирование всей профессиональной деятельности отличает юридический труд от других профессий и постепенно накладывает свой отпечаток на личность каждого юриста. Авторы отмечают, что вся деятельность юриста при всей ее сложности и разнообразии всегда протекает в рамках правового регулирования [23]. Возможно, именно поэтому юристам необходима, прежде всего, осознанная регуляция своего поведения, основанная не только на общепринятых нравственных законах, но и на понимании норм государственного права, в результате чего, у студентов-юристов когнитивный компонент выражен больше, чем у студентов-психологов. Однако следует сказать, что когнитивная система, хотя и чрезвычайно важна для процессов саморегуляции, она недостаточна для понимания регулятивных возможностей субъекта [21, с. 32]. Поэтому нельзя с определенностью сказать о более выраженных регулятивных способностях у студентов института права.

В смысложизненных ориентациях студенты-юристы в большей степени ориентированы на цели в жизни, чем студенты-психологи. Это может быть связано с тем, что студенты-юристы, имеют более осмысленные перспективы получения профессии. Большинство юридических профессий в настоящее время считаются престижными [23]. Вместе с тем практическая профессиональная деятельность психолога у нас начала развиваться сравнительно недавно. По данным В.Л. Бозаджиева, в нашей стране активизация практической психологической деятельности началась во второй половине 1980-х гг. Также автор говорит об отсутствии данных о количестве практикующих психологов. Вместе с тем в практической психологии существует проблема размытости существующих представлений о возможностях психологической науки и практики [3]. Все это может повлиять на осмысленность целей, стоящих перед студентами-психологами, при последующем получении профессии.

Также между студентами двух факультетов существуют различия в значимых ценностях. Особенно важно обратить внимание на ценность «власть», которая преобладает у студентов-юристов и на уровне убеждений, и на уровне реального поведения. Преобладание данной ценности у студентов-юристов также может быть связано с выбранной ими профессией, так как, по словам В.Н. Карташова, профессиональная юридическая деятельность всегда носит властный характер. В профессиональной юридической деятельности находят проявления основные черты государственной или общественной власти [11]. Вместе с тем выраженность данной ценности не обязательно связана с желанием получить законную власть над другими людьми, но и с осознанием необходимости власти государства, обязательным функционированием социальных институтов, проявляющимся в определенной дифференциации статусов [10]. Юридическое образование способствует осознанию важности данного принципа, что подтверждается исследованиями С.В. Будыкина и А.С. Жигачева, которые утверждают, что уровень

правового сознания успешнее формируется в процессе получения специальных юридических знаний [5]. Профессия же психолога направлена на более межличностное, неформальное общение, связанное не с правовыми императивами, а с личностными особенностями. Е.А. Климов замечает, что психологу крайне важны не только степень его научной оснащенности, но и уровень собственного личностного развития, умение понимать и принимать индивидуальность и неповторимость другого. Важны навыки и сочувственного отношения к человеку, и осознания происходящего с человеком в данной ситуации [19]. В результате власть для профессии психолога приобретает гораздо меньшую ценность в сравнении с профессией юриста.

Что касается ценности «конформность», преобладание которой также присутствует у студентов-юристов, она является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия [10]. На наш взгляд, в данной ценности заключены убеждения студентов-юристов в справедливости закона и недопустимости его нарушения, так как это может привести к негативным социальным последствиям, в том числе когда мы говорим о нормах юридической деятельности. Как замечает В.Н. Карташов, правовые предписания устанавливают компетенцию субъектов и статус участников юридической деятельности, ограничивая субъективизм и волюнтаризм в деятельности [11, с. 7]. Поэтому в ценностях будущих юристов присутствует конформность, связанная с повышенным следованием общественным нормам и правилам. Студенты-психологи же, наоборот, должны развивать определенную критичность и самостоятельность суждений для оценки тех или иных ситуаций в своей практике. Как справедливо замечает Н.Б. Никитина, для развития профессионализма психологов особое значение имеет именно личностное развитие [17].

Вместе с этим, на наш взгляд, пересекается и выраженность у студентов-юристов, на уровне поведения, ценности «безопасность», как безопасности для других людей и себя, гармонии, стабильности общества и взаимоотношений (социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность и т. д.) [10]. Нормы права во многом и обеспечивают данную безопасность и стабильность. Социальная защита людей и даже целых сфер общественной жизни со стороны государства и конкретных субъектов профессиональной юридической деятельности должна подкрепляться не только соответствующей правотворческой, но и эффективной правоприменительной, распорядительной, контрольной и иной юридической деятельностью [11, с. 44]. Понимание данного принципа ведет к усилению ценности «безопасность» в жизни студента-юриста и к реализации данной ценности в будущей профессиональной деятельности.

Помимо поиска различий между компонентами нравственной активности, мы рассмотрели ее как динамическую, взаимосвязанную систему. Для этого нами был проведен корреляционный анализ по критерию Спирмана. Мы искали взаимосвязи между компонентами, выделенными на первом этапе исследования, и проанализировали субъектные компоненты нравственной активности, личностные компоненты, а также исследовали взаимосвязи между сферами субъекта и личности. Результаты анализа субъектной составляющей представлены на рис. 4.

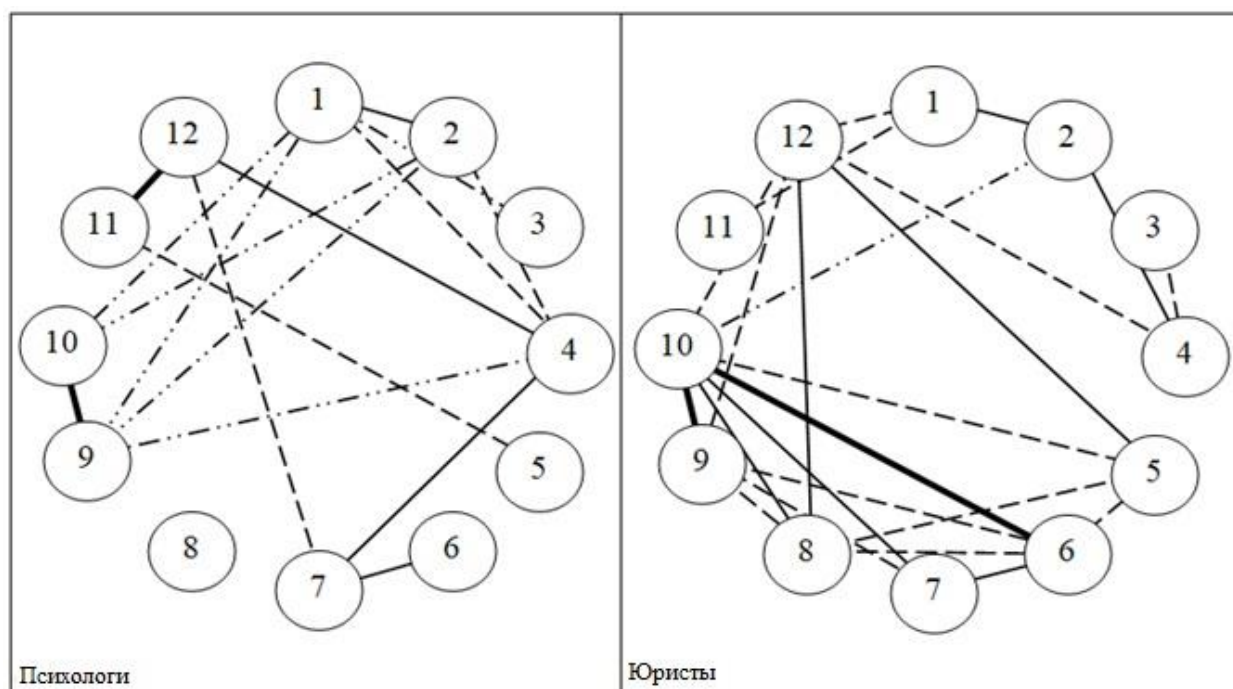

Рис. 4. Коррелограмма компонентов субъектной сферы нравственной активности: 1 — Контроль при планировании (волевой контроль); 2 — Контроль при реализации (волевой контроль); 3 — Контроль при неудаче (волевой контроль); 4 — Общий уровень саморегуляции (когнитивный контроль); 5 — Конфронтационный копинг (эмоциональный контроль); 6 — Дистанцирование (эмоциональный контроль); 7 — Самоконтроль (эмоциональный контроль); 8 — Поиск социальной поддержки (эмоциональный контроль); 9 — Принятие ответственности (эмоциональный контроль); 10 — Бегство-избегание (эмоциональный контроль); 11 — Поиск решения проблем (эмоциональный контроль); 12 — Положительная переоценка (эмоциональный контроль).

----- $p \leq 0,05$

————— $p \leq 0,01$

————— $p \leq 0,001$

..... отрицательные корреляции

Обе группы имеют корреляции между переменными «контроль при реализации» и «контроль при планировании», которые являются компонентами волевого контроля. Также в обеих группах существует корреляционная связь между контролем при реализации и переменной «бегство—избегание», которая, в свою очередь, отвечает за эмоциональный контроль поведения, и контролем при реализации и уровнем саморегуляции, отвечающим за когнитивный контроль. Общий уровень саморегуляции, в свою очередь, статистически значимо связан с переменной «положительная переоценка», которая является компонентом эмоционального контроля. Данные сходства в корреляциях двух групп позволяют утверждать, что в субъектной сфере системы нравственной активности равнозначно участвуют все три компонента конструкта «контроль поведения» [21]. Что же касается различий, в группе студентов-юристов наибольшим количеством корреляционных связей обладают переменные «положительная переоценка» и «бегство-избегание», отвечающие за

эмоциональный контроль поведения. У студентов-психологов, наибольшее количество корреляций — у переменной «контроль при планировании», являющейся компонентом волевого контроля, и «общим уровнем саморегуляции», как компонента когнитивного контроля. Причина данных различий кроется в характере существующих взаимосвязей. У студентов-психологов когнитивный контроль поведения, выраженный в переменной «общий уровень саморегуляции», помимо взаимосвязей с переменными волевого контроля — «контроль при планировании» ($r = 0,337$; $p = 0,039$) и «контроль при реализации» ($r = 0,331$; $p = 0,042$), — также имеет несколько взаимосвязей с компонентами эмоционального контроля — переменными «самоконтроль» ($r = 0,467$, $p = 0,003$), «принятие ответственности» ($r = -0,440$ $p = 0,006$) и «положительная переоценка» ($r = 0,465$; $p = 0,003$). Студенты-юристы в когнитивном аспекте контроля поведения имеют лишь одну взаимосвязь с компонентом эмоционального контроля — переменной «положительная переоценка» ($r = 0,376$; $p = 0,018$) и также, как и студенты-психологи, — взаимосвязи с волевыми компонентами «контроль при неудаче» ($r = 0,370$; $p = 0,020$) и «контроль при реализации» ($r = 0,443$; $p = 0,005$).

Можно сделать вывод, что когнитивный контроль поведения, т. е. осознанные и произвольные виды регуляции поведения человека [22, с. 71—72] у студентов-психологов, достаточно сильно взаимосвязан с эмоциональной составляющей, т. е. при осознанной регуляции своего поведения будущие психологи ориентируются не только на осознание возникающей ситуации, но и на ее эмоциональную оценку. Именно поэтому А.В. Дегтярев и Е.А. Галкина, проведя теоретический анализ, среди профессионально значимых показателей компетентности психолога особую роль отводят развитости эмоциональной сферы [6].

В то же время, студенты-юристы не связывают когнитивную регуляцию с эмоциональным контролем. Будущие юристы должны ориентироваться на правовые нормы и правила в своей будущей профессиональной деятельности. Как справедливо замечает И.И. Аминов, юридическая деятельность четко регламентирована законом, что, в свою очередь, формирует потребность в неукоснительном, наиболее точном и качественном исполнении правовых предписаний, формирует направленность личности [1, с. 148]. В подобных условиях недопустимо смешивание когнитивного и эмоционального уровней контроля, так как, на наш взгляд, регуляция, основанная на эмоциях, может существенно ухудшить показатели профессиональной деятельности. Несмотря на высокие эмоциональные нагрузки в юридической деятельности, специалисты должны ориентироваться на осознанное, рациональное регулирование своего поведения. Неслучайно, среди важных личностных качеств юриста выделяют: эмоциональную устойчивость, умеренную эмоциональную возбудимость в экстремальных ситуациях, устойчивость к нервно-психическому перенапряжению [16]. Напротив, будущая профессиональная деятельность студентов-психологов подразумевает активное использование эмоциональной сферы, в том числе и в области регуляции собственного поведения. По словам Н.Б. Никитиной, для эффективности профессиональной деятельности важно эмоциональное состояние психолога. Эмоциональная неуравновешенность приводится автором как качество, препятствующее эффективной профессиональной деятельности психолога [17]. Все это подтверждает высокую значимость эмоциональной сферы, а также эмоционального уровня контроля поведения в деятельности психолога. Эмоциональный контроль приобретает большую значимость и является неотъемлемой составляющей всей системы регуляции поведения психолога, что и подтверждают результаты нашего исследования.

Далее была проанализирована личностная сфера системы нравственной активности. Результат представлен на рис. 5.

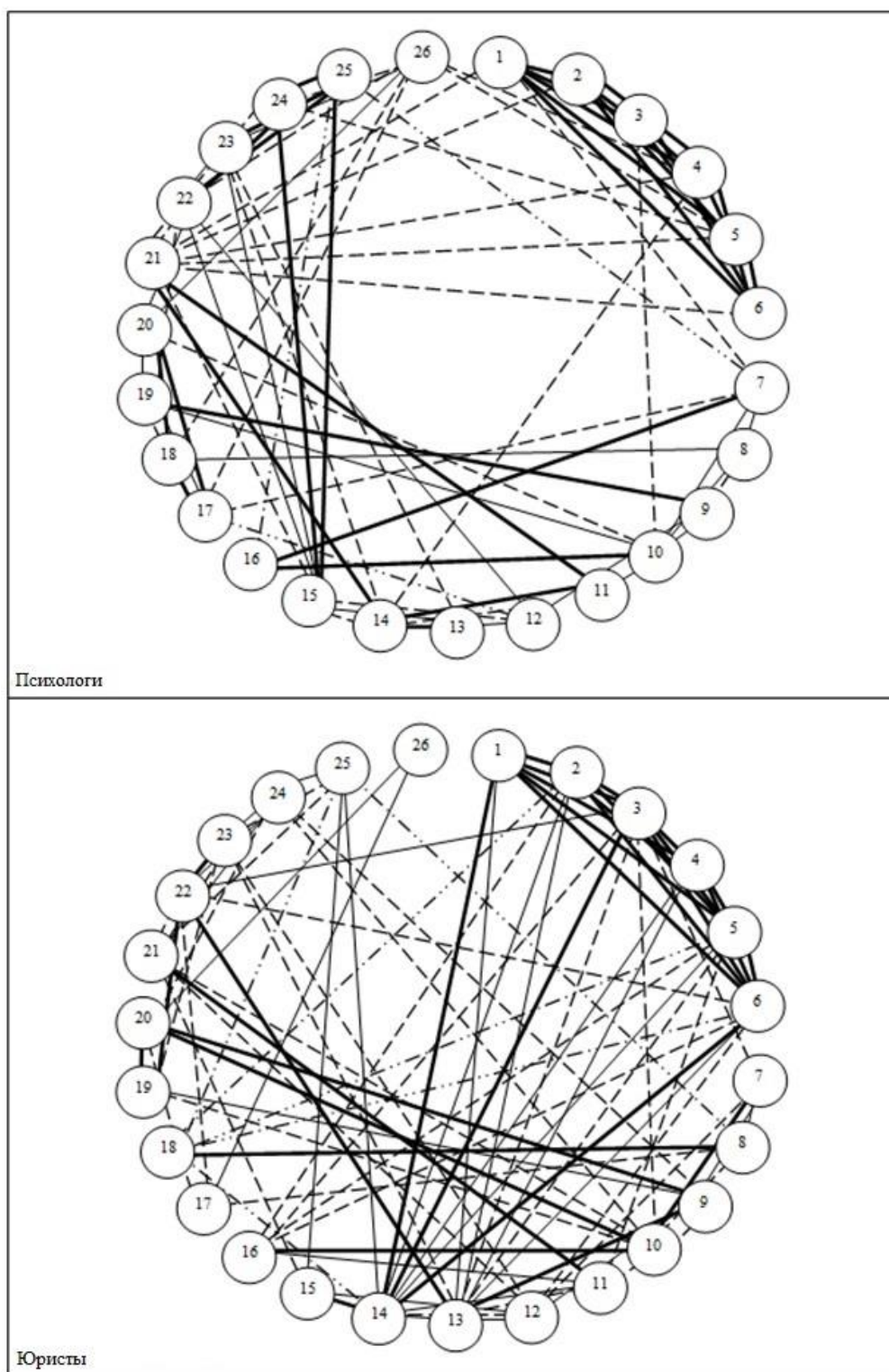

Рис. 5. Коррелограмма компонентов личностной сферы нравственной активности:

1 — Смысложизненные ориентации на цели жизни; 2 — Смысложизненные ориентации на процесс жизни; 3 — Смысложизненные ориентации на результативность

жизни; 4 — Локус контроля — Я; 5 — Локус контроля — жизнь; 6 — Общий уровень осмысленности жизни; 7 — Ценность «конформность» (уровень 1); 8 — Ценность «традиции» (уровень 1); 9 — Ценность «доброта» (уровень 1); 10 — Ценность «универсализм» (уровень 1); 11 — Ценность «самостоятельность» (уровень 1); 12 — Ценность «стимуляция» (уровень 1); 13 — Ценность «гедонизм» (уровень 1); 14 — Ценность «достижения» (уровень 1); 15 — Ценность «власть» (уровень 1); 16 — Ценность «безопасность» (уровень 1); 17 — Ценность «конформность» (уровень 2); 18 — Ценность «традиции» (уровень 2); 19 — Ценность «доброта» (уровень 2); 20 — Ценность «универсализм» (уровень 2); 21 — Ценность «самостоятельность» (уровень 2); 22 — Ценность «стимуляция» (уровень 2); 23 — Ценность «гедонизм» (уровень 2); 24 — Ценность «достижения» (уровень 2); 25 — Ценность «власть» (уровень 2); 26 — Ценность «безопасность» (уровень 2).

— — — — — $p \leq 0,05$

_____ $p \leq 0,01$

_____ $p \leq 0,001$

— . . . — . . . — . . . отрицательные корреляции

Результаты, полученные при сравнении компонентов личностной сферы системы нравственной активности, демонстрируют значительное сходство между группами. В обеих группах взаимосвязаны все компоненты смысловой сферы, что говорит о ее значении в становлении нравственной активности личности. Ю.А. Куриленко называет смысловую сферу важнейшим образованием, ответственным за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношения к себе и другим людям [14]. Кроме того, хочется выделить ценности «стимуляция» и «достижения» на уровне убеждений, которые имеют схожие корреляции в обоих случаях. Ценность «стимуляция» связана с ценностями: «доброта», «гедонизм», «достижения», «власть». Данная ценность являясь производной от организменной потребности в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности. Цель этого типа ценностей заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям [10]. Важность данной ценности для выборки заключается в ее возрасте. Студенты, представленные в выборке, находятся в возрастном периоде от 19 до 21 года. Данный период определяется И.Ю. Кулагиной как «юность» и рассматривается автором как время выбора жизненного пути. Ощущение того, что вся жизнь впереди, дает возможность пробовать, ошибаться и искать с легкой душой [13]. Поиски своего места, различных видов деятельности и новых ощущений, на наш взгляд, придают важность ценности «стимуляция», в независимости от выбора профессионального пути. За счет стратегии поведения, в которой доминирует данная ценность, молодые люди стремятся добиться социально значимых результатов и получить удовольствие от жизни, чем объясняются корреляции с ценностями: «гедонизм», «достижения», «власть». Что касается ценности «достижения», то кроме взаимосвязи со стимуляцией она также имеет некоторые корреляции, сохраняющиеся в различных группах. В их числе корреляции с ценностями «самостоятельность», «гедонизм», «власть», а также компонент смысловой сферы «локус контроля Я». Данная ценность определяется как личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами; основываясь на данных корреляциях, можно определить, что именно современные студенты считают социально значимыми достижениями. Ценность

самостоятельности связана с независимостью в мышлении и действиях, что приобретает большую значимость для молодых людей данного возраста, ведь данный возрастной этап считается первым периодом взрослой, самостоятельной жизни [13]. В связи с этим закономерна и корреляция достижений с переменной «локус контроля Я», суть которой заключается в представлении о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле [15]. Также ценность «достижения» связана с ценностями «гедонизм» (наслаждение или чувственное удовольствие) и «власть» (достижение социального статуса или престижа), которые могут выступать здесь как терминальные, т. е. служат целями для достижения. Таким образом, можно сказать об определенном сходстве выборки. Несмотря на обучение на различных факультетах, молодые люди в обеих группах ценят независимость мышления и поведения, разнообразные положительные впечатления и достижение высокого статуса в обществе.

Однако различия присутствуют и в данной сфере. В коррелограмме студентов-юристов переменные «гедонизм» и «достижения» на уровне убеждений имеют значительно больше корреляций, чем в группе студентов-психологов. В то же время у будущих психологов значительно больше выйдут переменные «самостоятельность» и «стимуляция» на уровне поведения. На наш взгляд, данные различия повторно демонстрируют то, что в обществе есть определенные представления о престижности юридических профессий и студенты, поступающие на этот факультет, по окончании образования в университете ожидают занять значимое, престижное, положение в обществе. В то же время будущие специалисты в области психологии настроены прежде всего на независимую, в определенной степени творческую работу и познание психики человека. Это и является причиной полученных в нашем исследовании различий.

Для получения наиболее полной картины различий между системами нравственной активности двух групп, нами также был проведен корреляционный анализ между субъектными и личностными компонентами данной системы. Результат представлен на рис. 6

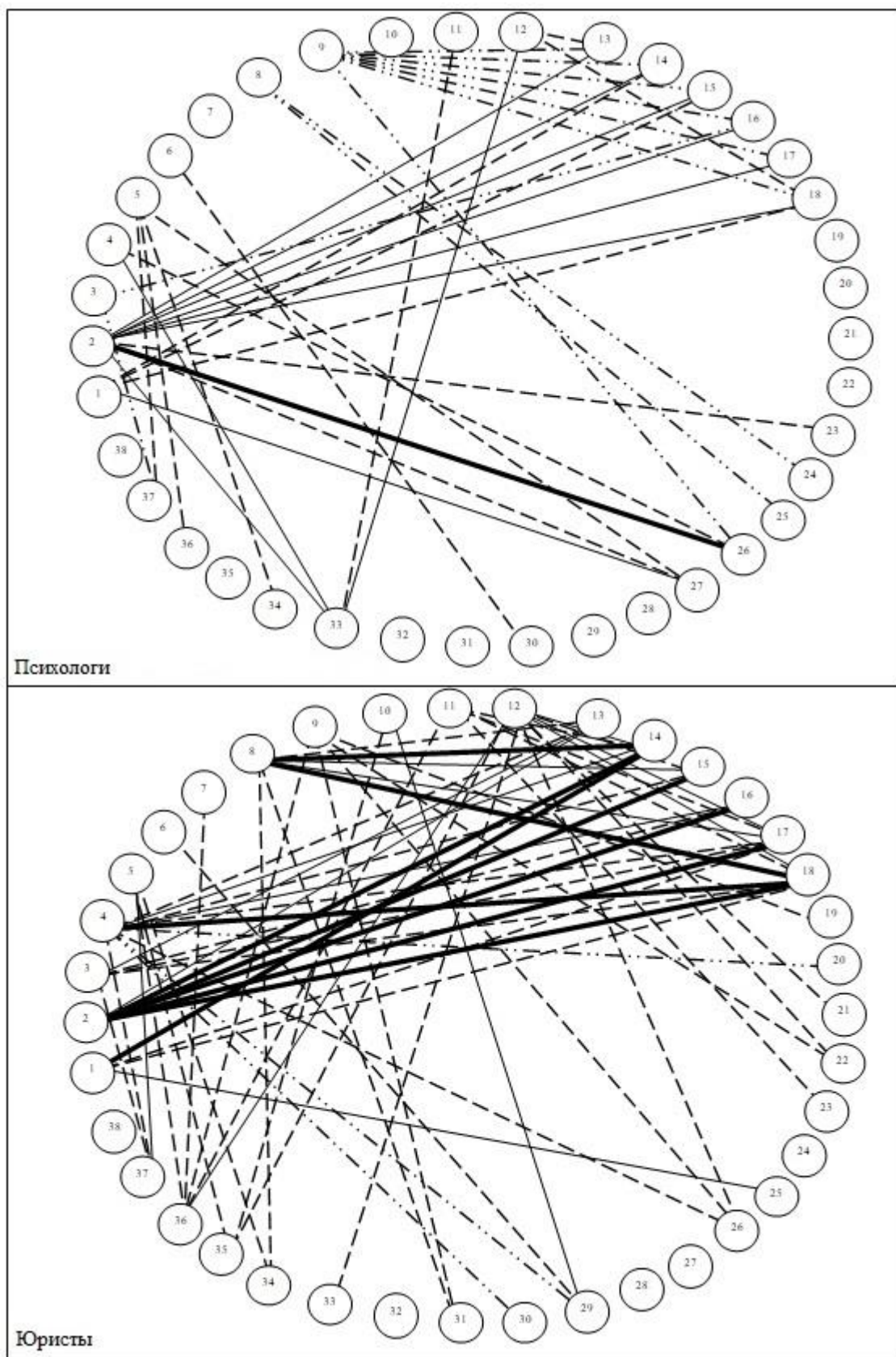

Рис. 6 Коррелогограмма, демонстрирующая связи между личной и субъектной сферами нравственной активности: 1 — Контроль при планировании (волевой контроль); 2 — Контроль при реализации (волевой контроль); 3 — Контроль при неудаче (волевой контроль)

контроль); 4 — Общий уровень саморегуляции (когнитивный контроль); 5 — Конфронтационный копинг (эмоциональный контроль); 6 — Дистанцирование (эмоциональный контроль); 7 — Самоконтроль (эмоциональный контроль); 8 — Поиск социальной поддержки (эмоциональный контроль); 9 — Принятие ответственности (эмоциональный контроль); 10 — Бегство-избегание (эмоциональный контроль); 11 — Поиск решения проблем (эмоциональный контроль); 12 — Положительная переоценка (эмоциональный контроль); 13 — Смыслжизненные ориентации на цели жизни; 14 — Смыслжизненные ориентации на процесс жизни; 15 — Смыслжизненные ориентации на результативность жизни; 16 — Локус контроля — Я; 17 — Локус контроля — жизнь; 18 — Общий уровень осмысленности жизни; 19 — Ценность «конформность» (уровень 1); 20 — Ценность «традиции» (уровень 1); 21 — Ценность «доброта» (уровень 1); 22 — Ценность «универсализм» (уровень 1); 23 — Ценность «самостоятельность» (уровень 1); 24 — Ценность «стимуляция» (уровень 1); 25 — Ценность «гедонизм» (уровень 1); 26 — Ценность «достижения» (уровень 1); 27 — Ценность «власть» (уровень 1); 28 — Ценность «безопасность» (уровень 1); 29 — Ценность «конформность» (уровень 2); 30 — Ценность «традиции» (уровень 2); 31 — Ценность «доброта» (уровень 2); 32 — Ценность «универсализм» (уровень 2); 33 — Ценность «самостоятельность» (уровень 2); 34 — Ценность «стимуляция» (уровень 2); 35 — Ценность «гедонизм» (уровень 2); 36 — Ценность «достижения» (уровень 2); 37 — Ценность «власть» (уровень 2); 38 — Ценность «безопасность» (уровень 2).

— — — — — $p \leq 0,05$

————— $p \leq 0,01$

————— $p \leq 0,001$

— . . . — . . . — . . . отрицательные корреляции

В результате анализа, можно также говорить как о различиях, так и о сходстве. И студенты-юристы, и студенты-психологи имеют четкие взаимосвязи между всеми компонентами смысловой сферы и переменной «контроль при реализации», являющейся компонентом волевого контроля и отражающей способность субъекта пребывать в процессе реализации намерения необходимое время, удерживать в фокусе внимания актуальную интенцию. Переменная имеет большое значение для студентов обеих групп, так как данный тип контроля необходим при выполнении учебной деятельности. Как пишут Р.В. Овчарова и В.И. Долгова, студенческий возраст характеризуется активным формированием социальных взаимоотношений, формированием и закреплением волевых качеств личности и развитием механизма эмоционально-волевой регуляции в целом [7]. Связано это с тем, что именно волевой контроль поведения необходим при решении возникающих задач в процессе учебной деятельности, что и объясняет наличие множества корреляций со смысловой сферой личности, которая, в свою очередь, в качестве смысловых образований является основой возможного будущего, которое опосредует настоящее, сегодняшнюю деятельность человека [4].

Также существуют и различия. В субъектном плане у студентов-юристов наибольшее число корреляций имеет переменная «общий уровень саморегуляции» как компонент когнитивного контроля. В первую очередь, она взаимосвязана со смысловой сферой, что говорит нам о наибольшей значимости именно когнитивного контроля для будущих

юристов, так как «смысловые ориентации рассматриваются как наиболее общие и основные «единицы» личности, которые формируются не в конкретной деятельности, а на протяжении всей жизни личности» [4, с. 103]. Причиной данной корреляции является специфика будущей деятельности студентов института права. Юрист обязан строго следовать букве закона и определенным нормам и правилам [18]. Именно поэтому контроль поведения у будущих юристов должен производиться на основе когнитивных процессов, т. е. произвольных и осознанных уровней регуляции деятельности [21]. Кроме того, уровень саморегуляции положительно связан с переменными «достижения» на уровне убеждений ($r = 0,322$; $p = 0,045$) и «власть» на уровне поведения ($r = 0,424$; $p = 0,009$), а также отрицательно — с переменными «традиции» на уровне убеждений ($r = - 0,505$; $p = 0,001$) и на уровне поведения ($r = - 0,410$; $p = 0,012$) и «конформность» на уровне поведения ($r = - 0,434$; $p = 0,007$). Данные взаимосвязи указывают на то, что студенты с помощью произвольной регуляции поведения настойчиво стремятся достичь успехов в своей деятельности, не отличаясь смирением и послушанием, в чем выражены ценности традиций и конформности.

Также большое количество корреляций, имеет переменная «положительная переоценка», выступающая как компонент эмоционального контроля и определяемая как преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления. Помимо связей со смысловой сферой, переменная также связана с ценностями «доброта» ($r = 0,323$; $p = 0,045$), «универсализм» ($r = 0,347$; $p = 0,030$), «достижения» ($r = 0,329$; $p = 0,041$) на уровне убеждений, а также «самостоятельность» ($r = 0,327$; $p = 0,048$), «гедонизм» ($r = 0,342$; $p = 0,038$), «достижения» ($r = 0,423$; $p = 0,009$) на уровне поведения. Данные связи демонстрируют, какой эмоциональный окрас приобретает для будущих юристов их деятельность. Ценности «доброта» и «универсализм» направлены на защиту благополучия окружающих людей, как близких, так и посторонних. Связь этих ценностей с положительной переоценкой показывает, что такое отношение к окружающему миру стимулирует личностный рост данных людей, что, в свою очередь, ведет к достижению социальной компетентности в соответствии с социальными стандартами (ценность «достижения»). Все это говорит о том, что студенты-юристы относятся к своей деятельности как к положительной и нравственной, способной принести благо всему обществу. Это весьма значимые результаты, так как о профессиональной состоятельности юриста сложно говорить, не учитывая его личных качеств, имеющих не меньшее значение, чем талант и квалификация. Основные нормы профессиональной этики юриста: честность, ответственность, бескорыстность, беспристрастность, — приобретают в условиях возрастания противоправного поведения, падения нравственной и правовой культуры особую ценность [9]. Показательно, что результаты нашего исследования схожи с подобными исследованиями В.А. Рогачева и И.Н. Коноплевой, результаты которых говорят, что наиболее используемыми копинг-стратегиями у сотрудников данного профессионального направления являются «положительная переоценка» и «поиск решения проблемы» [20].

У студентов-психологов также есть свои отличительные особенности. Среди компонентов субъекта выделяется переменная «контроль при реализации», отвечающая за волевой контроль. Помимо связей со смысловой сферой, описанных нами выше, контроль при реализации имеет корреляции с переменными: «самостоятельность» как на уровне убеждений ($r = 0,334$; $p = 0,038$), так и на уровне поведения ($r = 0,439$; $p = 0,005$), «достижения» ($r = 0,508$; $p = 0,001$) и «власть» ($r = 0,363$; $p = 0,023$) (уровень убеждений). Данные особенности также можно объяснить следующим образом. Так как

профессиональная деятельность психолога связана с изучением психики человека, его уникальных личностных особенностей, то для успешного выполнения профессиональных задач психологу необходима определенная автономность и независимость, самостоятельность мышления и выбора способов действия в творчестве и исследовательской активности, чем и характеризуется ценность «самостоятельность». Неслучайно среди качеств успешного психолога, рассматриваемых Н.Б. Никитиной, выделяются гибкость и творческая направленность мышления, независимость, самоуверенность, развитое чувство самоконтроля [17]. В связи с этим у будущих профессионалов выделяется именно волевой контроль как произвольность исполнительных действий, подчинение определенным смыслам [21], а не когнитивный, основанный на использовании интеллектуального ресурса [21].

Кроме того, множество отрицательных корреляций у компонента эмоционального контроля и переменной «принятие ответственности». Принятие ответственности коррелирует со всеми компонентами смысловой сферы, а также с ценностью «достижения» на уровне убеждений ($r = - 0,341$; $p = 0,033$). Стратегия «принятие ответственности» определяется как признание субъектом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения. Выраженность данной стратегии может приводить к неоправданной самокритике и самобичеванию и хронической неудовлетворенности собой. Такая стратегия поведения может существенно повлиять на уверенность психолога в своих силах, в результате чего негативно сказаться на его профессиональных результатах. По словам В.Л. Бозаджиева: «... психология — очень сложная, душевно затратная, глубинно ориентированная форма профессиональной жизни личности, требующая от человека больших жизненных сил, личностной смелости и "самости"» [3, с. 144]. Если же будущий профессионал страдает от излишней самокритики и неудовлетворенности собой, то, на наш взгляд, нельзя говорить о высоких профессиональных достижениях в его будущем, что и продемонстрировали полученные результаты.

Таким образом, нами были проанализированы различия между системой нравственной активности у студентов, выбравших различные профессиональные пути. Выдвинутая нами гипотеза о наличии значимых различий в компонентах и в системе нравственной активности у студентов-юристов и студентов-психологов нашла свое подтверждение.

Литература

1. Аминов И.И. Юридическая психология: учебник для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 415 с.
2. Антилогова Л.Н. О взаимосвязи ценностных ориентаций и нравственной активности личности // Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов. 2003. № 2. С. 13—17.
3. Бозаджиев В.Л. Психолог: профессия и личность. Челябинск: Печатный двор, 2011. 424 с.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.

5. Будыкин С.В., Жигачев А.С. Взаимосвязь изучения правовых дисциплин с уровнем правосознания (на примере студентов, изучающих правовые дисциплины) [Электронный ресурс]. // Психология и право. 2014. 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (дата обращения: 22.04.2018).
6. Дегтярев А.В., Галкина Е.А. Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Ч. 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 58—72. doi:10.17759/psylaw.2016060106
7. Долгова В.И., Овчарова Р.В. Исследование эмоционально-волевой регуляции студентов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 69—73.
8. Зайцева И.А. Нравственная активность личности, сущность ее и компоненты // Материалы VIII Междунар. науч. практ. конф. «Личность—слово—социум» (г. Минск, 28—29 апреля 2008 г.): в 2 ч. Ч. 1. Минск: Паркус плюс, 2008. С. 17—21.
9. Камалетдинов Э.С. Нравственные аспекты деятельности юриста: современное измерение // Вестник Башкирского университета. 2013. № 1. С. 217—219.
10. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
11. Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1992. 88 с.
12. Красник В.С., Рязжкин А.О. Проблема нравственной активности с позиций субъектно-личностного подхода [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2016/08/16326> (дата обращения: 11.01.2018).
13. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 464 с.
14. Куриленко Ю. А. Смысловая сфера как структурный элемент личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2. С. 20—23.
15. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
16. Московская М.С., Котельникова Д.А., Дубинский А.А. Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико-психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. № 3. С. 83—96. doi: 10.17759/psylaw.207070307
17. Никитина Н.Б. Личностные особенности психолога профессионала // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2010. № 5. С.229—233.

18. *Проницева М.М., Коноплева И.Н.* Влияние субъективных особенностей образа Я на способность к саморегуляции студентов-юристов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63805.shtml> (дата обращения: 22.04.2018).
19. Психолог. Введение в профессию: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / В.А. Фокин [и др.]. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 208 с.
20. *Рогачев В.А., Коноплева И.Н.* Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml (дата обращения: 19.04.2018).
21. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.
22. *Сергиенко Е.А.* Ценность категории «субъект» для психологии и некоторые дискуссионные вопросы ее разработки // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 62—82.
23. *Смирнов А.А., Постнова А.А.* Особенности профессиональной деятельности юриста // Вестник КГУ. 2012. № 1. С. 110—113.

Differences in the moral activity of students in the legal and psychological faculties

Krasnik V.S., PhD (Psychology), assistant professor, assistant professor at the department of psychology, Chelyabinsk State University (krasnikvadim@rambler.ru)

Ryazhkin A.O., PhD Student, Chair of Psychology, Chelyabinsk State University (aoryazhkin@gmail.com)

The article presents the results of an empirical research, which purpose is to find differences in the components of moral activity, and in the correlations of these components, between groups of students from different faculties. The sample consisted of 79 students from the Chelyabinsk State University. 40 people are students of the Faculty of Psychology and Pedagogy and 39 are students of the Institute of Law. The main hypothesis is the assumption that there are significant differences between the components of moral activity in people who have chosen different paths of professional development. The study discovered a number of significant differences ($p < 0,05$). Also within the framework of the study, we found correlations between the components of moral activity of two groups, and, as a result of this, carry out a comparative analysis. Based on the results of the study, it is possible to draw a conclusion about the existence of differences in the moral sphere among people who have chosen different paths of professional development in their lives.

Keywords: moral activity, professional development, subject-personal approach, behavior control, value-semantic sphere.

References

1. Aminov I.I. Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya» [Legal psychology]. Moscow: YuNITI-DANA Publ., 2012. 415 p.
2. Antilogova L.N. O vzaimosvyazi tsennostnykh orientatsii i нравstvennoi aktivnosti lichnosti [On the relationship between value orientations and moral activity of the person]. Sibirskaya psikhologiya segodnya: Sbornik nauchnykh trudov [Siberian psychology today: collection of scientific papers], 2003, no. 2, pp. 13-17. (In Russ.).
3. Bozadzhiev V.L. Psikholog: professiya i lichnost' [Psychologist: profession and personality]. Chelyabinsk: Pechatnyi dvor Publ., 2011. 424 p.
4. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 301 p.

5. Budykin S.V., Zhigachev A.S. Vzaimosvyaz' izucheniya pravovykh distsiplin s urovnem pravosoznaniya (na primere studentov, izuchayushchikh pravovye distsipliny) [Elektronnyi resurs] [the relationship between the study of legal disciplines and the level of the sense of justice]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2014. no. 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68299.shtml> (Accessed: 22.04.2018).
6. Degtyarev A.V., Galkina E.A. Personality and emotional sphere of students in the context of the preparation of specialists for work with children in legally relevant situations (Part 1) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 58-72. doi:10.17759/psylaw.2016060106 (In Russ.; abstr. in Engl.)
7. Dolgova V.I., Ovcharova R.V. Issledovanie emotsional'novolevoi regulyatsii studentov [Investigation of emotional and willed regulation of students]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Announcer of the Chelyabinsk State Pedagogical University]*, 2015, no. 5, pp. 69-73. (In Russ.)
8. Zaitseva I.A. Nравstvennaya aktivnost' lichnosti, sushchnost' ee i komponenty [Moral activity of the personality, its essence and components]. In *Materialy Vos'moi Mezhdunarodnoy nauchnoy prakticheskoy konferencii «lichnost'-slovo-sotsium»* (g. Minsk, 28—29 aprelya 2008 g.) [Proceedings of the Eighth International Scientific and Practical Conference «personality-say-socium»]. Minsk: Parkus plyus Publ., 2008, P. 1, pp. 17-21.
9. Kamaletdinov E.S. Nравstvennye aspekty deyatelnosti yurista: sovremennoe izmerenie [Moral aspects of the lawyer's activity: modern measurement]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Announcer of the Bashkir University]*, 2013, no. 1, pp. 217-219. (In Russ.)
10. Karandashev V. N. Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz's method for studying personal values: a concept and a methodical guide]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 2004. 70 p.
11. Kartashov V. N. Professional'naya yuridicheskaya deyatelnost' (voprosy teorii i praktiki) [Professional legal activity]. Yaroslavl': YarGU Publ., 1992. 88 p.
12. Krasnik V.S., Ryazhkin A.O. Problema нравstvennoi aktivnosti s pozitsii sub"ektno-lichnostnogo podkhoda [Elektronnyi resurs] [The problem of moral activity from the position of subject-personal approach]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanities scientific studies]*. 2016. no. 8. URL: <http://human.snauka.ru/2016/08/16326> (Accessed 11.01.2018).
13. Kulagina I.Yu., Kolyutskii V.N. Vozrastnaya psikhologiya: Polnyi zhiznennyi tsikl razvitiya cheloveka: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Age psychology: The full life cycle of human development]. Moscow: TTs «Sfera» Publ., 2001. 464 p.
14. Kurilenko Yu. A. Smyslovaya sfera kak strukturnyi element lichnosti [Semantic sphere as a structural element of personality]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psycho-pedagogy in law enforcement agencies]*, 2014, no. 2, pp. 20-23. (In Russ.)

15. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennkh orientatsii (SZhO) [Test of life-semantic orientations]. Moscow: Smysl Publ., 2000. 18 p.
16. Moskovskaya M.S., Kotelnikova D.A., Dubinsky A.A. Features of the regulation of the activity among interrogators (clinical and psychological, neuropsychological and gender aspects) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017. no. 3, pp.83-96. doi: 10.17759/psylaw.2017070307
17. Nikitina N. B. Lichnostnye osobennosti psikhologa professionala [Personal features of a professional psychologist]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki [Scholastic notes ZabGU. Series: Pedagogical sciences]*, 2010, no. 5, pp.229-233. (In Russ.; abstr. in Engl.).
18. Pronicheva M.M., Konopleva I.N. Vliyanie sub"ektivnykh osobennostei obraza Ya na sposobnost' k samoregulyatsii studentov-yuristov [Elektronnyi resurs] [The influence of subjective features of the self-image on the ability to self-regulation of law students]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2013. no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63805.shtml> (Accessed 22.04.2018)
19. Fokin V.A. et al. Psikholog. Vvedenie v professiyu: ucheb, posobie dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya [Psychologist. Introduction to the profession]. Moscow: Akademiya Publ., 2011. 208 p.
20. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Vzaimosvyaz' koping-strategii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov so stilevymi osobennostyami samoregulyatsii [Elektronnyi resurs] [Relationship of the coping strategies of law enforcement officers with the style features of self-regulation]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml (Accessed 19.04.2018)
21. Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Kovaleva Yu.V. Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyatsiya [Behavioral control as subject regulation]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2010. 352 p.
22. Sergienko E.A. Tsennost' kategorii «sub'ekt» dlya psikhologii i nekotorye diskussionnye voprosy ee razrabotki [The value of the category "subject" for psychology and some discussion questions of its development]. In V.V. Znakov, G.V. Zalevskii (ed.) *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoi nauki i psikhologiya tsennostei [Value foundations of psychological science and the psychology of values]*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2008, pp. 62 — 82.
23. Smirnov A. A., Postnova A. A. Osobennosti professional'noi deyatel'nosti yurista [Features of professional activities of a lawyer]. *Vestnik KGU [Announcer of KGU]*, 2012, no.1, pp.110-113. (In Russ.).

Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете

Соколова М.В., аспирант, Московский государственный областной университет (nott88@mail.ru)

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава РФ; профессор факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ (edozortseva@mail.ru)

Склонность подростков к аутоагрессивному поведению, в том числе суицидальному, принято считать одним из вариантов девиантных тенденций, формирующихся в результате действия различных факторов. В качестве одного из таких факторов в последнее время рассматривается потребление деструктивной информации в сети Интернет. Цель проведенного исследования заключалась в установлении связи между склонностью несовершеннолетних к аутоагрессивному поведению и характером и частотой потребления ими деструктивной информации в Интернете. Контент-анализ и семантический анализ вербального и визуального содержания серии групп в Интернете позволили выделить группы с деструктивным контентом, а специально разработанная анкета — определить частоту посещения подростками этих групп. Выборка из 62 подростков (средний возраст — 15,0 лет ± 1,0 год) была разделена на часто и редко использующих деструктивный контент в сети Интернет. Результаты корреляционного анализа и анализа различий между выделенными категориями подростков показали тесные значимые связи между частотой потребления деструктивной информации и аутодеструктивными, в том числе суицидальными, тенденциями подростков. Вместе с тем обнаружилось более широкие связи частого посещения деструктивных групп с другими видами девиантных тенденций. Выявлена связь потребления деструктивной информации с такими индивидуальными чертами, как агрессивность и тревожность. Полученные данные могут быть использованы для профилактики аутоагрессивного поведения подростков.

Ключевые слова: подростки, информация, деструктивность, Интернет, девиантное поведение, аутодеструктивное поведение, суицидальное поведение, агрессивность.

Для цитаты:

Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 22-35. doi: 10.17759/psyandlaw.2019090102

For citation:

Sokolova M.V., Dozortseva E.G. The Tendency to Auto-aggressive Behavior in Adolescents and the Information they consume on the Internet. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.22-35. doi: 10.17759/psyandlaw.2019090102

Введение

Формирование девиантного поведения у подростков, его источники и механизмы развития традиционно находятся в центре внимания специалистов в области юридической, возрастной, медицинской психологии. Согласно модели девиантного поведения, описанной Е.В. Змановской [10], одной из особенностей девиантного поведения является деструктивность, причем направленная как вовне, так и на самого субъекта. Одна из форм поведенческих девиаций, получившая в последнее время достаточно широкое распространение, — аутоагрессивное поведение несовершеннолетних. Оно характеризуется агрессивными действиями, направляемыми субъектом на самого себя, и проявляется в самообвинениях, самоунижении, нанесении себе телесных повреждений, суицидальном поведении. Анализ отечественных и зарубежных психологических литературных источников [1; 4; 11; 13] показывает, что в настоящее время существуют различные подходы к определению аутоагрессивного поведения и форм его проявления. Так, например, в эту категорию входят разного рода бодимодификации, которые С.И. Ворошилин [2] относит к частному варианту нарушения инстинкта самосохранения — стремления к сохранению целостности своего тела. Подобное отклонение может проявляться в выраженном изменении тела, а в крайнем варианте приводит к инвалидизации. Другим примером деструктивной деятельности, по отзывам сотрудников МВД, в частности, К.В. Диденко [6], может служить такое набирающее популярность в последние годы увлечение, как трейнсерфинг. Это способ передвижения в поезде или метро в частях, не предназначенных для нахождения граждан. С.И. Ворошилин [3] рассматривает подобный тип подросткового досуга как вредоносный способ самоактуализации, преодоления комплекса неполноценности и получения удовольствия.

Большинство авторов приходят к выводу о том, что возросшая популярность любых деструктивных способов времяпрепровождения стала развиваться активнее с распространением Интернета. Более того, было обнаружено, что некоторая информация, потребляемая подростками в Интернете, имеет связь с теми или иными проблемами в их реальной жизни. Например, несовершеннолетние, имеющие конфликтные семейные отношения, более склонны к поискам знакомств в виртуальном мире [4; 9]. В то же время, если экстремальные подростковые увлечения достаточно явны и для них уже разработан ряд профилактических программ [13; 19], существует также неявный, но, как показала

практика, вредоносный и опасный досуг — чтение сообщений и общение в деструктивных группах и сайтах Интернета [15; 18; 20].

Вместе с тем психологические характеристики взаимодействия подростков с потенциально опасной информацией, стимулирующей аутоагрессивные действия, до сих пор изучены мало. Выяснение особенностей связей между этими параметрами стало целью настоящего эмпирического исследования и определило его основную гипотезу: склонность к аутоагрессивному поведению у подростков связана с частотой потребления деструктивных видов информации, содержащейся в Интернете.

Кроме того, можно предположить, что в таком взаимодействии имеет значение как характер и частота потребляемой подростками информации, так и некоторые индивидуальные особенности самих несовершеннолетних, причем эти характеристики также связаны между собой.

Материал и методы исследования

В исследовании приняли участие 62 человека, кадеты Казенного общеобразовательного учреждения «Кадетская школа-интернат». Материалом послужили результаты обследования подростков, обучающихся в кадетском корпусе, в том числе 30 девочек и 32 мальчика. Возраст испытуемых — 14—16 лет (средний возраст 15,0 лет ± 1,0 год).

Исследование, выполненное в 2017 г., проводилось в два этапа.

Содержанием первого этапа было выделение в Интернете популярных сайтов и групп, содержащих деструктивную информацию. На основе полученных результатов была составлена анкета для подростков, направленная на выяснение характера и частоты посещения ими тех или иных сайтов (групп).

На втором этапе проводился опрос подростков с использованием авторской анкеты и опросных методик, ориентированных на выявление аутодеструктивных тенденций, а также индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних.

Для оценки информации на сайтах и ее классификации был проведен выборочный анализ различных групп в социальной сети «ВКонтакте». В этом перечне были как различные информационные, музыкальные и развлекательные сайты, так и группы, которые предположительно можно было отнести к деструктивным (например, «4.20», «Крипипаста», «Синий кит», «ColdBlood», «Тихий дом» и др.). При отборе акцент делался на группах с аутодеструктивной, суицидальной тематикой. Анализ был основан на ряде критериев, содержащихся в ФЗ Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [17] и описывающих информацию, которая должна быть ограничена для доступа несовершеннолетних. К ней относится информация:

«- представляемая в виде изображения или описания жестокости, физического и/или психического насилия, преступления или иного антиобщественного действия;

- вызывающая у детей страх, ужас или панику, в том числе представляемая в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме

ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и/или их последствий;

- представляемая в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной;

- содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани».

При анализе информации рассматривались как текстовые сообщения, так и визуальная продукция (фото-, видео-файлы). Их оценка проводилась с использованием приведенных выше критериев Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Контент-анализ содержания информации в группах выполнялся с помощью метода, предложенного и опробованного К.В. Злоказовым [10]. Данный метод основан на интерпретации деструктивных элементов текста и эмоциональной, моральной составляющей семантических единиц. Для каждой группы было составлено семантическое ядро, т. е. набор слов и словосочетаний, которые наиболее точно отражают информацию, содержащуюся в группах. Выделение деструктивных элементов сопровождалось определением частоты их встречаемости в отдельных интернет-группах. В результате было установлено, что содержащийся в группах «4.20», «Крипипаста», «Синий кит», «ColdBlood», «Тихий дом», «Психиатрия», «F 57», «Моя депрессия», «F 58», «Уйдем вместе», «Море китов» материал соответствует положениям закона, в которых перечислен контент, запрещенный к распространению среди несовершеннолетних. Остальные группы не носили деструктивного характера и в основном содержали образовательный или развлекательный контент. На основе проведенного контент-анализа группы были разделены на деструктивные и не деструктивные.

На основе результатов контент-анализа была специально разработана анкета, содержащая 12 вопросов и направленная на выявление различных аспектов использования сети Интернет, а также той информации, которую подросток потребляет. Для этого, кроме ответов на вопросы, участникам предлагалось заполнить таблицу, в которую были включены названия групп в социальной сети «ВКонтакте». При этом определялся не только характер групп в сети Интернет, информацию которых потребляют подростки, но и частота посещения этих групп на основе шкалирования по пятибалльной системе. Кроме того, подросткам было предложено указать те группы, которые не были представлены в списке, и они были подвергнуты аналогичному анализу. В процессе анализа результатов анкетирования рассматривались ответы, касающиеся посещения только групп с деструктивным контентом. В качестве меры потребления деструктивной информации выступали суммарные баллы частоты посещения соответствующих групп.

Склонность к аутоагрессивному поведению выявлялась при помощи опросных методов, в том числе использовались: Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (Орел А.Н., 2002); Массачусетский скрининговый инструмент для подростков (MAYSI-2), содержащий шкалу «Суицидальные мысли»; Опросник суицидального риска (ОСР) (модификация Т.Н. Разуваевой).

Для определения индивидуально-психологических особенностей подростков использовался Индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик (2007).

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS. Для проверки выдвинутых гипотез использовались методы непараметрической статистики для определения групповых различий (критерий Манна—Уитни) и корреляционных связей (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты исследования и обсуждение

Гипотеза о связи потребления подростками деструктивной информации и аутоагрессивных тенденций проверялась с помощью корреляционного анализа (коэффициент Спирмена). Результаты, представленные в табл. 1, позволяют констатировать наличие статистически значимой прямой положительной связи между частотой посещения деструктивных групп в Интернете и такими параметрами Методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), как склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к агрессии и насилию, низкий волевой контроль эмоциональных реакций, склонность к делинквентному поведению.

Таблица 1

Корреляционные связи показателей склонности к отклоняющемуся поведению и частоты потребления контента деструктивных групп в Интернете

Склонность к отклоняющемуся поведению	Связь с частотой потребления контента деструктивных групп (коэффициент Спирмена)	Статистическая значимость
Склонность к преодолению норм и правил	-,083	,521
Склонность к аддиктивному поведению	,107	,407
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	,388	,002
Склонность к агрессии и насилию	,284	,025
Волевой контроль эмоциональных реакций	,436	,000
Склонность к делинквентному поведению	,279	,028

Аналогичным образом значимые прямые корреляционные связи были получены между частотой потребления подростками деструктивной информации в Интернете и всеми показателями, включая параметр «Суицидальные мысли» в методике MAISI-2 (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционные связи показателей результатов методики MAISI-2 и частоты потребления контента деструктивных групп в Интернете

Методика MAISI-2	Связь с частотой потребления контента деструктивных групп (коэффициент Спирмена)	Статистическая значимость
Употребление алкоголя/пав	,352	,005
Гнев-раздражительность	,297	,019
Депрессия-тревога	,400	,001
Соматические жалобы	,547	,000
Суицидальные мысли	,475	,000
Травматический опыт	,493	,000

Учитывая, что эта методика предназначена скорее для фиксации общего психологического неблагополучия несовершеннолетних, можно заключить, что подростки, потребляющие такого рода информацию, находятся в уязвимом и угрожающем психологическом состоянии.

Прямая связь на уровнях значимости $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ обнаруживается также между частотой посещения деструктивных Интернет-групп и всеми шкалами опросника суицидального риска (ОСР), за исключением шкалы «Социальный пессимизм».

Результаты корреляционного анализа были дополнены анализом различий по выбранным параметрам аутодеструктивности в группах подростков, редко и часто посещающих группы с деструктивной информацией в Интернете. Для этого помимо расчета суммарных баллов посещения деструктивных групп был вычислен средний балл посещения

по выборке, а затем на основе отклонения от среднего выборка была разделена на тех, кто никогда или редко посещает группы с деструктивным контентом (в дальнейшем — «не посещающих»), и тех, кто часто посещает (в дальнейшем — «посещающих»). К первой категории («не посещающие») были отнесены 36 подростков, ко второй («посещающие») — 26 подростков. Количественный анализ ответов на остальные вопросы анкеты позволил сделать вывод о том, что подростки, посещающие деструктивные сайты, более склонны к регулярному использованию Интернета, проводят в нем относительно больше времени.

В результате значимые различия ($p \leq 0,05$) между группами в методике СОП были обнаружены с помощью критерия Манна—Уитни по таким показателям, как склонность к самоповерждающему поведению, агрессии, а также уровень волевого контроля эмоциональных реакций. Более высокий уровень ауто- и гетероагрессии в сочетании с низким уровнем волевого контроля эмоций характерен для группы, потребляющей деструктивную информацию.

Сходные данные были получены и при сравнении групп подростков, редко и часто потребляющих деструктивную информацию в Интернете, по параметрам методики MAISY-2 (табл. 3). Аналогично результатам корреляционного анализа, значимые различия (на уровне $p \leq 0,05$) были выявлены по всем шкалам методики, среди которых для нас наибольший интерес представляет шкала «Суицидальные мысли». Подростки, использующие деструктивный контент, характеризуются более высокими показателями шкал психологического неблагополучия.

Таблица 3.

Результаты MAISY-2 у подростков, потребляющих и не потребляющих деструктивный контент в Интернете

MAISY-2	Подростки, потребляющие деструктивный контент (гр. 2) (N= 26)	Подростки, потребляющие не деструктивный контент (гр. 1) (N=36)	Критерий U Манна—Уитни	Статистическая значимость различий
Употребление алкоголя/пав	0,85	0,19	605,0	0,013
Гнев-раздражительность	3,85	2,56	604,0	0,050
Депрессия-тревога	4,19	2,50	650,0	0,009
Соматические	2,88	1,39	711,5	0,000

жалобы				
Суицидальные мысли	1,50	0,39	654,5	0,002
Травматический опыт	2,38	0,78	756,0	0,000

Результаты, полученные в ходе статистической обработки опросника суицидального риска, позволили сделать вывод о том, что между двумя группами по шкалам данной методики существуют значимые различия по всем шкалам, за исключением шкалы «Социальный пессимизм» (при $p \leq 0,05$).

Можно заключить, что первая гипотеза о связи между частотой потребления деструктивной информации в сети Интернет и аутодеструктивными тенденциями у подростков подтвердилась.

Вторая гипотеза относительно связи частоты посещения деструктивных групп и индивидуально-психологических особенностей подростков проверялась также путем корреляционного анализа и анализа различий между группами подростков, посещающих деструктивные группы в Интернете и не делающих этого, по показателям ИТДО. При этом прямая статистически значимая корреляционная связь (коэффициент Спирмена) с потреблением деструктивной информации была обнаружена у такой характеристики несовершеннолетних, как агрессивность ($p \leq 0,05$). Статистически значимые ($p \leq 0,05$) различия с помощью критерия Манна—Уитни между часто и редко посещающими деструктивные группы в Интернете выявились по показателям агрессивности и тревожности. Следовательно, можно констатировать значение такой индивидуальной черты, как агрессивность, для склонности к потреблению деструктивной информации.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Они связаны с небольшим объемом выборки, а также невозможностью на основе выполненного статистического анализа сделать выводы о причинно-следственных связях между исследованными переменными. Вместе с тем, полученные результаты можно рассматривать в качестве предварительных, позволяющих определить дальнейшие возможности для изучения аутодеструктивного поведения как варианта поведенческих девиаций.

Полученные данные показали продуктивность подхода, в соответствии с которым оценка деструктивного контента групп в Интернете может быть осуществлена с помощью модификации контент-анализа и применения критериев информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей (в соответствии с ФЗ Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Они также свидетельствуют о том, что потребление подростками деструктивной информации в Интернете, в частности, имеющей аутодеструктивную направленность, связано с их более интенсивным погружением в саму сеть, со свойственными им агрессивными тенденциями и тревожностью, а также собственной склонностью к аутодеструкции. Можно предположить, что внутреннее неблагополучие и тенденция к аутоагрессии несовершеннолетнего толкают его на поиск соответствующей информации в

Интернете, что, в свою очередь, усиливает его собственные негативные тенденции и психологические дефициты. Не исключено также, что такие подростки со временем начинают сами продуцировать в сети аналогичный контент. Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что потребление деструктивной информации имеет более широкие корреляционные связи, чем только с аутодеструктивными склонностями подростка, и коррелирует также с другими параметрами отклоняющегося поведения, прежде всего агрессивного характера, а также с показателями общего психологического неблагополучия несовершеннолетнего.

Заключение

Таким образом, деструктивную информацию в Интернете можно рассматривать в качестве одного из факторов в формировании агрессивного и аутоагрессивного поведения подростков. Вместе с тем ее роль и механизмы воздействия еще нуждаются в дальнейшем исследовании.

В настоящее время, когда использование высоких технологий, в частности Интернета, прочно вошло в нашу жизнь и стало насущной необходимостью, возникают новые риски, которым могут подвергнуться дети и подростки. Одним из таких рисков является негативный контент, информация, наносящая вред их здоровью и развитию. В этой области предстоит большая работа, связанная с предупреждением возможных пагубных последствий потребления несовершеннолетними такого контента. Она не должна сводиться только к запретам и ограничениям. Построение гибкой и эффективной системы профилактики, в частности, аутодеструктивного поведения, — задача сегодняшнего дня, и психологические исследования и практика должны быть частью ее решения.

Литература

1. Авдулова Т.П., Витковская Е.В., Поневаж Е.В. Рисковое поведение в юности: отклонение или норма? [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64016.shtml> (дата обращения: 27.01.2018).
2. Ворошилин С.И. Самоповреждения и влечения к модификации тела как парциальные нарушения инстинкта самосохранения // Суицидология. 2012. Т. 3. № 4. С. 40—51.
3. Ворошилин С.И. Аддиктивное рискованное поведение как проявление снижения инстинкта самосохранения // Суицидология. 2013. Т. 4. № 1. С.61—68.
4. Вихристюк О.В., Банников Г.С., Летова А.В. Средства массовой коммуникации в системе предикторов суицидального поведения в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59156.shtml (дата обращения: 29.01.2018).
5. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т. 5. № 1. С. 90—107. URL:

- <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76156.shtml> (дата обращения: 27.01.2018)
6. *Диденко К.В., Каратаева О.Н.* Предупреждение правонарушений, совершаемых несовершеннолетними на объектах железнодорожного транспорта // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 88—91.
 7. *Дозорцева Е.Г.* Проблемы психического здоровья у подростков-правонарушителей: возможности скрининга // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2012. С. 117—118.
 8. *Жилинская А.В.* Интернет как ресурс для решения задач подросткового возраста: обзор психологических исследований // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 1. С.10—18. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n1/67976.shtml (дата обращения: 26.01.2018).
 9. *Злоказов К.В.* Контент-анализ текстов деструктивной направленности [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-tekstov-destruktivnoy-napravlennosti> (дата обращения: 15.04.2018).
 10. *Змановская Е.В., Рыбников В.Ю.* Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
 11. *Лапшин В.Е.* Социально-педагогическая профилактика аутодеструктивного поведения учащейся молодежи: монография / Федер. служба исполн. наказаний, Владимирский юрид. ин-т Федеральной службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. 343с.
 12. *Пузыревич Н.Л.* Социальные представления о рискованном поведении у современных подростков: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Минск, 2012. 27 с.
 13. *Руженков А.А., Лобов Г.А., Боева А.В.* К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение» [Электронный ресурс] // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2008. № 32. С. 20—24. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/3342> (дата обращения: 09.04.18).
 14. *Солдатова Г. В., Гостимская О. С., Кропалева Е. Ю.* Пойманные одной сетью [Электронный ресурс] // Дети в информационном обществе. 2010. № 3. С. 36—44. URL: http://detionline.com/assets/files/research/caught_by_net.pdf (дата обращения: 16.04.18).
 15. *Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г.* Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 8—24. doi: 10.17759/cpp.20162403002 (дата обращения: 16.04.18).
 16. *Федунина Н.Ю.* Принципы психологической профилактики травматизма на

транспорте (на примере феномена зацепинга) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 1. С. 96—104. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2016080109> (дата обращения: 16.04.18).

17. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 05.03.18).
18. *Birbal R.* Cyber suicide and the Adolescent Population: Challenges of the future? [Электронный ресурс] // International Journal of Adolescent Medicine and Health. 2009. Vol. 21. Issue 2. P. 151—159. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/19702194> (дата обращения: 05.03.18).
19. *Heath N. L.* Non-suicidal self-injury, youth, and the Internet: What mental health professionals need to know [Электронный ресурс] / N.L. Heath [et al.] // Child and adolescent psychiatry and mental health. 2012. Vol. 6. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3464157/> (дата обращения: 17.05.2018).

The Tendency to Auto-aggressive Behavior in Adolescents and the Information they consume on the Internet

Sokolova M.V., Postgraduate student, Moscow Region State University (nott88@mail.ru)

Dozortseva E.G., Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chief Researcher Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation, Professor of the Chair of Forensic Psychology and Law, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (edozortseva@mail.ru)

The tendency to auto-aggressive, including suicidal, behavior in adolescents is a variant of deviant tendencies, which are formed under the influence of different factors. The consummation of destructive information on the Internet has been considered lately as one of such factors. The goal of this study was finding a correlation between auto-aggressive tendencies, character and frequency of consummation of destructive information on the Internet. Content-analysis and semantic analysis of verbal and visual content in a range of groups in the Internet allowed distinguishing groups with destructive information and a specially developed inventory — finding out the frequency of visiting these groups by adolescents. The sample consisted of 62 juveniles (mean age — 15.0 ± 1.0) who were divided into two categories of “visiting” and “non-visiting” destructive groups in the Internet. The results showed significant correlations between the frequency of visiting destructive Internet groups and auto-destructive and suicidal tendencies in adolescents. Moreover, there were broader correlations of these visits with other kinds of deviant tendencies. The correlation between the consummation of destructive information and such individual features as aggressiveness and anxiety were found. The data can be used in prevention of auto-aggressive behavior of adolescents.

Keywords: adolescents, information, destructiveness, the Internet, deviant behavior, auto-destructive behavior, suicidal behavior, aggressiveness.

References

1. Avdulova T.P., Vitkovskaya E.V., Ponevazh E.V Riskovoe povedenie v junosti: otklonenie ili norma? [Elektronnyi resurs] [Risk behavior in youth: deviation or norm?] // *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiya [Clinical psychology and special education]*. 2013, no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64016.shtml> (Accessed 27.01.2018).

2. Voroshilin S.I. Samopovrezhdeniya i vlecheniya k modifikacii tela kak parcial'nye narusheniya instinkta samosohraneniya [Self-harm and attraction to body modification (biid) as a partial disorder of survival instinct] // *Suicidologiya [Suicidology]*. 2012. Vol. 3. no. 4, pp. 40 - 51.
3. Voroshilin S.I. Addiktivnoe riskovannoe povedenie kak prozavlenie snizheniya instinkta samosohraneniya [Addictive risk-taking behavior as reducing of the survival instinct] // *Suicidologiya [Suicidology]*. 2013. Vol. 4. no. 1, pp.61 - 68.
4. Vihristjuk O.V., Bannikov G.S., Letova A.V. Sredstva massovoj kommunikacii v sisteme prediktorov suicidal'nogo povedeniya v podrozkovom vozraste [Elektronnyi resurs] [Mass media in system of predictors for suicidal behavior in adolescents] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*. 2013. no. 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59156.shtml (Accessed 29.01.2018).
5. Galkina E.A., Degtyarev A.V. Otklonyajushheesya povedenie i autoagressiya u nesovershennoletnih s modifikacijami tela [Elektronnyi resurs] [Deviant behavior and autoaggression in juveniles with body modification]// *Psihologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2015. Vol 5. No.1, pp. 90-107. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76156.shtml> (Accessed 27.01.2018)
6. Didenko K.V., Karataeva O.N. Preduprezhdenie pravonarushenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi na ob"ektakh zheleznodorozhnogo transporta [Prevention of crimes committed by minors on railway transport]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problems of Law Enforcement]*. 2014. no. 2, pp. 88-91.
7. Dozortseva E.G. Problemy psihicheskogo zdorov'ya u podrozkov-pravonarushitelei: vozmozhnosti skringinga [Mental health problems in juvenile delinquents: screening capabilities] // Kochenovskie chteniya «Psihologiya i pravo v sovremennoi Rossii». Sbornik tezisov uchastnikov Vserossijskoi konferencii po juridicheskoi psihologii s mezhdunarodnym uchastiem [Kochenov reading "Psychology and Law in Modern Russia". Abstracts of the All-Russian conference on forensic psychology with international participation]. M.: MGPPU, 2012. pp. 117-118.
8. Zhilinskaya A.V. Internet kak resurs dlya resheniya zadach podrozkovogo vozrasta: obzor psihologicheskikh issledovaniy [Elektronnyi resurs] [Internet as a resource for solving the problems of adolescence: a review of psychological research] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2014. Vol. 6. no.1, pp. 10-18. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n1/67976.shtml (Accessed 26.01.2018).
9. Zlokazov K V. Kontent-analiz tekstov destruktivnoi napravlenosti [Elektronnyi resurs] [Content analysis of texts with destructive direction] // *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics Journal]*. 2015. no 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-tekstov-destruktivnoy-napravlenosti> (Accessed 15.04.2018).
10. Zmanovskaya E.V., Rybnikov V.Yu. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie [Deviant behavior of the individual and the group: Textbook]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2010. 357 p.

11. Lapshin V. E. Social'no-pedagogicheskaja profilaktika autodestruktivnogo provedeniya uchashhejsja molodezhi: monografija [Socio-pedagogical prevention of auto destructive behavior of youth: monograph]. Vladimir: VYuI FSIN Rossii, 2010. 343 p.
12. Puzyrevich N.L. Social'nye predstavleniya o riskovannom povedenii u sovremennyh podrostkov: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. [Social perceptions of risk behavior in modern adolescents. Ph. D. (Psychology) Thesis] Minsk, 2012. 27 p.
13. Ruzhenkov A.A., Lobov G.A., Boeva A.V. K voprosu ob utochnenii sodержaniya ponyatiya "autoagressivnoe povedenie" [Elektronnyi resurs] [On the issue of specification the content of the concept of "self-aggressive behavior"]// *Nauchno-meditsinskii vestnik Tsentral'nogo Chernozem'ya [Scientific Medical Bulletin of the Central Chernozem region]*. 2008. no.32, pp. 20—24 URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/3342> (Accessed 09.04.2018).
14. Soldatova G. V, Kropaleva E. Yu., Gostimskaya O. S. Poimannye odnoi set'ju [Elektronnyi resurs] [Caught in the same net] // *Deti v informacionnom obschestve [Children in information society]*. 2010. vol. 3, pp.36-43. (Accessed 16.04.2018).
15. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Psihologicheskie faktory riska suicidal'nogo povedeniya u podrostkov [Elektronnyi resurs] [Psychological Factors of Risk of Suicidal Behavior in Adolescents]// *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2016. Vol. 24. no. 3, pp. 8-24. doi: 10.17759/cpp.20162403002. (Accessed 16.04.2018).
16. Fedunina N.Yu. Principy psihologicheskoi profilaktiki travmatizma na transporte (na primere fenomena zacepinga) [Elektronnyi resurs] [The principles of Psychological Prevention of Transport Accidents (Train Hitching Phenomenon as Example)] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2016. Vol 8. no. 1, pp. 96-104. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psyedu.2016080109> (Accessed 16.04.2018).
17. Federal'nyi zakon Rossijskoi Federacii ot 29 dekabrya 2010 g. no. 436-FZ "O zashhite detei ot informacii, prichinyayushhei vred ih zdorov'yu i razvitiyu" (poslednyaya redakciya) [Federal Law of Russian Federation no. 436-FZ of 2010-12-23 "On Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development"] [latest edition]URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (Accessed 05.03.18).
18. Birbal, R Cyber suicide and the Adolescent Population: Challenges of the future? // *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. - 2009. - Vol.21. Issue 2. pp. 151 - 159. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/19702194> (Accessed 05.03.18).
19. Heath N. L Non-suicidal self-injury, youth, and the Internet: What mental health professionals need to know // *Child and adolescent psychiatry and mental health*. 2012. Vol. 6. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3464157/> (Accessed 17.05.2018).

Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности

Казберов П.Н., кандидат психологических наук, старший инспектор по особым поручениям ФСИН России (mr.kazberov@mail.ru)

Бовин Б.Г., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России (bovinbg@yandex.ru)

Статья посвящена описанию наиболее общих уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и социально-демографических характеристик лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Авторами предпринята попытка ответить на вопрос, что представляют собой осужденные данной категории и каков спектр преступлений, совершенных ими.

В работе представлены результаты исследования 700 осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности проведенного в исправительных учреждениях в течение 2015–2017 г.г.

В процессе исследования изучались материалы судебных решений, проводились беседы, анкетный опрос и психологическое тестирование осужденных. На первом этапе определялись только уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и социально-демографические характеристики лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Следует признать, что эта категория осужденных является чрезвычайно сложным контингентом для каких-либо коррекционных воздействий со стороны психологов и воспитателей исправительных учреждений, из-за психологической сопротивляемости, связанной с религиозным воспитанием и концепцией религиозного экстремизма, усвоенной в процессе террористической деятельности.

Ключевые слова: осужденные, сотрудники, экстремизм, терроризм, общая характеристика.

Для цитаты:

Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. [Электронный ресурс] //

Психология и право. 2019(9). № 1. С. 36-53.
doi: 10.17759/psylaw.2019090103

For citation:

Kazberov P.N., Bovin B.G. General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.36-53.
doi: 10.17759/psylaw.2019090103

Проблема противодействия распространению идей экстремизма, исходящих от лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, в настоящее время имеет первостепенное значение. В исправительных учреждениях наблюдается постоянное увеличение лиц этой категории с одновременным ростом их негативного влияния на осужденных за общеуголовные преступления.

Первостепенное значение в решении этой проблемы отводится психологической и воспитательной работе с осужденными. Но, как показывает практика, реальное психолого-педагогическое воздействие формальных воспитательных структур в значительной мере уступает мощному латентному влиянию религиозного экстремизма на лиц, осужденных за общеуголовные преступления, до осуждения не связанных с экстремизмом и терроризмом [3, с. 228.].

Этому вопросу посвящено достаточно много как научно-методических, так и нормативных правовых источников (приказы, протоколы, решения рабочих групп и т.д.), в которых определяется необходимость комплексного подхода, учитывающего всю совокупность уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, социально-демографических и личностных характеристик при осуществлении воспитательной работы с категорией лиц, осужденных за религиозный экстремизм [10].

В научной литературе концептуальное положение о воспитании человека, основанном на изучении его внутреннего мира, в том числе и в процессе его исправления, определено достаточно давно. Исследователями вопроса подчеркивается при этом, что «психология изучает и объясняет внутренний, духовный мир человека, способы регулирующих влияний на него, педагогика же разрабатывает системы и методы целенаправленного обучения, воспитания, образования, развития» [1, с. 17].

На наш взгляд, необходима организация комплексной работы с такой категорией профилактического учета как подозреваемые, обвиняемые и осужденные, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию [4, с.120].

В дальнейшем в эту категорию профилактического учета могут быть включены и лица, совершившие общеуголовные преступления, не связанные с экстремизмом и терроризмом, но «зараженные» экстремистской идеологией и поставленные на профилактический учет уже в местах лишения свободы [6, с. 117–118].

В настоящее время к одной категории профилактического учета отнесены как экстремисты, так и террористы. Объединение этих двух категорий имеет правовое

закрепление, основанное на идентичности различных характеристик этого контингента, в связи с чем, психологическая и педагогическая работа с ними не дифференцируется, хотя в ряде публикаций отмечалось, что схожесть различных характеристик лиц, осужденных за экстремизм и терроризм, является лишь поверхностной [5, с. 63].

В работе представлены результаты исследования, проведенного в течение трех последних лет и охватившего значительную часть осужденных этой категории, в количестве семисот человек.

Рассмотрим, какие виды преступлений экстремистско-террористического характера совершены по конкретным статьям УК РФ.

В табл. 1 представлены данные о количестве осужденных, совершивших преступления по различным статьям, связанным с преступлениями экстремистской и террористической направленности

Безусловными лидерами в исправительных учреждениях УИС (далее – ИУ) являются осужденные по ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» УК РФ, составляющие 43% от общего количества осужденных рассматриваемой категории. Далее идут осужденные по ст. 205 «террористический акт» – 31%. Оба вида преступлений являются террористическими по направленности, первое (ст. 208) признается тяжким (с учетом частей норм УК по которым совершены преступления), второе (ст. 205) – особо тяжким.

Таблица 1

Данные о количестве осужденных, совершивших преступления террористической направленности по различным статьям УК РФ

Нормы (статьи)УК РФ террористической направленности	ч. 2-4 ст. 205	Ст. 205.2, ст. 205.3, ст. 205.4, ст. 205.5, ст. 205.6	ч. 2-4 ст. 206	ч. 2 ст. 208	Ст. 277	ч. 2 ст. 318
Количественные характеристики осужденных и степень тяжести преступлений						
Количество осужденных, отбывающих наказание в ИУ	217	7	38	301	7	42
Доля от общей части осужденных, совершивших экстремистско-	31%	1%	5,5%	43%	1%	6%

террористические преступления (в %)							
Степень тяжести совершенного преступления	Особо тяжкое	Средней тяжести	Особо тяжкое	Тяжкое	Особо тяжкое	Тяжкое	

Необходимо отметить, что каждый пятый (20% или 140 человек), из всех осужденных рассматриваемой категории, совершил преступления по нескольким эпизодам, которые носили как экстремистский, так и террористический характер, т.е. смешенный экстремистско-террористический тип преступления по его направленности.

В табл. 2 представлены данные о количестве лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности по различным статьям УК РФ.

Таблица 2

Данные о количестве осужденных, совершивших преступления экстремистской направленности по различным статьям УК РФ

Нормы (статьи) УК РФ экстремистской направленности	П. "е" ч. 2 ст.105	П. "е" ч. 2 ст.111	П. "е" ч. 2 ст.112	П. "б" ч.2 ст.115	П. "б" ч. 2 ст. 116	П. "з" ч.2 ст.117	Ч. 2 ст. 119	П. "б" ч. 1 ст. 213	Ст. 280, ст.280.1	Ст. 282	Ч. 1. ст. 281. 1
Количественные характеристики осужденных и степень тяжести преступлений											
Количество осужденных, отбывающих наказание в ИУ	175	63	59	10	21	42	10	7	4	14	21
% от общего количества осужденных, совершивших экстремистско-террористические	25	9	8,5	1,5			1,5	1	0,5		3

преступления											
Степень тяжести совершенного преступления	Особо тяжкое	Тяжкое	Средней тяжести	Небольшой тяжести	Небольшой тяжести	Тяжкое	Средней тяжести	Средней тяжести	Средней тяжести	Тяжкое	Тяжкое

Статьи экстремистской направленности также имеют своего лидера по количеству осужденных (см. табл. 2), это п. «е» ст. 105 УК РФ «убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» – 25% (каждый четвертый осужденный). Преступление по этой статье определяется как особо тяжкое.

Преступления экстремистской направленности: п. «е» ч. 2 ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью...» по перечисленным выше мотивам – 9% (преступление является тяжким); п. «е» ч. 2 ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью...» по тем же мотивам – 8,5% (преступление средней тяжести); п. «з» ч. 2 ст. 117 «Истязание по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» – 6% (является тяжким преступлением).

Преступления террористического характера (см. табл. 1): ч. 2 ст. 318 «Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей» – 6% от осужденных (является тяжким); ч. 2-4 ст. 206 «Захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника» – 5,5% (является особо тяжким).

Рассмотрим показатели по нормам УК РФ, наименее представленные по количеству осужденных.

Преступления экстремистской направленности (см. табл. 2): ч. 1 ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» – 3% (является тяжким); п. «б» ч. 2 ст. 116 «Побои, причинившие физическую боль, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» – 3% (преступление небольшой тяжести); п. «б» ч. 2 ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – 2% (является тяжким); п. «б» ч. 2 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 1,5% (преступление небольшой тяжести); ч. 2 ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» – 1,5% (средняя тяжесть); ст.282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – 2% (тяжкое преступление); п. «б» ч.1 ст. 213 «Хулиганство» – 1% (тяжкое преступление).

Преступления террористической направленности (см. табл. 1): ст.277 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» – 1% (особо тяжкое преступление); ст.

205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» – 1% (средней тяжести).

Из данных табл. 1 и 2 следует, что 437 человек из общего количества лиц, осужденных за преступления экстремистско-террористического характера, совершили особо тяжкие преступления, 483 человека – тяжкие преступления, 87 человек – преступления средней тяжести и 31 – преступления небольшой тяжести.

Перечень этих норм в УК РФ является достаточно обширным (22 статьи) и только по 5 статьям не нашлось в нашей выборке осужденных: по экстремистской направленности – ч. 1.1 ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» и ч. 2 ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности». По террористической направленности в выборке отсутствуют лица, совершившие преступление по ст. 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой», ст. 361 «Акт международного терроризма» и ст. 281 «Диверсия».

Скорее всего, осужденные по данным статьям не отбывали наказание в период сбора эмпирического материала.

Рассмотрим данные по количеству эпизодов в составе уголовных дел, по которым были осуждены лица, совершившие вышеперечисленные преступления.

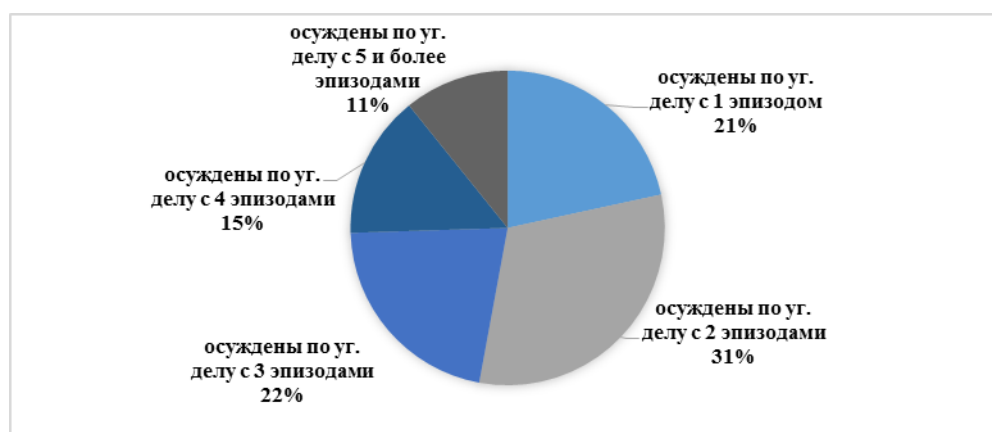

Рис. 1. Данные по количеству эпизодов в составе уголовных дел по которым были осуждены лица, отбывающие наказание за преступления экстремистско-террористической направленности

Исходя из данных, представленных на рис. 1, определяется, что только каждый пятый (21,6%) от общего количества рассматриваемых лиц был осужден по материалам уголовного дела с одним эпизодом (конкретным уголовно наказуемым деянием). Остальные уголовные дела, на основании материалов которых были осуждены лица рассматриваемой нами категории, характеризуются множественностью эпизодов: 2 эпизода (31,3% осужденных), 3 эпизода (21,6%), 4 эпизода (14,7%), пять и более эпизодов (10,8%).

Данные о количестве судимостей представлены на рис. 2.

Две третьих – 68% (476 человек) из числа осужденных исследуемой категории ранее не имели судимостей, т.е. осуждены за преступления экстремистско-террористической направленности впервые. Ранее, до последнего осуждения: одну судимость имел каждый пятый – 24,7% (173 человека), две и более судимостей – 7,3% (51 человек).

Рис. 2. Данные о количестве судимостей у лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистско-террористической направленности

Интересны и такие данные из уголовного «анамнеза» исследуемых нами осужденных как информация о привлечении их ранее к административной ответственности и постановке их на учет в инспекции по делам несовершеннолетних.

Из анкетного опроса осужденных следует, что к административной ответственности привлекались: несколько раз – 10,1% (71 человек), один раз – 16,3% (119 человек), не привлекались вообще – 73,6% (519 человек).

На учете в инспекции по делам несовершеннолетних состояли – 16,2% (114 человек), не состояли – 83,8% (586 человек).

Данные свидетельствуют о том, что большая часть осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности к уголовному миру имели слабое отношение, либо вообще не имели никакого отношения. Их вхождение в мир криминального сообщества в основном не являлось последовательным и закономерным. Отсюда возникает вопрос, – что явилось причиной совершения преступления или каков мотив преступлений?

Одним из основных источников информации о мотиве совершенного преступления в рамках проведенного исследования, являются сведения из судебного решения (приговора).

Контент-анализ материалов приговоров позволил определить следующие виды мотивов совершения преступлений экстремистско-террористической направленности:

- политический – 61% (427 человек);
- националистический – 33,5% (234 человека);
- религиозный – 19,5% (136 человек);

- корыстный (нажива финансовая, материальная) – 14,5% (102 человека).
- мотив кровной мести – 2 % (14 человек).

Относительно 19,5% (136 человек) осужденных можно говорить о смешенном мотиве преступления:

Анализ судебных решений (приговоров) в отношении определения мотивов преступлений экстремистско-террористической направленности показал, что более чем у половины выборки осужденных мотив определяются как политический, у одной трети – как националистический, у каждого пятого – как религиозный и почти у каждый шестого – как корыстный.

В совокупности вся информация по мотивам преступлений определяет их как достаточно специфическую категорию по сравнению с основной массой осужденных, совершивших преступления корыстно-насильственной направленности.

Другим важным источником информации о мотивах совершенного преступления являются результаты анкетного опроса осужденных, который дал следующие результаты:

- мстительность – 81,5% (570 человек);
- обида – 51,5% (360 человек);
- стремление к острым ощущениям – 22% (154 человека);
- желание испытать себя – 14% (98 человек);
- безденежье – 13,5% (95 человек).
- иное – 14% (98 человек).

По анкетному опросу наибольшую выраженность приобретают мотивы мести, обиды и стремление к острым ощущениям. Мстительность включает в себя кровную месть лишь в незначительном числе случаев (по судебным приговорам – 2%). Основное количество ответов вероятно связано с политическими и националистическими мотивами.

Необходимо отметить, что вопрос определения (классификации) мотивов совершенных экстремистско-террористических преступлений является крайне непростым. Многие детали этого вопроса мало изучены, например, вопрос определения такого понятия, как мотив кровной мести, не поясняют, ни сам текст УК РФ, ни комментарии к нему.

Исследование экстремистско-террористических преступлений показывает, что 85% (595 человек) осужденных действовали в составе группы, и 15% (105 человек) совершили преступление единолично. Можно сказать, что экстремистско-террористический тип преступлений совершается в основном в составе преступной группы (сообщества). Материалы судебных решений (приговоров) дополняют эту информацию тем, что эти группы имеют сложную иерархическую структуру функционирования. При этом, в основном (в 92,5% случаев), экстремистско-террористические преступления были совершены по предварительному сговору, т.е. осуществлялась подготовка к их совершению с разработкой конкретного плана с распределением ролей исполнителей.

При реализации преступного замысла лицами, осужденными за экстремистско-террористические преступления, использовались:

- огнестрельное оружие – в 57,5% случаев;
- взрывчатые вещества – в 41,5% случаев;
- холодное оружие – в 25,5% случаев;
- физическая сила – в 17% случаев;
- другие предметы (биты, кастеты и др.) – в 5% случаев;
- пневматическое оружие – в 1,5% случаев.

Во многих случаях использовалось несколько видов оружия, но бесспорно то, что чаще всего использовалось огнестрельное оружие и почти в половине случаев взрывчатые вещества. Последние использовались, как правило, террористами для совершения подрывов транспорта и личного состава вооруженных сил и правоохранительных органов Российской Федерации. Политические и религиозные экстремисты, как правило, использовали холодное оружие, физическую силу и другие предметы (биты, кастеты и т.п.)

Осужденные за экстремистско-террористическую деятельность совершили преступление: в трезвом состоянии – 75,7% (529 человек); под влиянием алкоголя – 21,8% (153 человека); в состоянии наркотического опьянения – 2,5% (18 человек). В целом данные судебных решений свидетельствуют о том, что в момент совершения преступления осужденные находились в трезвом состоянии и не под воздействием наркотических средств.

Эти данные свидетельствуют о значительном отличии данной категории осужденных от осужденных за общеуголовные преступления, которые в более чем 60% случаев совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Анализ судебных решений по назначенным судом срокам наказания дает следующее распределение:

- 10 – 15 лет – 25% (175 человек);
- 3 – 5 лет – 17% (119 человек);
- 5 – 10 лет – 16% (112 человек);
- пожизненное лишение свободы (ПЛС) – 13% (91 человек);
- 15 – 20 лет – 13% (91 человек);
- до 3 лет – 8% (56 человек);
- более 20 лет – 7% (49 человек);
- до 1,5 лет – 1% (7 человек).

Вопрос определения такого понятия как длительность срока лишения свободы в российском законодательстве, праве и научных исследованиях на сегодняшний момент является открытым. Специалисты в области функционирования уголовно-исполнительной системы (М.Г. Детков, В.В. Попов, В.У. Ялунин) в своих исследованиях пытались раскрыть определение длительности срока лишения свободы, используя при этом нормативно-правовой и психологический (отношение осужденных к условиям изоляции) критерии.

И.И. Авксентьевский [9], используя психологический критерий, определяет длительность срока лишения свободы возможностью просматривать осужденными перспективу собственного освобождения. По мнению исследователя, большинство осужденных могут планировать и осмысливать свою жизнь в будущем в срок до пяти лет. После указанного срока осужденные уже не могут точно определить, что может ожидать их в жизни. Временные рамки прогнозирования в пять лет определяются и сознанием свободных граждан.

Рядом исследователей определяется, что сроки лишения свободы более 20 лет условно можно определять как сверхдлительные, так как они представляют собой достаточно длительный промежуток времени и по временной характеристике близки к пожизненному лишению свободы.

Используя этот критерий можно сказать, что 54% (378 человек) осужденных исследуемой категории были осуждены к длительным срокам лишения свободы и 20% (140 человек) к сверхдлительным.

Осужденные за преступления экстремистской и террористической направленности отбывают наказание в исправительных учреждениях следующих видов:

- воспитательные колонии – 1% (7 человек);
- колонии-поселения – 4% (28 человек);
- исправительные колонии общего режима – 17% (119 человек);
- исправительные колонии строгого режима – 52% (364 человека);
- исправительные колонии особого режима – 20% (140 человек);
- тюрьмы – 6% (42 человека).

В момент сбора эмпирической информации 31% осужденных (217 человек) содержались в строгих условиях отбывания наказания, 69% (483 человека) – в обычных условиях отбывания наказания, в облегченных и льготных условиях отбывания наказания не содержалось ни одного осужденного этой категории.

Сотрудниками исправительных учреждений данная категория осужденных характеризуются отрицательно – 35% (245 человек), нейтрально – 32% (224 человек) и положительно – 33% (231 человек), т.е. наблюдается равномерное распределение характеристик, даваемых личным составом ИУ, этому контингенту.

Образовательный и профессиональный уровень осужденных представлен в табл. 3.

Таблица 3

Уровень общеобразовательного и профессионального обучения осужденных

Образовательный уровень Количество осужденных	9 классов	11 классов	ПТУ (ПУ)	Колледж	Техникум	Неоконченное высшее	Высшее
Абсолютное количество	196	238	154	35	49	14	14
в %	28%	34%	22%	5%	7%	2%	2%

Можно сказать, что общеобразовательную подготовку 9–11 классов имеют более половины (62%) осужденных рассматриваемой категории, более трети осужденных (38%) получили какое-то профессиональное образование (ПТУ, техникум, колледж), а кто-то даже и высшее (2%).

Однако 60% (420 человек) осужденных при анкетировании отметили, что не имеют какой-либо специальности или профессии. Из работающих – 15% (105 человек) ответили, что трудились до осуждения в сфере промышленности, 5% (35 человек) – в сфере сельского хозяйства и 2% (14 человек) – в сфере, так называемого, бизнеса. 78% (546 человек) – нигде не работали. Следует заметить, что большую часть осужденных рассматриваемой категории составляют лица в возрасте от 24 до 35 лет, т.е., по сути, люди самого работоспособного возраста.

52% (364 человек) из опрошенных указывают на отсутствии общего трудового стажа как такового, 15% (105 человек) имеют общий трудовой стаж до 1 года, 14% (98 человек) – от 1 до 3 лет, 14% (98 человек) – от 3 до 5 лет, 3% (21 человек) – от 5 до 10 лет, 2% (14 человек) – более 10 лет.

Можно сказать, что профессиональной самореализации и идентификации у лиц, осужденных впоследствии за экстремизм-терроризм, в процессе социального развития не произошло.

Неоптимистично выглядит и ситуация с трудоустройством этой категории осужденных в исправительных учреждениях. 84,6 % из них к оплачиваемым работам не привлечены. Хотя в многочисленных исследованиях отмечалось, что важнейшей частью ресоциализации осужденных является привлечение их к труду и привитие им трудовых навыков, тем более, что по состоянию здоровья преобладающая часть рассматриваемой категории являются трудоспособной.

Осужденные, отбывающие наказание за экстремистскую и террористическую деятельность, в совокупности представляют все регионы России. Тем не менее, представители Северокавказского региона среди экстремистов в исследуемой выборке составляют только 11,3%, в то время как среди осужденных за террористическую деятельность – 87,4% [7, с. 8]. Можно предположить, что в этом регионе наиболее выражены

настроения сепаратизма и религиозного радикализма, приводящего к вооруженному противостоянию с легитимной властью.

Анализ распределения осужденных по возрасту выделил наиболее многочисленные возрастные категории осужденных, совершивших преступления экстремистско-террористической направленности, из них:

- от 14 до 18 лет – 4% (28 человек);
- от 19 до 24 лет – 24% (168 человек);
- от 24 до 30 лет – 23% (161 человек);
- от 31 до 35 лет – 17% (119 человек);
- от 36 до 40 лет – 21% (147 человек);
- от 41 до 50 лет – 8% (56 человек);
- старше 50 – 3% (21 человек).

Распределение по возрастам показывает, что 85% лиц, осужденных за экстремизм – терроризм являются молодыми людьми в возрасте от 19 до 40 лет.

Среди осужденных рассматриваемой категории 49% (349 чел.) являются холостыми людьми; 37% (259 человек) имеют семьи; до судимости жили в гражданском браке 7% (49 человек); разведены 6% (42 человека); женаты повторно 1% (7 человек). Детей не имеет более половины – 57% (399 человек) опрошенных осужденных. Каждый четвертый осужденный 24% (168 человек) имеет одного ребенка, 12% (84 человек) – двоих детей, 4,5% (31 человек) – троих детей и 2% (14 человек) более 3 детей.

77% (539 человек) отмечают, что в детстве воспитывались до совершеннолетия в полной семье; 15% (105 человек) воспитывались в неполной семье с одним родителем; 6% (42 человека) – в детских домах; 2% (14 человек) воспитывались у родственников.

При этом, материально-бытовые условия в семье (либо там, где они воспитывались) осужденные оценивают, как средние – 44% (308 человек); удовлетворительные – 25% (175 человек); «ни в чем не нуждался» – 17% (119 человек); тяжелые – 14% (196 человек). Преобладающая часть 86% (602 человека) признают, что процесс их воспитания родителями был нормальным.

При самооценке состояния здоровья только 4% (28 человек) из общего числа осужденных отметили, что имеют хронические заболевания, в числе которых указывались: туберкулез, язва желудка, подагра.

До осуждения алкоголем злоупотребляли 10% (77 человек); были отдельные случаи злоупотребления у 4% (27 человек), пили «как все» 39% (283 человек); лечились от алкогольной зависимости 4% (29 человек); не употребляли алкоголь вообще 43% (313 человек).

Из общего числа осужденных 36% (253 человека) признали, что имеют некоторый опыт употребления наркотиков, причем употребляли эпизодически «легкие» наркотики – 25% (172 человека); имеют пристрастие к «легким» наркотикам – 8% (53); иногда употребляли «тяжелые» наркотики 4% (28 человек); 63% лиц, осужденных за экстремизм-терроризм, не употребляли наркотических веществ.

Свое отношение к религии в целом осужденные за экстремистско-террористическую деятельность выразили следующим образом:

- абсолютная убежденность в своей вере – 27% (190 человек);
- «просто» верующий – 51% (360 человек);
- безразличное отношение – 10% (69 человек);
- атеистами признали себя – 12% (81 человек).

Можно предположить, что радикальный характер веры характерен далеко не всем осужденным, высказывающим абсолютную убежденность в вере; половина опрошенных 51% (360 человек) относят себя к умеренно верующим; 22% (150 человек) либо безразлично относятся к вере, либо считают себя атеистами.

Конфессиональная причастность опрошенных (из числа тех, кто определил себя верующим – 550 человек) имеет следующее распределение: мусульмане-сунниты – 72% (399 человек); мусульмане-шииты – 5% (25 человек); мусульмане, представители других течений в исламе – 3% (18 человек); православные христиане – 18% (97 человек); христиане-старообрядцы – 2% (11 человек).

Из числа тех, кто определили себя как верующие, 74% (516 человек) всегда придерживались одной веры, а 5% (34 человека) сменили конфессию недавно, скорее всего в местах лишения свободы. 62% опрошенных (431 человек) являются верующими с детства.

Обобщая социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительские, религиозно-конфессиональные и другие характеристики лиц, осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности, попытаемся дать обобщенный итог проведенного исследования.

Лица, осужденные за экстремизм-терроризм в большинстве своем, совершали тяжкие и особо тяжкие преступления, как правило, в составе группы, имеющей иерархическую структуру подчиненности. Преступления совершались по предварительному сговору с разработкой детального плана и распределением ролей. Группа совершала многоэпизодные преступления с использованием огнестрельного и холодного оружия, взрывчатых веществ, физического насилия с применением подручных средств, наносящих тяжелые травмы и увечья другим людям, часто не знакомым им и ни в чем не повинным.

Совершенные ими преступления осуществлялись в основном по политико-националистическим мотивам. Наиболее распространенными являлись преступления, связанные с организацией незаконного вооруженного формирования и участием в нем, совершением террористических актов, убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной

ненависти. Большая часть осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности к уголовному миру имела слабое отношение, либо вообще не имели никакого отношения, прежде не осуждалась, не привлекались к административной ответственности и в подростковом возрасте не состояли на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних. Преступления совершались, в основном, в трезвом состоянии и без употребления наркотических веществ.

В преступлениях использовались, чаще всего, огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, что приводило к массовой гибели людей. В итоге более 65% лиц исследуемой категории осуждены к длительным и сверхдлительным срокам лишения свободы, не позволяющим прогнозировать какую-либо ближайшую перспективу своей жизни на свободе.

Наиболее распространенный возраст преступников относится к диапазону от 19 до 35 лет, половина из них никогда не имели своей собственной семьи и детей, но детство, по их оценкам, прошло в благоприятных условиях. Преобладающая часть этих людей воспитывались в полных семьях с неплохими материальными условиями и благоприятными отношениями в семье. Большинство этих людей имеют образование в объеме 9–10 классов средней школы или окончили производственно-техническое училище, колледж или техникум.

Однако значительное большинство этих лиц до осуждения не имели специальности и нигде не трудились. Возможно, это связано с отсутствием рабочих мест в различных сферах трудовой деятельности, поскольку большинство осужденных родились и жили в Северокавказском регионе. В этой связи отсутствовала возможность профессиональной самореализации и самоутверждения в труде.

Кроме того, большинство из них родились и жили в период перестройки и разрушения государства (1985–2000 г.г.), когда начались межнациональные конфликты, негативно повлиявшие на мировоззрение подрастающего поколения. Значительное большинство осужденных исповедуют ислам (сунниты, шииты, представители других течений в исламе) и многие являются верующими с детства. Осужденные – мусульмане в местах лишения свободы не являются радикально настроенными по отношению к представителям других религий, наоборот, они стремятся распространять ислам среди православных и атеистов в исправительных учреждениях [2, с. 197–198].

В целом осужденные этой категории имеют неплохое состояние здоровья, работоспособны, не имеют выраженных аддикций в виде зависимости от алкоголя и наркотиков. Однако они избегают какой-либо трудовой деятельности, занимаясь распространением ислама среди других осужденных, и их воздействие иногда оказывается намного эффективнее, чем психолого-педагогическая работа воспитательных служб [4, с. 111].

Возможно, имея длительные сроки заключения в связи с отсутствием ближайшей перспективы жизни на свободе, они видят смысл своего существования в распространении ислама среди других осужденных, совершивших общеуголовные преступления, не связанные с религиозным экстремизмом и терроризмом.

Деятельность психологов и воспитателей совместно с другими службами пенитенциарного учреждения, должна быть направлена на психопрофилактику

деструктивного поведения этих лиц и противодействие распространению религиозного экстремизма в местах лишения свободы.

Литература

1. *Столяренко А.М.* Психология и педагогика: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 423 с.
2. *Бовин Б.Г., Кокурин А.В., Трубецкой В.Ф.* Эго-психология осужденных с рецидивной преступностью // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1 (68). С. 196–203.
3. *Бовина И.Б., Бовин Б.Г.* Преступление и его участники в социальных представлениях студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование 2013. № 3. С. 222–233. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20316804_18636300.pdf. (дата обращения: 10.08.2018)
4. *Казберов П.Н.* О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (дата обращения: 19.08.2018).
5. *Казберов П.Н.* Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность прикладная юридическая психология // Прикладная юридическая психология 2013. № 4. С. 61–66.
6. *Казберов П.Н.* Типологизация уголовно-исполнительных, психологических и социально-демографических характеристик лиц, осужденных за преступления террористической направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 5. С. 115–120.
7. *Казберов П.Н., Новиков В.В.* Социально-психологический портрет лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 4 (155). С. 6–9.
8. *Кулакова С.В.* Специфика проявлений синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т. 5. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76155.shtml> (дата обращения: 19.03.2018).
9. Общественное правосознание и уголовное наказание (Феномен лишения свободы на длительный срок и пожизненно) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.philosophia.copula.ru/02_Works/029\(0\)_Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_\[2002_st\]/Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_\[2002_st\].htm](http://www.philosophia.copula.ru/02_Works/029(0)_Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_[2002_st]/Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_[2002_st].htm). (дата обращения: 16.08.2018).
10. Приказ Минюста РФ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 27 мая

Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. *Психология и право psyandlaw.ru* 2019. Том 9. №1. С. 36-53.

Kazberov P.N., Bovin B.G. General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2019. Vol. 9. no.1. pp. 36-53.

2013 г. № 28535) [Электронный ресурс] / URL:
<https://minjust.consultant.ru/documents/6302?items=1&page=1> (дата обращения:
16.08.2018).

General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes

Kazberov P.N., *Candidate of psychological sciences, chief inspector at large FSES of Russia (mr.kazberov@mail.ru)*

Bovin B.G., *Candidate of psychological sciences, assistant professor leading researcher FOA RI FSES of Russia (bovinbg@yandex.ru)*

The article is devoted to the description of the most common criminally-legal, criminally-executive and socio-demographic characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes. The authors attempted to answer the question, what are convicts of this category and what is the range of crimes committed by them.

The paper presents the results of a study of 700 prisoners convicted of extremist and terrorist crimes conducted in correctional facilities during 2015-2017.

During the study, materials of judicial decisions were studied, conversations, questionnaires and psychological testing of convicts were conducted. At the first stage, only criminal legal, criminally-executive and socio-demographic characteristics of persons convicted of crimes of extremist and terrorist orientation were determined. It should be recognized that this category of convicts is an extremely complex contingent for any corrective influence on the part of psychologists and caregivers of correctional facilities, because of the psychological resistance associated with religious education and the concept of religious extremism, acquired in the course of terrorist activities.

Keywords: convicts, employees, extremism, terrorism, general characteristics.

References

1. Stolyarenko A.M. *Psikhologiya i pedagogika: Uchebnoe posobie dlya vuzov.*[Psychology and pedagogy: Textbook for high schools] Moscow.: Publ. YuNITI-DANA, 2002. 423 p.
2. Bovin B.G. Kokurin A.V. Trubetskoi V.F. Ego-psikhologiya osuzhdennykh s retsidivnoi prestupnost'yu [Ego psychology of convicts with recidivism] // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie. [Man: crime and punishment]* 2010. № 1 (68). p.p. 196–203. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Bovina I.B., Bovin B.G. Prestuplenie i ego uchastniki v sotsial'nykh predstavleniyakh studencheskoi molodezhi [Elektronnyi resurs] [Crime and its participants in the social representations of students] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie www.psyedu.ru. [Psychological science and education www.psyedu.ru.]* 2013. № 3. p.p. 222–233. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20316804_18636300.pdf. (Accessed 10.08.2018).

4. Kazberov P.N. O neobkhodimosti protivodeistviya ekstremistsko-terroristicheskimi proyavleniyam v obshchestve i v penitentsiarnoi sisteme [Elektronnyi resurs] [On the need to counteract extremist-terrorist manifestations in society and in the penitentiary system] // *Psikhologiya i pravo. [Psychology and Law]* 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61045.shtml> (Accessed 10.08.2018) 11.02.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Kazberov P.N. Osobennosti psikhologicheskoi raboty s osuzhdennymi za terroristicheskuyu i ekstremistskuyu deyatel'nost' prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Peculiarities of psychological work with convicts for terrorist and extremist activities applied legal psychology] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]* 2013. № 4. p.p. 61–66. (In Russ., Abstr. in Engl.);
6. Kazberov P.N. Tipologizatsiya ugolovno-ispolnitel'nykh, psikhologicheskikh i sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik lits, osuzhdennykh za prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti [Typology of penal, psychological and socio-demographic characteristics of persons convicted of terrorism-related crimes] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. [Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law.]* 2015. Vol.25. no. 5. p.p. 115–120. (In Russ., Abstr. in Engl.).
7. Kazberov P.N. Novikov V.V. Sotsial'no-psikhologicheskii portret lits, osuzhdennykh za ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Socio-psychological portrait of persons convicted of extremist and terrorist activities] // *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. [Gazette of the penitentiary system]* 2015. № 4 (155). p.p. 6–9. (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Kulakova S.V. Spetsifika proyavlenii sindroma professional'nogo vygoraniya u praktikuyushchikh psikhologov [Elektronnyi resurs] [Specificity of manifestations of the syndrome of professional burnout in practicing psychologists] // *Psikhologiya i pravo. [Psychology and Law]* 2015. T. 5. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76155.shtml> (Accessed 19.03.2018).
9. Obshchestvennoe pravosoznanie i ugolovnoe nakazanie (Fenomen lisheniya svobody na dlitel'nyi srok i pozhiznenno) [Elektronnyi resurs] [Public sense of justice and criminal punishment (the phenomenon of deprivation of liberty for a long term and for life)] / URL:[http://www.philosophia.copula.ru/02_Works/029\(0\)_Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_\[2002_st\]/Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_\[2002_st\].htm](http://www.philosophia.copula.ru/02_Works/029(0)_Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_[2002_st]/Obschestven_pravosozn_i_ugol_nakazan_[2002_st].htm). (Accessed 16.08.2018).
10. Prikaz Minyusta RF ot 20 maya 2013 g. № 72 «Ob utverzhdenii instruksii po profilaktike pravonarushenii sredi lits, sodержashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugolovno ispolnitel'noi sistemy» (Zaregistrirvano v Minyuste RF 27 maya 2013 g. № 28535) [Elektronnyi resurs] [The Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of May 20, 2013, No. 72 "On approval of instructions for the prevention of violations among persons held in institutions of the penal system" (Registered in the Ministry of Justice on May 27, 2013, No. 28535)] / URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/6302?items=1&page=1> (Accessed 16.08.2018).

Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов

Логунова О.А., главный специалист центра обеспечения медицинской деятельности, ФКУЗ «ЦМСЧ МВД России» (olga.logunova65@mail.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (dvorian@gmail.com)

Статья посвящена исследованию психологических особенностей личности и поведения отечественных серийных сексуальных убийц. Подчеркивается значимость исследуемой проблемы для юридической психологии и правоохранительной практики. Представлены методологические и методические основы исследования. Описываются исследовательские задачи и гипотезы, эмпирический материал. Обсуждаются основные результаты исследования: выделен комплекс факторов, детерминирующих криминальную агрессию; определены категории «чистых» и «смешанных» типов серийных сексуальных убийц; установлен характер влияния данных факторов на формирование мотивации и механизмов реализации криминальной агрессии у различных типов серийных сексуальных убийц, показано различие последних по признакам криминального и докриминального поведения, особенностям личности; выявлены признаки-маркеры, типологически дифференцирующие серийных сексуальных убийц. Отмечены методические разработки, созданные на основе результатов исследования для решения задач правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: типология серийных сексуальных убийц, криминогенный личностный фактор, мотивация и механизмы реализации криминальной агрессии, психологические особенности личности и поведения.

Для цитаты:

Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 54-70. doi: 10.17759/psylaw.2019090104

For citation:

Logunova O.A., Dvoryanchikov N.V. The research on psychological personality features and behavior of different serial sexual murderers' types. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.54-70. doi: 10.17759/psylaw.2019090104

Введение. Исследование психологических особенностей личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц имеет важное как теоретическое, так и прикладное значение.

Его теоретическая значимость заключается в развитии научных представлений о внутренних личностных криминогенных факторах, влияющих на развитие криминальной агрессии.

Практическая значимость состоит в совершенствовании психологического обеспечения правоохранительной практики, в разработке на основе результатов исследования методик, позволяющих решать задачи по раскрытию и расследованию серийных сексуальных убийств.

Методологические и методические основы исследования. Методологически исследование основывалось на разработанных классиками отечественной психологии фундаментальных принципах активности, единства сознания и деятельности, развития [2; 5], которые в рамках юридической психологии сформировались в положения: о связи криминального события с признаками криминального поведения и чертами личности преступника [1; 6]; о криминальной деятельности как результате развития личности [4]; о важности изучения психологических явлений, определяющих генезис криминального поступка [7].

В рамках данного методологического подхода типологические особенности серийных сексуальных убийц рассматривались как результат влияния криминогенных личностных факторов, сформировавшихся в процессе их жизнедеятельности. Цель исследования была направлена на установление характера влияния данных факторов на формирование криминальной агрессии различных типов серийных сексуальных убийц и обусловила постановку комплекса теоретических и практических задач.

Теоретические задачи заключались: в выявлении указанных факторов; в определении характера их влияния на мотивацию и механизмы реализации криминальной агрессии у различных типов серийных сексуальных убийц; в установлении психологических особенностей личности, докриминального и криминального поведения, специфичных для различных типов серийных сексуальных убийц; в выделении личностных и поведенческих признаков-маркеров, а также их устойчивых сочетаний, типологически дифференцирующих серийных сексуальных убийц.

Практические задачи были связаны: с систематизацией в виде типовых психологических портретов психологических особенностей личности, докриминального и криминального поведения; с разработкой технологии оценки принадлежности неустановленного убийцы к определенному типу преступника на основании анализа его криминального поведения.

Исследовательские гипотезы были сформулированы в виде двух положений: 1) специфика криминальной агрессии представителей определенного типа серийных сексуальных убийц проявляется в своеобразии мотивации и механизмов их криминального поведения, а также в степени участия в механизмах ситуативных факторов; 2) представители различных типов серийных сексуальных убийц характеризуются специфическими для определенного типа личностными и поведенческими признаками.

Эмпирический материал в исследовании собирался на базе архивов судов Москвы и Московской области, а также архива ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского», где с использованием формализованной карты обследования анализировались материалы уголовных дел по раскрытым серийным убийствам и историй болезни лиц, их совершивших. Для оптимизации процесса статистического анализа была сформирована база эмпирических данных, содержащая информацию по 375 личностным и поведенческим признакам 59 испытуемых.

В качестве базовой типологической модели использовался подход Л.П. Конышевой, дифференцирующей серийных сексуальных убийц на «ситуативников», «силовики», «сексуальных маньяков» [3]. Л.П. Конышевой были введены эти метафоры для упрощения процесса оперирования описательными характеристиками представителей различных типов преступников. Содержательно в основе предложенной ей типологической дифференциации лежала специфика мотивационной детерминации криминального поведения убийц, заключающаяся у «ситуативников» в недостаточной опосредованности базовых мотивов, у «силовики» — в фиксации насильственного способа удовлетворения потребности в самоутверждении, у «сексуальных маньяков» — в мотивационных отклонениях, связанных с неадекватной фиксацией сексуальной потребности на садистском причинении страдания партнеру.

Основным методом исследования являлся психологический анализ материалов уголовных дел и историй болезни, позволяющий путем интерпретации сведений юридического и медицинского характера получить значимую психологическую информацию о последовательных этапах жизнедеятельности преступников и доминирующих криминогенных тенденциях их личностного развития. С учетом типологических критериев Л.П. Конышевой на основе анализа «историй жизни» преступников проводилось их разделение по трем типам. Затем синтезировались «типичные истории жизни» серийных сексуальных убийц, выделялись характерные для конкретного типа признаки.

Качественный метод психологического анализа дополнялся методами непараметрической статистики — кластерным и дискриминантным анализом, критерием χ^2 , с помощью которых статистически обрабатывались данные эмпирической базы.

Обсуждение результатов исследования. Психологический анализ позволил выделить среди исходной исследуемой выборки:

- представителей «чистых» типов, составивших 39% от числа исследованных, криминальная агрессия которых формировалась под влиянием одного из трех личностных факторов: для «ситуативника» — фактора дефицитарности комплекса личностных структур (интеллектуальных, эмоциональных коммуникативных, ценностных, социально-ролевых), контролирующей реализацию агрессивных и сексуальных влечений; для «силовики» — фактора дисгармонии личностных черт, связанной с пограничной психологической

патологией; для типа «сексуального маньяка» — фактора патологии сферы сексуальных влечений, вызванной органическими нарушениями головного мозга;

- представителей «смешанных» типов, составивших 61% от числа исследованных, формирование криминальной агрессии которых определялось сочетанным влиянием перечисленных факторов.

Посредством психологического анализа «типичных историй жизни», проведенного на выборке представителей «чистых» типов, был установлен характер влияния доминирующего криминогенного личностного фактора на специфику мотивации и механизмов реализации криминальной агрессии, а также степень участия в механизмах ситуативных переменных (табл. 1).

Таблица 1

Особенности влияния криминогенных личностных факторов на формирование криминальной агрессии у представителей «чистых» типов

Личностный фактор, преобладающий при формировании криминальной агрессии	Специфика мотивационной детерминация криминальной агрессии	Механизмы криминальной агрессии	Роль ситуативных факторов в механизме реализации криминальной агрессии
Несформированность (или редуцирование) комплекса личностных структур, контролирующих реализацию агрессивных и сексуальных влечений	Отсутствие (или нарушение) социально детерминированных способов реализации потребностей	Механизм непосредственного удовлетворения сексуальной потребности; цель убийства — подавление сопротивления, обездвиживание жертвы, получение доступа к телу жертвы. Механизм «переадресации агрессии», цель убийства — вымещение накопленных негативных эмоциональных переживаний по отношению ко всем	Существенная роль ситуативных факторов, что проявляется в ситуативно обусловленном характере мотивации, использовании наличной ситуации, спонтанности совершения криминальных действий, осуществлении их в условиях высокого риска обнаружения и незавершенности преступления из-за сопротивления жертвы или появления на месте

		женщинам или жизни в целом	преступления очевидцев
Дисгармония личностных черт, связанная с пограничной психической патологией	Стремление к насильственной форме проявления потребности в самоутверждении	Механизм непосредственной реализации потребности в достижении сексуальной власти и контроля над жертвой; цель убийства — противодействие разоблачению. Механизм непосредственной реализации диспозиционной агрессии; цель убийства — наказание жертвы	Избирательность в отношении ситуативных факторов, активное формирование ситуации преступления в соответствии с запросами личности в достижении физического и сексуального доминирования над жертвой, широким выборе средств контроля за ее поведением, использовании разнообразных форм сексуального насилия
Патология сферы сексуальных влечений, формирующаяся на почве органических нарушений головного мозга	Наличие аномальных сексуальных влечений, условием удовлетворения которых является убийство партнера	Механизм непосредственной реализации патологических сексуальных потребностей; цель убийства — получение сексуального возбуждения и оргазма от вида мучений умирающей жертвы либо возможности осуществления манипуляций с мертвым телом	Избирательность в отношении ситуативных факторов; активное формирование или поиск ситуации преступления в соответствии с условиями удовлетворения аномальных сексуальных влечений

Фактор дефицитарности комплекса личностных структур, тормозящих агрессивные и сексуальные влечения, обуславливает своеобразие мотивационной сферы, связанное с нарушениями социально детерминированных способов реализации потребностей. Реализация неконтролируемых сексуальных и агрессивных побуждений проявляется в

механизмах, связанных со стремлением к «непосредственному удовлетворению сексуальной потребности» и к «переадресации агрессии», а также в усилении влияния ситуативных факторов на инициацию, регуляцию и контроль преступником криминального поведения. Преступник использует наличную ситуацию.

Фактор дисгармонии личностных черт влияет на формирование мотивационных детерминантов криминального поведения, связанных со стремлением к насильственной форме проявления потребности в самоутверждении. Фактор играет определяющую роль в механизме сексуального насилия, реализующего возможность осуществления над жертвой сексуальной власти и контроля, и механизме «непосредственной реализацией диспозиционной агрессии», при котором убийство является наказанием жертвы, связано с наличием труднокорректируемых враждебных по отношению к женщинам личностных концепций и обуславливает избирательность преступника в отношении ситуативных факторов. Криминальная ситуация организуется преступником в соответствии с собственными дисгармоническими чертами личности и сексуальными запросами.

Фактор патологии сексуальной сферы детерминирует специфику мотивации, формирующейся под влиянием аномальных сексуальных влечений, проявляется в механизмах криминального поведения, связанных с «непосредственной реализацией патологических сексуальных потребностей», для удовлетворения которых необходимо убийство жертвы, и обуславливает избирательность к ситуативным факторам. Криминальная ситуация организуется преступником в соответствии с условиями реализации собственного аномального сексуального влечения.

Формирование криминогенных личностных факторов, детерминирующих генезис криминальной агрессии серийных сексуальных убийц, находило отражение в специфике психологических особенностей личности преступника (его биопсихических свойствах, характере сексуального развития и сексуальных отношений с женщинами, сфере увлечений); его докриминального поведения (характере проявлений сексуальных и несексуальных девиаций); его криминального поведения (типе выбираемой криминальной ситуации, характеристике жертв, особенностях установления с ними контакта, степени планируемости преступления, продолжительности преступного деяния, характере сексуальных действий с жертвой, нанесений повреждений и манипуляций с телом жертвы).

Сравнительный качественный анализ историй жизни представителей трех «чистых» типов в докриминальный и криминальный периоды показал их различие по названным выше показателям (табл. 2 и 3).

Результаты сравнительного качественного анализа были подтверждены на выборке представителей «чистых» типов статистическими методами кластерного и дискриминантного анализа. Кластерный анализ (Ward's method, Squared Euclidian distance) в 91% случаев подтвердил результаты качественного анализа. Дискриминантный анализ показал, что, основываясь на выявленных признаках личности, докриминального и криминального поведения преступников, с высокой степенью вероятности типологически дифференцируются серийные сексуальные убийцы и рассматриваемыми параметрами на 100% объясняются различия между выделенными типами (Cumulative % = 100; Canonical Correlation = 0,994; Sig. различий (p) = 0,000). Таким образом, на выборке представителей «чистых» типов были подтверждены исследовательские гипотезы о существовании различий в особенностях формирования и реализации криминальной агрессии, а также в

специфике личностных и поведенческих проявлений у представителей различных типов серийных сексуальных убийц.

Таблица 2

Результаты сравнительного качественного анализа признаков личности и докриминального поведения у представителей «чистых» типов

Признаки	Частота встречаемости в группе (в %)		
	«ситуативников»	«силовиков»	«маньяков»
Наследственная отягощенность:			
- психические заболевания у близких родственников;	18,2	14,3	60
- злоупотребление алкоголем родителями;	63,6	14,3	20
- наследственность не отягощена	18,2	71,4	20
Физический статус:			
- наличие в анамнезе тяжелых и длительных соматических заболеваний;	27,3	0	40
-эндокринологические заболевания	0	40	60
Предпосылки и особенности раннего развития:			
- недоношенность, родовые травмы;	27,3	28,6	60
- аномалии речевого (моторного) развития;	36,3	14,3	40
- энурез	18,2	0	80

<p>Психический статус (установлен диагноз):</p> <ul style="list-style-type: none"> - психопатические проявления на фоне органического поражения ЦНС; - расстройство вследствие употребления ПАВ; - расстройство личности (психопатия); - умственная отсталость 	<p>63,6</p> <p>45,5</p> <p>9</p> <p>18</p>	<p>14,3</p> <p>0</p> <p>71,4</p> <p>0</p>	<p>100</p> <p>0</p> <p>0</p> <p>0</p>
<p>Стиль воспитания в родительской семье:</p> <ul style="list-style-type: none"> - гиперопека; - авторитарный стиль; - гипоопека 	<p>9,1</p> <p>18,2</p> <p>72,7</p>	<p>14,3</p> <p>28,6</p> <p>57,1</p>	<p>40</p> <p>60</p> <p>0</p>
<p>Характер работы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - постоянная; - временная; - паразитический образ жизни 	<p>63,6</p> <p>18,2</p> <p>18,2</p>	<p>42,9</p> <p>42,9</p> <p>14,3</p>	<p>80</p> <p>20</p> <p>0</p>
<p>Проявления социальной дезадаптации в трудовой деятельности:</p> <ul style="list-style-type: none"> - злоупотребление алкоголем; - мошенничество, финансовые махинации, использование служебного положения в корыстных целях 	<p>100</p> <p>9,1</p> <p>0</p>	<p>42,9</p> <p>42,9</p> <p>42,9</p>	<p>0</p> <p>0</p> <p>0</p>

целях; - иждивенческие тенденции			
Проявления социальной дезадаптации в отношениях с противоположным полом: - жестокость в отношении жены (сожительницы); -использование «шантажного» поведения в отношении женщин; - физическое понуждение женщины к вступлению в половую связь; - избегание общения с женщинами	36,4 0 0 54,5	42,9 57,171,4 0	0 0 0 80
Проявления несексуальных девиаций: - жестокость в отношении своих ближайших родственников (в том числе детей); -бродяжничество (жизнь «вне социума»); - злоупотребление алкоголем; -мучения, убийства животных	54,5 54,5 90,9 36,3	28,5 0 42,9 28,5	0 0 0 80
Увлечения: - прогулки в одиночестве; - развлечения в	0 0	0 100	60 0

увеселительных компаниях; - распитие алкоголя с собутельниками	81,8	42,9	0
--	------	------	---

Таблица 3

Результаты сравнительного качественного анализа признаков криминального поведения у представителей «чистых» типов

Признаки	Частота встречаемости в группе (в %)		
	«ситуативников»	«силовики»	«маньяки»
Пол жертвы:			
- лица только женского пола;	100	100	0
- лица только мужского пола;	0	0	40
- лица обоего пола	0	0	60
Социальная категория жертвы:			
- бомж;	27	0	20
- дети;	18	14,3	100
- пенсионеры;	18	0	40
- лица психически неполноценные или злоупотребляющие алкоголем;	36	14,3	20
- несовершеннолетние девушки (12-18 лет) и женщины, обладающие внешней привлекательностью;	0	57,1	20
- женщины с внешними признаками материального благополучия;	54	42,9	0
- случайно попавшиеся женщины, независимо от		14,3	20

возраста, внешности, статуса			
Особенности выбора места нападения на жертву:			
- случайно выбранное место — там, где преступник встречает жертву — наличная ситуация;	36	0	0
- изолированное место, удобное для нападения — поиск ситуации;	36	57,1	100
- заранее выбранное, известное преступнику место — формирование ситуации	0	42,9	40
Подготовительные действия преступника для совершения преступления:			
- подыскание места, где можно безопасно совершить преступление;	9	42,9	100
- выбор жертвы;			1
- приискание орудия убийства	27	71,4	00
	27	14,3	80
- подготовка транспортного средства;			
- завлечение жертвы на место совершения преступления обманным путем;	0	28,6	20
- завлечение жертвы на место совершения преступления под угрозой насилия;	18	71,4	80
- подготовительные действия отсутствовали	18	57,1	0

	54	28,6	0
Продолжительность преступного деяния:			
- от 15 минут до получаса;	45	0	0
- свыше 30 минут до часа;	36	28,6	40
- более часа	27	85,7	60
Проявления девиантного сексуального поведения:			
- введение инородных тел в естественные отверстия жертвы;	9	14,3	60
- отрезание молочных желез вырезание половых органов;	9	0	60
- нанесение колото-резанных ранений в паховую область, низ живота, ягодицы, молочные железы;	27	14,3	100
- расчленение тела (без цели сокрытия)	9	0	80

С использованием метода дискриминантного анализа была определена наиболее вероятная типологическая принадлежность каждого из представителей «смешанных» типов. Это позволило расширить исследовательскую выборку, с использованием критерия χ^2 Пирсона для таблиц сопряженности оценить межгрупповые различия по частоте встречаемости личностных и поведенческих показателей в группах «ситуативников», «силовики», «сексуальных маньяков» и выявить совокупность признаков-маркеров, которые статистически значимо (при значимости на основе точного теста Фишера — $p < 0,005$) типологически дифференцируют серийных сексуальных убийц.

Межгрупповые различия по особенностям криминального поведения были выявлены для всех групп, межгрупповые различия по личностным параметрам и характеристикам докриминального поведения были получены для групп «силовики» и «сексуальных маньяков».

Таким образом, по результатам статистического анализа были выявлены специфичные для каждого из трех типов убийц признаки-маркеры криминального поведения и специфичные для типов «силовика» и «сексуального маньяка» сочетания признаков личности, докриминального поведения и криминального поведения. Так, представители «силовиков», обладающие такими личностными параметрами и особенностями докриминального поведения, как: склонность к многочисленным сексуальным контактам и частой смене сексуальных партнеров; использование в обыденной жизни практики принуждения женщин к вступлению в половую связь; конфликтность с супругами из-за повышенных сексуальных требований и измен; стремление причинить боль партнеру при сексуальном контакте; фиксация на заботе о здоровье, питании, поддержании физической формы; склонность к использованию служебного положения в целях личной наживы, — отличаются следующими признаками криминального поведения: выбор в качестве жертв сексуально и внешне привлекательных лиц женского пола в возрасте 18—25 лет; совершение преступления в заранее подготовленном и известном преступнику месте; сопряженность сексуальных действий с совершением полового акта; многократность полового акта; совершение убийства после изнасилования; отсутствие проявлений сексуальной девиантности; использование похищенных у жертвы предметов с целью наживы. Представители «сексуальных маньяков», проявляющие такие личностные характеристики и особенности докриминального поведения, как: наличие в анамнезе психических заболеваний у родителей и близких родственников, эндокринологических заболеваний, поведенческих расстройств в форме энуреза; поздний возраст вступления в половую жизнь; конфликтность с супругами из-за низкой половой потенции; отсутствие сексуального влечения к женщине или ограниченность сексуальных контактов с ними; выбор в качестве эмоционально значимых объектов детей, подростков, лиц пожилого возраста; стремление к уединенному времяпрепровождению, длительным прогулкам на природе; наличие поведенческих девиаций, связанных с желанием мучить и убивать животных, — в своем криминальном поведении характеризуются такими признаками, как: выбор в качестве жертв лиц женского и мужского пола широкого возрастного диапазона (в том числе детей и подростков); существование специальных зон поиска жертв; подыскание места совершения преступления; использование тактики заманивания жертв; совершение убийства до изнасилования или действий сексуального характера; отсутствие полового акта в естественной форме, его символический характер; наличие девиантных и некросаdistических действий с жертвами; совершение преступлений в первой половине дня; похищение у жертв малоценных предметов, остающихся у преступника.

Итоги исследования. Проведенное исследование позволило решить поставленные задачи.

В процессе изучения личностной динамики различных типов серийных сексуальных убийц была проведена дифференциация индивидуальных предпосылок формирования готовности к преступлению и выделен комплекс криминогенных личностных факторов, детерминирующих криминальную агрессию.

В контексте представлений о комплексе личностных криминогенных факторов нашла свое объяснение и получила дальнейшее развитие концепция Л.П. Конышевой, которая позволила перейти при характеристике типов серийных сексуальных убийц с языка описательных «метафор» на язык преобладающих при формировании преступной агрессии психологических детерминант.

В ходе исследования помимо представителей «чистых» типов были выделены представители «смешанных» типов, криминальная агрессия которых являлась результатом сочетанного воздействия нескольких факторов. Введение такой категории позволило уйти от статичности типологической модели Л.П. Коньшевой, расширив представление о характеристиках типов, рассматривая их криминальную агрессию как результат динамичного взаимодействия совокупности факторов, различных по степени влияния на личность и поведение преступника.

С помощью анализа криминальной деятельности представителей «чистых» типов был установлен характер влияния данных факторов на формирование мотивации преступников, выявлены специфичные для каждого типа убийц механизмы реализации криминальной агрессии, определены особенности участия в них ситуативных факторов.

Психологический анализ и качественное сравнение историй жизни представителей «чистых» типов «ситуативников», «силовики» и «сексуальных маньяков» показали их различие не только в специфике мотивации, механизмов реализации криминальной агрессии, особенностях криминального поведения, но и в биопсихических свойствах личности преступника, социально-психологических характеристиках его развития и адаптации, поведенческих проявлениях в докриминальный период.

Эти сведения в систематизированном виде легли в основу формирования типовых психологических портретов. В них в концентрированном виде содержится юридически значимая информация о личности и поведении представителей трех типов серийных сексуальных убийц, которая может использоваться для решения практических задач, связанных: с определением природы криминальной сексуальной агрессии, причин и условий ее вызывающих; оценкой признаков сексуальных и несексуальных девиаций в поведении; анализом психологических особенностей личности и поведения лица, представляющего оперативный интерес; формированием на основе анализа криминальной деятельности версий по розыску неустановленного убийцы; выбором с учетом личностных особенностей убийцы тактики проведения с ним следственных действий.

С использованием методов статистического анализа были выявлены признаки-маркеры, которые типологически дифференцируют серийных сексуальных убийц. Причем принадлежность преступника к типу «ситуативника» определяется только по признакам криминального поведения; принадлежность к типам «ситуативника» и «сексуального маньяка» — по устойчиво сочетающимся признакам личности, докриминального и криминального поведения. С опорой на систему таких диагностически дифференцирующих признаков был разработан алгоритм оценки принадлежности неустановленного убийцы к одному из типов серийных сексуальных убийц. Он представляет собой последовательный анализ основных характеристик криминальной деятельности преступника с выделением отдельных признаков-маркеров, указывающих на принадлежность к определенному типу убийцы. В результате анализа подсчитывается суммарный показатель для каждого типа преступника и определяется наиболее вероятная принадлежность неустановленного преступника к конкретному типу.

В условиях дефицита сведений о лицах, причастных к совершению серийных сексуальных убийств, с которым сталкиваются сотрудники правоохранительных органов, данный алгоритм сможет помочь в выдвижении в процессе раскрытия и расследования преступления криминалистических версий «типового» характера, формируемых с опорой на предполагаемый тип личности, наделенный конкретными розыскными признаками.

Литература

1. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: ЛэксЭст, 2002. 76 с.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1960. 500 с.
3. Коньшева Л.П. Применение психологических познаний на первоначальных этапах расследования убийств // Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: науч.-метод. руководство / О.Д. Ситковская, Л.П. Коньшева. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. С. 43—51
4. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: Инфра-М, изд-во Дом «Форум», 1998. 216 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
6. Ратинов А.Р. Методологические вопросы психологического изучения личности преступника // Психологическое изучение личности преступника. Методы исследования: сб. научн. тр. / Под ред. А.Р. Ратинова. М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1976. С. 5—22.
7. Самовичев Е.Г. К методологии криминогенетического анализа // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: сб. научн. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. С. 50—60.

The research on psychological personality features and behavior of different serial sexual murderers' types

Logunova O.A., the leading specialist of the providing medical care Center FGME «Central Medical Department of the MIA of Russia» (olga.logunova65@mail.ru)

The article focuses on the research on psychological personality features and behavior of different serial sexual murderers' types. The issue highlights the importance of the researched problem for juridical psychology and law enforcement practice. The article also presents methodological and methodical basis for the research. It describes research tasks and hypothesis, empirical evidence. The article focuses on core research results and points out methodical development established on the basis of the research results to solve the tasks for law enforcement practice. The article highlights the range of factors determining the criminal aggression; it defines the categories of "clean" and "mixed" types of serial sexual murderers; the article sets up the character of how these factors influence on forming the motivation and the mechanisms for criminal aggression implementation among different types of serial sexual murderers; the article underlines the difference of the last ones based on the features of criminal and pre-criminal behavior and on the personality peculiarities; the issue reveals the signs-markers that typologically differentiate serial sexual murderers.

Key words: typology of serial sexual murderers, criminogenic personality factors, motivation and mechanisms for criminal aggression implementation, psychological features of personality and behavior.

References

1. Vasilev A.N. Problemy metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii [The methodical problems that concern the investigation of separate crimes]. Moscow: LeksEst, 2002. 76 p.
2. Vygotskii L.S. Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii [The high mental functions development]. Moscow: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1960. 500 p.
3. Konysheva L.P. Primenenie psikhologicheskikh poznanii na pervonachal'nykh etapakh rassledovaniya ubiistv [The psychological knowledge application at first stages of investigation]. In Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P. Uchastie psichologa v raskrytii i rassledovanii ubiistv: nauchno-metodicheskoe rukovodstvo [The psychologist's participation in disclosure and investigation of murders; the handbook]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 2002. pp. 42-51.
4. Kudryavtsev V.N. Genezis prestupleniya: opyt kriminologicheskogo modelirovaniya: uchebnoe posobie [The genesis of crime: the experience of criminological modelling: the handbook]. Moscow: Infra-M, publ. Dom «Forum», 1998. 216 p.

5. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activity. Conscious. Personality.]. Moskow: Politizdat. 1977. 304 p.
6. Ratinov A.R. Metodologicheskie voprosy psikhologicheskogo izucheniya lichnosti prestupnika [Methodological issues concerning psychological review of the offender's personality]. In Ratinov A.R. (ed.) Psikhologicheskoe izuchenie lichnosti prestupnika. Metody issledovaniya: sb. nauchn.tr. [The psychological review concerning the offender's personality]. Moskow: Publ. Vsesoyuznogo in-ta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1976. pp. 5-22.
7. Samovichev E.G. K metodologii krimenogeneticheskogo analiza [Annexed to the methodology of criminogenetic analysis]. Lichnost' prestupnika: metodi izucheniya i problemy vozdeistviya: sb. nauchn. tr. [The murderer's personality: the methods of study and the problems of impact]. Moskow: VNII MBD SSSR, 1988. pp. 50-60.

Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз)

Сыроквашина К.В., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (syrokvashina@mail.ru)

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (oshevsky@serbsky.ru)

Бадмаева В.Д., доктор медицинских наук, Руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П.Сербского" МЗ РФ (badmaeva.v@serbsky.ru)

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, Руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ "ФМИЦПН им. В.П. Сербского" МЗ РФ, профессор кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (edozortseva@mail.ru)

Макушкин Е.В., доктор медицинских наук, профессор, главный внештатный специалист, детский психиатр Минздрава России, заместитель генерального директора, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (evm14@list.ru)

Александрова Н.А., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Отдел социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П.Сербского" МЗ РФ (n.a.alexandrova@mail.ru)

Терехина С.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (sterekhina@mail.ru)

Нуцкова Е.В., научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (nucikova@gmail.com)

Федонкина А.А., научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (afedonkina@gmail.com)

Чибисова И.А., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Отдел социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П.Сербского" МЗ РФ (chibis-irena@mail.ru)

Шкитырь Е.Ю., врач-психиатр, Отдел социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П.Сербского" МЗ РФ (lex-vladivostok@mail.ru)

На основании разработанной специальной статистической карты, включающей более 50 показателей, были проанализированы 179 заключений посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, проведенных в различных регионах России. Выделены типичные психологические и психопатологические факторы в генезе суицидального поведения детей и подростков. Описаны основные выявленные у несовершеннолетних психические расстройства, среди которых обращает на себя внимание высокий процент психогенных состояний. Особое внимание уделено суицидальным высказываниям и попыткам, аддиктивному поведению в пресуицидальный период, средствам коммуникации подростков (социальные сети). Отмечена крайне низкая частота обращений за специализированной помощью к профильным специалистам (психиатр, психолог), что свидетельствует о повышенной необходимости психообразовательных мероприятий среди широких групп населения. Намечены перспективы междисциплинарных исследований, которые могут позволить выявить более дифференцированные характеристики суицидального поведения у несовершеннолетних.

Ключевые слова: суицидальное поведение, подростковый суицид, несовершеннолетние, факторы риска, аутоагрессивные действия, психолого-психиатрическая экспертиза, посмертная судебная экспертиза.

Для цитаты:

Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д. и др. Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 71-84. doi: 10.17759/psylaw.2019090105

For citation:

Syrovkashina K.V., Oshevsky D.S., Badmaeva V.D. et al. Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation). [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.71-84. doi: 10.17759/psylaw.2019090105

Подростковые суициды остаются одной из самых обсуждаемых проблем среди специалистов по психическому здоровью [11]. По последним данным, в России частота

суицидов среди детей до 14 лет и подростков 15—19 лет превышает среднемировые показатели соответственно в 2 и 1,6 раза [6]. Снижение числа суицидов на 10% к 2020 году является глобальной целью в рамках плана действий Всемирной организации здравоохранения (Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013—2020 гг.). В России в отношении охраны психического здоровья детей и подростков в качестве приоритета национальной политики обозначены комплексные медико-социальные меры, направленные на предотвращение суицида [5].

Проблемы, с которыми сталкиваются сегодняшние подростки, с одной стороны, типичны для их возраста, с другой — определяются современными условиями социальной жизни. Среди типичных психологических характеристик подросткового возраста выделяются высокая эмоциональная уязвимость, нестабильность эмоциональных реакций, склонность к рискованному поведению, слабая сформированность регуляторных структур и волевых процессов при дефиците прогноза и контроля собственных действий, амбивалентность и полярность убеждений и установок, неразвитость и неустойчивость идентичности. Подростковый возраст характеризуется наличием специфических проблем, к которым относятся трудности в выстраивании взаимоотношений с родителями в условиях нарастания сепарации и сохранения зависимости, высокий уровень вовлеченности во взаимоотношения со сверстниками, переживания первой влюбленности, а также зависимость самоотношения от отношений с окружающими. Перечисленные особенности повышают уязвимость несовершеннолетних и способствуют формированию аутоагрессивного и суицидального поведения.

Влияние внешних факторов — от макросоциальных до ближайшего окружения подростка — имеет большое значение для формирования суицидального поведения подростков. Среди современных условий жизни следует отметить интенсивное развитие интернет-технологий, специфика коммуникации, новые возможности развития — все это выделяет современное поколение подростков и ставит перед ними новые задачи. Самоубийство, как правило, становится крайней, экстремальной реакцией на трудности и проблемы, кажущиеся молодому человеку непреодолимыми. Вместе с тем многообразие форм, причин и факторов аутоагрессивных действий у подростков ставит перед специалистами вопросы, связанные с необходимостью анализа существующих подходов к проблеме суицидального поведения в подростковом возрасте и определения, насколько полно концептуально описываются особенности такого поведения на современном этапе. Более глубокое понимание механизмов самоубийств у подростков является необходимым для разработки способов превенции и терапии [13; 14].

В уголовно-правовом контексте для выяснения причин самоубийства несовершеннолетних судебно-следственными органами назначается посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ). В отношении взрослых лиц, окончивших жизнь самоубийством, были разработаны принципы проведения судебно-экспертных исследований [4; 9; 10]. Однако специфические возрастные особенности подростков, значительное увеличение количества такого рода экспертиз в последнее время, а также расширение круга вопросов, интересующих следствие, делают необходимой разработку методологии и методов посмертной КСППЭ по делам о самоубийствах несовершеннолетних с учетом возрастной специфики и особенностей современной социальной ситуации их развития. Ключевой является разработка алгоритмов оценки психопатологических и психологических феноменов, психических и эмоциональных состояний подростков в период, предшествующий смерти, а также факторов,

оказывающих влияние на формирование психического состояния суицидентов. Серьезное методологическое значение имеет разработка подходов к формулированию экспертных заключений и ответов на вопросы судебно-следственных органов.

Безусловно, важным и актуальным является анализ существующей практики проведения посмертных КСППЭ несовершеннолетних в России. Он позволяет выявить наиболее острые проблемы этого вида экспертизы, которые могут быть решены путем разработки методических рекомендаций и унификации подходов к проведению экспертиз. Кроме того, такой анализ даст возможность выявить наиболее существенные факторы, влияющие на формирование суицидального поведения в подростковом возрасте, и использовать эту информацию в профилактических целях.

Цель исследования — описание факторов формирования суицидального поведения у детей и подростков на материале судебных экспертиз (психолого-психиатрических, судебно-психологических, судебно-психиатрических).

Материал и методы

Проведенное исследование представляет собой первый этап обработки материала, состоящего из заключений комплексных судебных психолого-психиатрических (в отдельных случаях также однородных судебно-психиатрических и судебно-психологических) экспертиз, выполненных в различных регионах России. В данном анализе в выборку вошли 179 заключений, преимущественно из Центрального и Сибирского федеральных округов.

Для анализа была разработана специальная статистическая карта, выделено более 50 показателей, характеризующих как несовершеннолетних суицидентов (их состояние, окружение, поведение, в том числе суицидальное, обстоятельства жизни и смерти), так и особенности самих экспертиз. В настоящей статье приводятся данные, касающиеся самих несовершеннолетних. Причины их смерти квалифицируются в соответствии с категориями МКБ-10. Обработка проводилась методами описательной статистики и качественного анализа.

Результаты

При анализе выборки несовершеннолетних суицидентов были выделены следующие демографические характеристики. На долю мальчиков приходится примерно 60% выборки. Средний возраст суицидентов в выборке составил $14,7 \pm 2,1$ года, причем самому младшему из них было 8 лет, самому старшему — 18. Вместе с тем, на долю детей до подросткового возраста (до 11 лет) приходилось лишь 3,35% выборки, в связи с чем можно считать полученные результаты, относящимися преимущественно к подросткам.

Городские и сельские жители представлены в выборке примерно в равной пропорции с небольшим преобладанием жителей села.

При анализе структурных характеристик родительских семей несовершеннолетних суицидентов было выявлено, что большинство несовершеннолетних (62% выборки) воспитывались в полных семьях. Также подавляющее число несовершеннолетних суицидентов имело, по меньшей мере, одного siblinga (83%) и лишь 17% детей и

подростков, окончивших жизнь самоубийством, являлись единственными детьми в родительской семье.

При анализе «социальной ситуации развития» несовершеннолетнего фиксировалось учебное заведение, в котором он получал образование. В большинстве случаев несовершеннолетние обучались в общеобразовательных школах (85,65%). В лицеях и гимназиях с более сложной образовательной программой и углубленным изучением предметов учились 2,84% подростков. Отдельные несовершеннолетние на момент наступления юридически значимой ситуации обучались в высших учебных заведениях (1,70%). Немногие подростки с интеллектуальными ограничениями были учениками специализированных школ — 8 вида для детей с умственной отсталостью (1,70%) и 7 вида — для детей с задержкой психического развития (0,57%). Успеваемость несовершеннолетних из обследованной выборки в целом соответствует нормальному распределению. У большинства подростков она находилась на среднем уровне (61,36%), у 20,45% — на высоком, у 18,18% — на низком.

Анализ характеристик суицидального поведения несовершеннолетних выявляет доминирование такого способа совершения суицида, как повешение (удавление, удушение) (79%). Падение с высоты как способ самоубийства с высокой степенью летальности встречалось в выборке лишь в 10% случаев. Уровень летальности в случае приема каких-либо препаратов считается более низким, однако этот способ также встречается в исследованной выборке (5%). Кроме того, выявляется такой сравнительно редкий для России способ (в силу законодательства, ограничивающего возможности граждан по свободному использованию оружия), как самоповреждение огнестрельным оружием (3%), преимущественно у подростков в семьях охотников. В отдельных случаях встречаются самоповреждение режущими предметами (2%) и самоповреждение под движущимися объектами (1%), как правило, при намеренном падении под железнодорожный транспорт.

Одним из важных критериев оценки психического и эмоционального состояния подростков в период, предшествующий суицидальному поступку, является наличие или отсутствие предшествующих суицидальных тенденций. В анализируемых экспертных заключениях подобные суицидальные тенденции зафиксированы почти в половине случаев (48,5%). Среди характеристик суицидальных тенденций наиболее часто фиксировались суицидальные высказывания (44,31%), что свидетельствует о том, что несовершеннолетние делились своими мыслями о возможности совершения суицида с окружающими. В значительном количестве случаев (19,16%) были зафиксированы предшествовавшие суицидальному акту суицидальные попытки, причем в 9,58% случаев отмечались повторные суицидальные попытки. В четверти случаев несовершеннолетние оставляли предсмертные записки (25,9%).

Более чем в половине случаев в описании обстоятельств, сопровождавших формирование суицидальных намерений и поступков у подростков, были зафиксированы конфликтные ситуации (54,02%), преимущественно конфликты в семье (41,48%). В то же время конфликты относительно часто выявляются и в сфере общения со сверстниками (22,16%). Несколько меньшей конфликтностью отличается школьная среда (12,50%), причем проблемных ситуаций, связанных с преподавателями, зафиксировано сравнительно немного (4,55%).

Почти в половине исследованных случаев у несовершеннолетнего была страничка в сети Интернет (46,59%). Предварительный анализ показывает, что пятая часть несовершеннолетних (20,45%) оставляли в сети Интернет записи или перепосты с других страниц с суицидальным содержанием.

При анализе клинических характеристик несовершеннолетних суицидентов в 31,64% случаев были отмечены такие неблагоприятные наследственные факторы, как суицидальные попытки со стороны близких родственников, в том числе сиблингов, злоупотребление алкоголем одним или двумя родителями либо ближайшими родственниками, осуществлявшими воспитание несовершеннолетних, а также наличие психического расстройства у одного из родителей. При этом основным, преобладающим фактором наследственной отягощенности являлось злоупотребление алкоголем именно родителями — 21,51%. Второй по распространенности фактор — наличие суицидальных попыток, в том числе и завершённых суицидов, у близких родственников — 16,28%. Доля наследственной отягощенности по психической патологии составила лишь 5,2%.

Число несовершеннолетних, имеющих общесоматические проблемы — 26,44% случаев, причем среди них преобладали физически ослабленные дети, включенные педиатрами в так называемую категорию «часто болеющий ребенок». Так, лишь в 10,78% случаев было зарегистрировано обращение за психиатрической медицинской помощью несовершеннолетними в сопровождении родителей, при этом обращение к психиатру, как правило, носило однократный характер, без повторных приемов и динамического наблюдения. В 12,57% случаев родственники приводили несовершеннолетних на прием к психологу.

При формулировании экспертных выводов эксперты-психиатры диагностировали у несовершеннолетних суицидентов различные клинически очерченные состояния менее чем в половине случаев. Примерно в 1% случаев эксперты отказывались от ответа, ссылаясь на недостаточность сведений, содержащихся в материалах дела.

Среди диагнозов, установленных при проведении посмертных КСППЭ несовершеннолетних, совершивших суицид, доминировали психогенные расстройства, более чем в 50% случаев они квалифицировались в рамках следующих рубрик МКБ—10: «Фобические тревожные расстройства» (F40) – «Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации» (F43) — и были представлены преимущественно категориями «Острая реакция на стресс», «Посттравматическое стрессовое расстройство», «Реакции на тяжелый стресс неуточненные», «Другие реакции на тяжелый стресс». Относительно широко использовались вариации нарушений адаптации — «Кратковременная депрессивная реакция», «Пролонгированная депрессивная реакция», «Смешанная тревожная и депрессивная реакция», «Расстройство адаптации с преобладанием нарушений поведения», «Расстройство адаптации с преобладанием нарушения других эмоций», «Смешанное расстройство эмоций и поведения». Кроме того, одной из наиболее часто встречающихся форм психических расстройств были аффективные нарушения в виде депрессии («Депрессивный эпизод», F32) разной степени выраженности — от легких до тяжелых проявлений психопатологии, что составило 14,55% случаев из всей когорты.

Расстройства поведения (F90-92) у несовершеннолетних были выявлены в 12,71% случаев, среди которых чаще наблюдалось «Социализированное расстройство поведения» (F91.2). Также диагностировались «Другие расстройства поведения» (F91.8),

«Гиперкинетические расстройства» (F90), «Депрессивное расстройство поведения» (F92.0), «Другие смешанные расстройства поведения и эмоций» (F92.8).

Детям и подросткам, совершившим суицид, в 7,27% случаев был установлен диагноз «Умственная отсталость легкая» (F70.1). У 5,46% детей и подростков наблюдались «Формирующиеся расстройства личности (эмоционально неустойчивое и смешанное)» (F60-61). Рубрики органически обусловленных психических расстройств (F06-07) были квалифицированы в 5,46% случаев. Психические расстройства и расстройства поведения, вызванные употреблением психоактивных веществ (ПАВ) (F19), отмечались у 1,82% несовершеннолетних.

Непосредственно в момент совершения суицида 21,2% подростков находились в состоянии интоксикации, вызванном употреблением различных психоактивных веществ. При этом алкоголь значительно преобладал над другими видами ПАВ.

Психологическая квалификация особых эмоциональных состояний, предшествующих самоубийству, была проведена менее чем в половине случаев. Примерно в 5% эксперты отказывались от ответа, ссылаясь на недостаточность предоставляемых сведений.

Обсуждение

Доминирующие в выборке способы самоубийства (повешение, падение с высоты) характеризуются, с одной стороны, высокой летальностью (в отличие от таких способов самоповреждения, как прием фармакологических препаратов или нанесение самопорезов), с другой стороны, доступностью (в большинстве случаев суициденту доступны простейшие средства для совершения суицида, такие, как веревка или шнур от электрического прибора). Частая встречаемость повешения объясняется преобладанием в обследованной выборке несовершеннолетних, проживавших не в городах, а в сельских районах, где практически исключается возможность суицида путем падения с высоты.

Выделенные в выборке демографические характеристики отличаются следующими особенностями. Разделение по полу соответствует мировой тенденции, согласно которой мужчины чаще совершают самоубийства, чем женщины. При анализе возрастных характеристик выделяется интервал с 14 до 16 лет, являющийся, согласно нашим данным, наиболее суицидоопасным. Этот возраст — переходный от подросткового к юношескому периоду — рассматривается в возрастной психологии как кризисный, что свидетельствует об особой уязвимости молодых людей. Эмоциональная нестабильность, склонность к бурному реагированию на жизненные события, неустойчивость поведения в сочетании с недостаточно сформированным самосознанием — эти особенности делают несовершеннолетних весьма зависимыми от внешних влияний и собственных ситуационных побуждений.

Социальную ситуацию развития детей и подростков в значительной мере определяют условия их жизни: проживание в городской или сельской местности, состав семьи, особенности учебного заведения, в котором они обучаются. Образуя общий контекст жизни несовершеннолетнего, эти условия могут выступать в качестве факторов, влияющих на его удовлетворенность своим существованием и таким образом способствующих или препятствующих развитию аутоагрессивного поведения. В исследованной выборке преобладали подростки из сельской местности.

Особенности родительской семьи и условий воспитания в ней традиционно рассматриваются специалистами в качестве одного из наиболее существенных социальных факторов, оказывающих влияние на формирование суицидального поведения у несовершеннолетних. При всей важности структурных характеристик родительской семьи необходимо учитывать тот факт, что само по себе воспитание ребенка в полной или неполной семье не может выступать в качестве определяющего фактора при анализе влияния семейной ситуации на формирование суицидального поведения. С одной стороны, в условиях неполной семьи ребенок вынужденно получает меньше родительского внимания. С другой стороны, в полных и формально благополучных семьях возможны конфликты, использование родителями дисгармоничных стилей воспитания, низкий уровень доверия в отношениях родителей и детей. И то и другое может выступать в качестве фактора риска девиантного поведения ребенка, в том числе аутоагрессивного, однако не имеет решающего значения. Преобладание полных семей с наличием сиблингов в обследованной выборке свидетельствует, что семьи подростков-суицидентов, даже имеющие нормативную структуру, не являлись фактором защиты детей по отношению к суицидальному поведению.

С точки зрения особенностей образовательной среды и интеллектуальных способностей подростков, абсолютное большинство из них имели нормальный интеллект, позволявший им обучаться в общеобразовательной школе на среднем уровне успеваемости.

Достаточно высокая частота зафиксированных конфликтных ситуаций соответствует представлениям о пресуицидальном периоде как характеризующемся межличностными конфликтами. Семейная ситуация, как правило, в значительной степени определяет эмоциональное и психическое благополучие человека, в особенности подростка. Несмотря на актуальность отделения от семьи и формирования независимой от родителей позиции в подростковом возрасте, семейные отношения остаются одним из факторов, обуславливающих адекватное психическое функционирование несовершеннолетнего и его способность к адаптации. Кроме того, важнейшей областью общения для несовершеннолетних являются референтные группы сверстников, в которых конфликтные ситуации также встречались.

Большое число подростков было зарегистрировано в социальных сетях, что является достаточно распространенным явлением, и, вероятно, количество зарегистрированных выше, чем зафиксировано в экспертных актах, однако эти данные могут быть связаны с тем, что в обследованной нами выборке велико количество подростков, проживающих в сельской местности и отдаленных районах, где доступность Интернета меньше. В настоящее время особую важность приобретает не только присутствие, но и характер участия подростков в сети Интернет, а также их вовлеченность в группы с обсуждением суицидальных действий как приемлемых и допустимых. При этом публикации с суицидальным содержанием на собственных страничках не являются прямым свидетельством их вовлеченности в группы, пропагандирующие суицидальные поступки, вместе с тем, может являться признаком обдумывания суицидального поступка или актуальностью таких идей в целом.

Данные о частоте высказываний несовершеннолетних о возможном суициде указывают на необходимость внимания к любым сообщениям подростков, которые касаются их суицидальных мыслей и намерений. Многие из тех, с кем подростки делятся своими идеями или даже планами, связанными с суицидальными действиями, не

воспринимают эти высказывания как серьезные и не предполагают, что они могут действительно реализоваться. Однако суицидальные высказывания служат маркером как процесса формирования суицидальных намерений, так и показателем психологического или психического неблагополучия подростка и требуют внимания со стороны как близких, так и специалистов. Важно при этом не допускать стигматизации подростков, так как это существенно снижает комплаентность и направленность на получение помощи. Помимо суицидальных высказываний, в выборке часто встречались предшествовавшие суицидальные попытки. Это соответствует литературным данным о существенном повышении риска совершения самоубийства после однократных либо повторных попыток. В ситуациях, когда подросток оставлял предсмертную записку, следственные органы и эксперты могут провести ее анализ и в ряде случаев сделать выводы относительно мотивации суицидального поступка и его смыслового контекста в конкретном случае. Кроме того, анализ содержания записки, эмоционально-смысловой окраски высказываний подростка делает существенный вклад в квалификацию того психического и психологического состояния, в котором подросток находился в период, предшествовавший самоубийству.

При клинической оценке в проанализированных экспертных заключениях у большинства детей и подростков, совершивших суицид, наследственной отягощенности по психической патологии не прослеживалось, однако в тех случаях, когда она фиксировалась, основными предпосылками были алкоголизация родителей и наличие суицидальных попыток или завершенных суицидов в семье, что позволяет говорить об особенно неблагоприятном характере этих факторов.

Анализ общего состояния здоровья детей и подростков, совершивших суицид, демонстрирует относительно высокий процент несовершеннолетних, имеющих общесоматические проблемы.

Особенно тревожным наблюдением является низкая частота предшествующих обращений за специализированной помощью к таким специалистам, как психиатр и психолог, или однократность таких посещений. Это свидетельствует о повышенной необходимости психообразовательных мероприятий среди широких групп населения, включающих в себя и информацию о специалистах и оказываемой ими помощи в случае суицидальных высказываний подростка, высокая частота которых обсуждалась выше.

При анализе психических заболеваний у несовершеннолетних суицидентов обращает на себя внимание высокий процент психогенных психических расстройств. При анализе причин их возникновения необходимо иметь в виду как возможные психотравмирующие ситуативные обстоятельства, которые могут оказаться значимыми для подростка, так и вероятность его специфического субъективного реагирования с учетом характерных для него индивидуальных особенностей.

Низкая частота диагнозов, связанных с химическими аддикциями, не исключает того, что употребление различных психоактивных веществ является одним из ключевых факторов роста подростковых суицидов. Не имея достаточных ресурсов, чтобы справиться с эмоциональным дискомфортом, подростки зачастую прибегают к употреблению ПАВ как к одному из способов «решения проблемы». Формируется замкнутый круг, поскольку вопреки надеждам на «расслабление», употребление ПАВ еще больше повышает состояние дистресса и агрессивности, ускоряет переход суицидальных мыслей в действие, снижает способность к

осознанной регуляции поведения. Последствием приема наркотических веществ могут быть измененные состояния сознания, сопровождающиеся суицидальными мыслями и действиями. Достаточно большое число подростков находилось в момент совершения суицида в состоянии опьянения, преимущественно алкогольного, однако в связи с отсутствием в ряде случаев заключений судебно-медицинских экспертиз не было предоставлено и каких-либо объективных сведений о том, мог ли подросток употреблять ПАВ непосредственно перед совершением им суицида, т. е. в действительности количество суицидов, совершенных несовершеннолетними в состоянии опьянения ПАВ, может быть выше.

Таким образом, среди типичных факторов формирования суицидального поведения у детей и подростков на фоне возрастной психоэмоциональной уязвимости несовершеннолетних выступают семейные проблемы с конфликтами, алкоголизацией и деструктивным поведением родственников, конфликты со сверстниками, что ведет к нарастанию психического напряжения, появлению психогенных расстройств. Дополнительными существенными факторами могут служить соматическое неблагополучие подростков и употребление ими психоактивных веществ. Эти характеристики, а также суицидальные тенденции несовершеннолетних (высказывания о желательности суицида, интерес к аутодеструктивной тематике, суицидальные попытки) должны рассматриваться в качестве признаков, сигнализирующих о выраженном внутреннем неблагополучии и риске суицидального поведения и требующих вмешательства специалистов.

Заключение

В настоящее время остается острой проблема эффективности существующих мер антисуицидальной направленности, в том числе в отношении подростков [8; 1; 2]. Как показывает проведенный нами теоретический анализ, несмотря на широту разработки различных подходов в отношении суицидов, проблема суицидального поведения в подростковом возрасте все еще недостаточно изучена, а ее концептуализацию можно, скорее, охарактеризовать как частичную [3; 7; 12].

Проведенный предварительный анализ эмпирического материала показал значение различных психологических и психопатологических факторов в генезе суицидального поведения детей и подростков. Дальнейшее междисциплинарное исследование позволит выявить более дифференцированные характеристики суицидов у несовершеннолетних, типичные для разных регионов России, городских и сельских условий, описать статические и динамические факторы, как предрасполагающие к аутоагрессии, так и препятствующие ей. Полученные данные могут быть использованы в профилактике суицидов детей и подростков.

Литература

1. Анализ эффективности существующих и направления разработки дополнительных мер по снижению смертности населения от самоубийств // *Российский психиатрический журнал*. 2017. № 1. С. 75—76.
2. *Гусева О.И., Макушкин Е.В., Клименко Т.В., Александрова Н.А.* Системные проблемы

- комплексной профилактики аддиктивного и девиантного поведения среди детей и подростков, реализуемой в субъектах Российской Федерации в рамках Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы // Российский психиатрический журнал. 2017. № 6. С. 4—9.
3. Дронова Е.Н., Растов Ю.Е. Синтагма исследований суицидального поведения // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2—1 (78). С. 237—240.
 4. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 497 с.
 5. Макушкин Е.В., Байбарина Е.Н., Чумакова О.В., Демчева Н.К. Основополагающие задачи и проблемы охраны психического здоровья детей в России // Психиатрия. 2015. № 4. С.5—11.
 6. Положий Б.С., Фритлинский В.С., Агеев С.Е. Частота суицидов среди несовершеннолетних в России // Российский психиатрический журнал. 2016. № 5. С. 52—54.
 7. Равочкин Н.Н. Проблема подросткового суицида как объект междисциплинарных исследований // Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 651—654.
 8. Саркианоне М., Положий Б.С. Суициды у детей и подростков // Российский психиатрический журнал. 2014. № 3. С. 52—56.
 9. Сафуанов Ф.С. Психолого-психиатрическая экспертиза по факту самоубийства // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 28—30.
 10. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством // Медицинская и судебная психология. Курс лекций. 3-е изд. М.: Генезис, 2009. 606 с.
 11. Фесенко Ю.А., Холмогорова А.Б. Случаи суицидов среди подростков как социальная проблема: по следам V всероссийского форума «Наши дети, здоровье детей и факторы, его формирующие» // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 2. С. 188—193. doi:10.17759/cpp.2017250212
 12. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Магурдумова Л.Г. Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения // Суицидология. 2013. № 3 (12). С.26—36.
 13. Hawton K., Saunders K., O'Connor R. Self-harm and suicide in adolescents // The Lancet. 2012. Vol. 379. Issue 9834. P. 2373—2382.
 14. Lester D. Decades of Suicide Research: Wherefrom and where to? // Suicide Science: Expanding the Boundaries / Eds.T. Joiner, M.D. Rudd. Springer, 2007.

Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д. и др. Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз). Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том 9. №1. С. 71-84.

Syrovkashina K.V., Oshevsky D.S., Badmaeva V.D. et al. Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation). Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.1. pp. 71-84.

Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation)

Syrovkashina K.V., Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (syrovkashina@mail.ru)

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (oshevsky@serbsky.ru)

Badmaeva V.D., Doctor in Medicine, Head of the Department of Social and Forensic Psychiatric Issues of Minors, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (badmaeva.v@serbsky.ru)

Dozortseva E.G., Doctor in Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Psychology of Childhood and Adolescence, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Professor, Moscow State University of Psychology and Education (edozortseva@mail.ru)

Makushkin E.V., Doctor in Medicine, Professor, Deputy director of science, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (eVm14@list.ru)

Alexandrova N.A., PhD in Medicine, Senior Researcher, V Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (n.a.alexandrova@mail.ru)

Terekhina S.A., PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (sterekhina@mail.ru)

Nutskova E.V., Researcher, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (nuckova@gmail.com)

Fedonkina A.A., Researcher, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation

Сыроковашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д. и др. Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз). *Психология и право psyandlaw.ru* 2019. Том 9. №1. С. 71-84.

Syrovkashina K.V., Oshevsky D.S., Badmaeva V.D. et al. Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation). *Psychology and law psyandlaw.ru* 2019. Vol. 9. no.1. pp. 71-84.

(afedonkina@gmail.com)

Chibisova I.A., PhD in Medicine, Senior Researcher, V Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (chibis-irena@mail.ru)

Shkityr E.Yu., psychiatrist, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (lex-vladivostok@mail.ru)

On the basis of a specially developed statistical matrix, which includes more than 50 parameters, 179 conclusions of post-mortem complex forensic psychiatric-psychological expertises carried out in various regions of Russia were analyzed. Typical psychological and psychopathological factors in genesis of suicidal behavior of children and adolescents were identified. The article describes the main psychic disorders diagnosed in minors, among which a high percentage of psychogenic states is noteworthy. Special attention is paid to suicidal statements and attempts, addictive behavior in the pre-suicidal period, adolescents' means of communication (social networks). The extremely low frequency of requests for specialized assistance to specialists (psychiatrists, psychologists) was noted. It indicates the increased need for psychoeducational measures among the general population. The prospects of interdisciplinary research, which can reveal more differentiated characteristics of suicidal behavior in minors, are outlined.

Keywords: suicidal behavior, adolescents' suicide, minors, risk factors, auto-aggressive actions, psychological and psychiatric examination, post-mortem forensic expertise.

References

1. Analiz jeffektivnosti sushhestvujushhih i napravlenija razrabotki dopolnitel'nyh mer po snizheniju smertnosti naselenija ot samoubijstv [Analysis of the effectiveness of the existing, and ways of developing the additional measures, aimed at reducing the suicide mortality rate] // *Rossijskij psihiatricheskij [Russian Journal of Psychiatry]*. 2017;(1). P. 75—76.
2. Guseva O.I., Makushkin EV, Klimenko TV, Aleksandrova NA. Sistemnye problemy kompleksnoj profilaktiki addiktivnogo i deviantnogo povedenija sredi detej i podrostkov, realizuemoj v sub"ektah Rossijskoj Federacii v ramkah Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012—2017 gody [Systemic problems of integrated prevention of addictive and deviant behavior among children and adolescents in the constituent entities of the Russian Federation under National Strategy for children 2012-2017 years]. // *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*. 2017; (6). P. 4-9.
3. Dronova EN, Rastov YuE. Sintagma issledovanij suicidal'nogo povedenija [Syntagma Study of Suicidal Behaviour] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University Journal]*. 2013; (78). P. 237—240.

4. Kudryavtsev IA. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo—psikhiatricheskaya ehkspertiza (nauchno—prakticheskoe rukovodstvo) [Comprehensive forensic psychological and psychiatric expertise (scientific-practical guide)]. Moscow: Publ. Izd—vo Mosk. un—ta, 1999. 497 p.
5. Makushkin EV, Baybarina EN, Chumakova OV, Demcheva NK. Osnovopolagajushhie zadachi i problemy ohrany psihicheskogo zdorov'ja detej v Rossii [Fundamental tasks and problems of a mental health care of children in Russia] // *Psikhiatriya [Psychiatry]*. 2015; (4). P. 5—11.
6. Polozhy BS, Fritlinsky VS, Ageev SE. Chastota suicidov sredi nesovershennoletnih v Rossii [The rate of suicide among minors in Russia] // *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*. 2016;(5). P. 52—54.
7. Ravochkin NN. Problema podrostkovogo suicida kak ob"ekt mezhdisciplinarnyh issledovanij [The problem of adolescent suicide as an interdisciplinary research object] // *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*. 2016; (20 (124)). P. 651—654.
8. Sarchiapone M, Polozhy BS. Suicidy u detej i podrostkov [Suicide in children and adolescents] // *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*. 2014; (3). P. 52—56.
9. Safuanov F.S. Psikhologo—psikhiatricheskaya ehkspertiza po faktu samoubiystva [Psycho-psychiatric examination of the fact of suicide] // *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 1995; (12). P. 28-30.
10. Safuanov FS. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo—psikhiatricheskaya ehkspertiza litsa, okonchivshogo zhizn' samoubiystvom. Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya. Kurs lektsiy [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of a person who has completed suicide]. Moscow: Publ. Genezis, 2009. 606 p.
11. Fesenko YuA, Kholmogorova AB. Sluchai suicidov sredi podrostkov kak social'naja problema: po sledam V vserossijskogo foruma «Nashi deti, zdorov'e detej i faktory, ego formirujushhie» [Suicides Among Adolescents As A Social Problem: 5th All-Russian Forum "Our Children. Children's Health And Its Factors"] // *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no.2, pp. 188—192. doi: 10.17759/cpp.2017250212. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Chistopolskaya K, Enikolopov S, Magurdumova L. Mediko-psihologicheskie i social'no-psihologicheskie koncepcii suicidal'nogo povedenija [Medical and socio-psychological approaches to suicidal behavior] // *Suitsidologiya [Suicidology]*. 2013; no.3 (12). P. 26—36.
13. Hawton K., Saunders K., O'Connor R. Self—harm and suicide in adolescents. *The Lancet*. Volume 379, Issue 9834, 23—29 June 2012, Pages 2373—2382.
14. Lester D. Decades of Suicide Research: Wherefrom and where to? In *Suicide Science: Expanding the Boundaries*. Eds.T.Joiner, M.D.Rudd. Springer, 2007.

Отрицание гендерного насилия: введение в проблему

Рется С.Э., студент, кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (retsya-stasya@yandex.ru)

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sverchokk@list.ru)

Предметом рассмотрения в настоящей статье является отрицание гендерного насилия. Обсуждается вопрос о формулировке определения этого понятия, предлагается гипотетическая схема возможных проявлений отрицания гендерного насилия. В основу этой схемы легло предположение о том, что отрицание не всегда одновременно затрагивает и насильственные, и гендерные аспекты ситуации. В зависимости от того, насколько объемлющим является отрицание, дифференцированы частичный и полный варианты обсуждаемого феномена. Ставится вопрос о практической необходимости учета не только осмысленного толкования гендерного насилия, но и непосредственных эмоциональных реакций на столкновение с этим явлением. Выдвинуты предположения относительно возможных психологических механизмов отрицания гендерного насилия, обозначены перспективы дальнейших эмпирических исследований в обозначенной области. Указывается, в частности, на необходимость дальнейшего изучения отрицания гендерного насилия у людей, непосредственно вовлеченных в происходящее и наблюдающих насилие со стороны.

Ключевые слова: гендерное насилие, феномен отрицания, психологическая защита, копинг-поведение.

Для цитаты:

Рется С.Э., Луковцева З.В. Отрицание гендерного насилия: введение в проблему. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 85-95. doi: 10.17759/psylaw.2019090106

For citation:

Retsya S.E., Lukovseva Z.V. Denial of gender-based violence: introduction to the problem. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.85-95. doi: 10.17759/psylaw.2019090106

Следуя сложившейся традиции [1; 2; 8; 9; 10; 12], **гендерным** мы будем считать насилие, направленное на человека в связи с его половой и/или гендерной

принадлежностью. Как и любая другая системная форма насилия, рассматриваемое явление может выступать в виде физического, психологического, экономического или иного воздействия и, как правило, носит сочетанный характер. Многообразие проявлений и высокая латентность гендерного насилия (далее — ГН) до сих пор остаются факторами, серьезно осложняющими процесс его научного исследования. К числу наиболее ярких примеров ГН можно отнести: сексуальное насилие; вербальную и физическую агрессию, направленную на мужчин или женщин именно потому, что они являются мужчинами или женщинами; неправомерное увольнение по причине половой и/или гендерной принадлежности сотрудника и т. д. Чаще пострадавшими оказываются женщины, однако понятие ГН не исключает, разумеется, насилия в отношении мальчиков и мужчин [9; 16].

Проблема отрицания гендерного насилия (далее — ОГН) является эмпирически очевидной, однако до сих пор она не подвергалась систематическому исследованию ни в психологии, ни в смежных науках. Отсутствуют точные данные о распространенности, структуре возможных проявлений и последствий ОГН, не освещены и его психологические механизмы. Малоизученными остаются также причины возникновения ОГН, хотя и можно составить о них общее представление, исходя из теоретических соображений. На сегодняшний день данное явление рассматривается главным образом косвенно, в контексте более масштабных вопросов гендерной психологии и социологии [8; 11; 12; 13; 15; 18].

Термин «отрицание гендерного насилия» содержит в себе указание на особую идентификацию ситуации ГН и может быть определен содержательно или «от противного». Первый вариант определения раскрывает ОГН через видение этой ситуации как безопасной (предполагающей защищенность человека) и/или гендерно нейтральной. Во втором варианте формулировка будет такой: ОГН — это вариант идентификации ГН, при котором насильственная и/или гендерная природа происходящего не обнаруживается и/или не признается. Попытаемся хотя бы в самом общем виде систематизировать **феноменологию ОГН** (рис. 1). Будем учитывать при этом, что отрицание не всегда касается *одновременно* и насильственных (опасных, угрожающих), и гендерных аспектов ситуации; таким образом, ОГН может носить частичный или полный характер. В правой части рисунка приведем условные примеры высказываний, отражающих тот или иной вариант идентификации ситуации ГН.

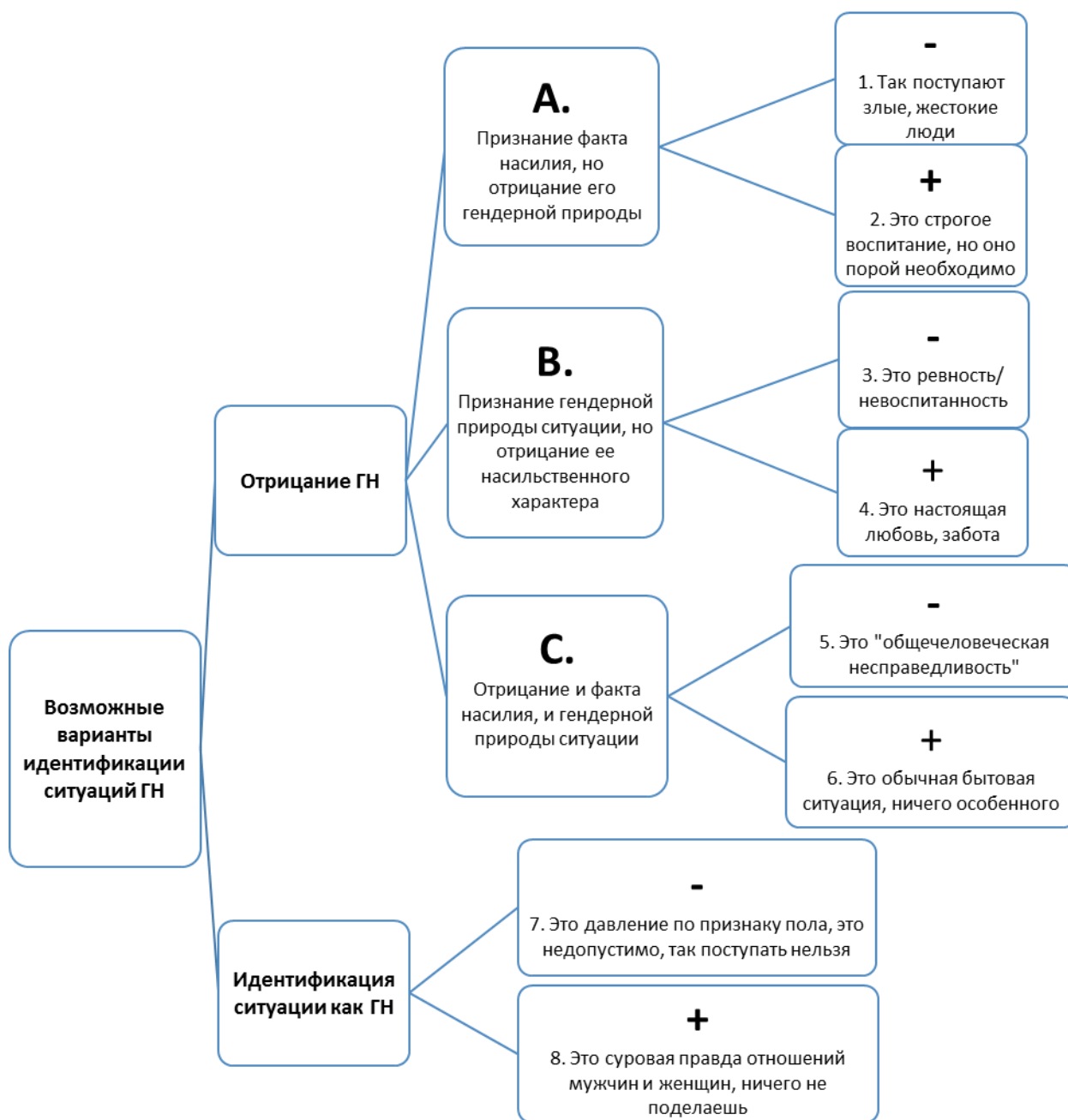

Рис. 1. Возможные варианты идентификации ситуаций гендерного насилия

Вне зависимости от того, способен ли и готов ли человек идентифицировать ГН в принципе, опыт столкновения с этим явлением неизбежно породит и эмоциональную реакцию, и толкование ситуации. Характер толкования может варьировать от вполне положительного, предполагающего принятие и одобрение происходящего, до резко отрицательного, сопряженного с возмущением и негодованием. На рис. 1 соответствующие варианты толкования обозначены знаками «+» и «-». Систематизированные здесь варианты идентификации могут быть осуществлены, конечно, не только сторонним свидетелем ситуации ГН, но и ее непосредственными участниками. Последних мы также будем относить к числу наблюдателей (хотя и «включенных»), имея в виду их субъективное видение происходящего.

Не замечая гендерной и/или насильственной природы ситуации, наблюдатель все равно может определить ее как «неправильную», «дикую», «из ряда вон выходящую», но может счесть ее, напротив, не только нормативной, но и полезной, выполняющей важную функцию (социальную, воспитательную и т. д.). Рассмотрим различные варианты толкования ситуации ГН, обобщенные на рис. 1, подробнее. В варианте «А» наблюдатель замечает насилие, однако не считает его гендерно окрашенным; ситуация ГН истолковывается как проявление агрессивного, безжалостного характера обидчика или как неизбежное зло, оправданная жестокость (например, в воспитании детей). В варианте «В» происходящее предстает как вполне безопасная ситуация, не оказывающая вредоносного воздействия, а поведение субъекта связывается с мотивами ревности или проявлениями любви, заботы в межгендерных отношениях (как правило, романтических или детско-родительских). Наконец, вариант «С» предполагает, что наблюдатель совершенно не идентифицирует ГН, трактуя происходящее в терминах «общечеловеческой несправедливости», «неправильного мироустройства» или подчеркивая обыденный, рядовой характер происходящего. Не является однозначным и отношение к идентифицированному ГН; в случае отрицательного толкования ситуация понимается как неприемлемая, недопустимая, в противоположном же случае — как естественная, закономерная и даже необходимая в конкретных условиях.

Говоря о *толковании*, мы подразумеваем в большей степени осознанный, произвольный, когнитивный по своей сути акт, в отличие от *реакции*, которая может возникать непосредственно, помимо воли и сознания наблюдателя. Перечислим наиболее вероятные ОГН-реакции, а именно высказывания и невербальные проявления наблюдателя, выражающие в первую очередь его эмоциональное отношение к ситуации ГН:

1) *реакция-смех*: смех, улыбки, шутки, нивелирующие серьезность и травматичность ситуации;

2) *реакция-недоверие*: эмоционально окрашенное отрицание самой возможности того, что подобная ситуация может произойти в действительности («Что за бред, такого не может быть!»);

3) *реакция-возмущение*: эмоционально окрашенный перенос ответственности за случившееся на пострадавшую сторону, обвинение объекта насилия («Так ей/ему и надо!»).

ОГН-реакции не стоит считать явлением, полностью исключающим осмысленное толкование ситуации. Зачастую они предваряют толкование (в таких случаях наблюдатель непосредственно реагирует «нервным смехом», после чего дает логическое объяснение своей позиции) или возникают в процессе объяснения (интерпретируя ситуацию, наблюдатель начинает возмущенно повышать голос, недоверчиво восклицать и т. п.).

Рассуждая о возможной *природе ОГН*, можно предложить по крайней мере три версии. Психологические механизмы, рассматриваемые в рамках каждой из них, могут одновременно, в различных пропорциях и последовательности, приходиться в действие у одного и того же человека.

Первая версия основана на том соображении, что ГН зачастую является тяжелой психотравмирующей ситуацией (причем не только для пострадавшей стороны и свидетелей, но, в масштабах всей жизненной перспективы, и для обидчика). В этой логике можно говорить о защитной природе ОГН; на рис. 1 соответствующие высказывания

обозначены цифрами 2 и 6. Психологические защиты — это система регуляторных механизмов психики, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [7]. Принято выделять восемь защитных механизмов: вытеснение, отрицание, регрессию, реактивное образование, проекцию, замещение, рационализацию и сублимацию. Исходя из названия исследуемого нами феномена, предположим, что ОГН основано в основном на отрицании (конечно, это не исключает возможности дополнительного влияния и других защит, о чем будет сказано далее).

К отрицанию прибегают, как правило, в наиболее тяжело травмирующих ситуациях; его суть заключается в отказе признать, что событие-травма произошло на самом деле («Этого не могло случиться») [19]. Данный механизм играет значительную роль в формировании отношения к какому-либо опасному социальному явлению, а значит, и в построении определенных социальных представлений. Влияние отрицания активно обсуждается в контексте проблем отношения к алкоголизму, наркомании, оценке распространенности и степени опасности ВИЧ/СПИДа. Так, убеждения СПИД-диссидентов могут быть основаны на отсутствии достаточно актуальной и достоверной информации, недоверии по отношению к общепризнанным знаниям; существенное значение может иметь и обращение к конспирологическим теориям [5]. Исследователи отмечают, что основным в формировании представлений о ВИЧ-инфекции, ВИЧ-положительных людях и потребителях наркотиков является механизм «не я — другие» [3; 4]. Аналогичным образом могут строиться и представления о ГН. Такая трактовка ОГН наиболее точно согласуется с негативным определением этого явления, приведенным нами выше. Содержательное же определение позволяет предположить, что спектр психологических защит, лежащих в основе ОГН, более широк. Так, чтобы истолковать ситуацию ГН как безопасную и/или гендерно нейтральную, нередко прибегают к рационализации. Примером может служить ситуация, когда мужчина объясняет рукоприкладство по отношению к жене сильной ревностью, стремясь избежать осуждения (как общественного, так и своего собственного, самооценочного).

Согласно *второй версии*, ОГН следует рассматривать как копинг-стратегию, которая актуализируется в ответ на стресс столкновения с ГН. Примеры высказываний, отражающих влияние подобного механизма, обозначены на рис. 1 цифрами 1, 2, 4, 5 и 6. Копинг-стратегии — это гибкие, изменчивые попытки справиться с влиянием особых внешних или внутренних требований. Речь при этом идет о требованиях, которые субъективно оцениваются человеком как чрезмерные или превышающие его наличные ресурсы [21]. Содержание копинг-поведения представлено когнитивными, поведенческими и эмоциональными составляющими. Если обстоятельства оцениваются как негативные, нежелательные, возникает потребность совладать с ними, осуществляемая с помощью высвобождения эмоций, разработки стратегии преодоления и/или опоры на социальную поддержку. Дальнейший выбор модели копинг-поведения обусловлен индивидуально-психологическими особенностями (темперамент, уровень тревожности, особенности мышления и характера) и социально-психологическим опытом человека, а также объективными социальными параметрами ситуации [14]. Р. Лазарус предлагал различать совладание и защиты. Согласно его концепции, копинг-поведение изначально формируется на сознательном уровне, а механизмы психологических защит — на бессознательном. Еще одно важное различие состоит в том, что защитные механизмы направлены лишь на

снижение эмоционального напряжения, дискомфорта, а копинг — на восстановление равновесия, оптимальных отношений между личностью и окружением.

Представляется, что из выделенных С. Фолкманом и Р. Лазарусом восьми копинг-стратегий наиболее тесно связаны с ОГН положительная переоценка, дистанцирование и бегство-избегание. При положительной переоценке фокус смещается с гендерной и/или насильственной составляющей ситуации ГН, в результате чего последняя может предстать в глазах наблюдателя, например, как «полезный урок» (высказывания 2, 4 и 6 на рис. 1). Дистанцирование может помешать оценить степень опасности ГН, реальность давления на пострадавшую сторону со стороны обидчика, недобровольность происходящего. Эта копинг-стратегия, как нам кажется, больше связана с отрицанием насильственного характера ситуации, чем ее гендерной обусловленности, см. примеры 3, 4 и 5 на рис. 1. Наконец, при выборе бегства-избегания наблюдатель вообще не дает себе возможности проанализировать ситуацию с точки зрения ее гендерной и/или насильственной природы — примеры 5 и 6 на рис. 1 [6].

Наконец (*третья версия*), ОГН может выступать внешним проявлением системы убеждений человека, приобретенной им в течение жизни (наиболее вероятны высказывания 1, 2, 3 и 4 на рис. 1). Такого рода механизм описан в *теории социального научения* А. Бандуры, где происхождение насильственного поведения связывается с опытом наблюдения за другими людьми, совершающими насилие. Неслучайно дети, регулярно подвергающиеся насилию в семье, расценивают это явление как обыденное, а основной причиной происходящего считают плохое поведение ребенка, нарушение им принятых норм и правил. В некоторых случаях у детей даже формируется положительный образ человека, совершающего насилие в целях «коррекции» поведения другого, а значит, повышается вероятность следования примеру такого человека [17]. Применительно к нашей теме следует вспомнить и о феномене нормализации, ратификации насилия, изучаемом обычно путем анализа материалов СМИ. Активно транслируемая установка на то, что насилие может быть оправданным, нормальным или даже привлекательным, а пострадавшая сторона своим поведением, внешним видом или личностными особенностями может «заслуживать» насилия, не только усваивается, но и воспроизводится аудиторией в реальной жизни [8].

Приведенные три версии природы ОГН не следует рассматривать как взаимоисключающие, ведь соответствующие им психологические механизмы действуют, несомненно, системно. Мы осознаем также, что приведенный список версий отнюдь не является исчерпывающим. Дальнейшие эмпирические исследования могут пролить свет на проблемы удельного веса и взаимовлияния психологических механизмов ОГН. Важно понять, например, каким образом разные механизмы работают у непосредственных участников и свидетелей ситуации ГН, каковы возможности профилактики и преодоления ОГН. Особый практический интерес в этом отношении будет представлять анализ психологических механизмов верной, корректной идентификации случаев ГН.

Литература

1. Андронникова О.О., Ветерок Е.В. Гендерные характеристики виктимного поведения как результат нарушения социального развития // Психологические науки. 2017. № 3(57). С. 111—113.

2. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
3. Бовина И.Б., Панова Т.Б., Малышева Н.Г. ВИЧ-инфекция и ВИЧ-инфицированные: особенности социальных представлений в двух возрастных группах // Психология и право. 2012. №. 1. С. 110—120.
4. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Коноплева И.Н., Ковалев М.А., Конкин В.Ю. Наркотики и наркоманы: особенности социальных представлений в двух группах молодежи // Психолого-педагогические исследования. 2012. №. 3. С. 130—140.
5. Бурина Е.А., Бурина Д.А. Феномен СПИД-диссидентства // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. №. 3. С. 63—66.
6. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20—25.
7. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М: АСТ-Москва. 2008. 868 с.
8. Клецина И.С., Иоффе И.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 4—17.
9. Клецина И.С. Психологическое насилие в гендерных межличностных отношениях: сущность, причины и последствия // Жизнь без насилия / Под ред. С.Л. Акимовой. СПб.: Островитянин, 2009. С. 7—30.
10. Клецина И.С. Развитие гендерных исследований в психологии // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 181—192.
11. Купрова Н.П. О проблемах противодействия насилию в семье // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 2. С. 53—57.
12. Лактионова М.А. Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С.97—106.
13. Маргарян Н.М. Проблемы противодействия семейному насилию // Вестник магистратуры. 2017. № 12-1(75). С. 115—117.
14. Морозова Т.Ю. Оценка эффективности профилактических программ на основе анализа уровня сформированности копинг-стратегий у подростков // Психолого-педагогические аспекты сохранения и укрепления здоровья школьников. М., 2008. С. 15—46.
15. Очередько В.П., Ломтев С.П., Харламов В.С. География криминального супружеского насилия в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 666—674.

16. Работа с мальчиками и мужчинами, пострадавшими от сексуального и гендерного насилия в условиях принудительного перемещения. Женева: УВКБ ООН, 2012. 13 с.
17. Тащёва А.И., Гриднева С.В. Восприятие детьми семейного насилия // Психология и право. 2013. № 1. С. 1—11.
18. Усиление роли системы здравоохранения в реагировании на гендерное насилие в Восточной Европе и Центральной Азии: сб. материалов. Вена: WAVE, 2014. 388 с.
19. Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / Под ред. М.Г. Ярошевского. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
20. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984. 456 p.

Denial of gender-based violence: introduction to the problem

Retsya S.E., Student, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (retsya-stasya@yandex.ru)

Lukovtseva Z.V., PhD (Psychology), assistant professor, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The subject of this article is denial of gender-based violence. The author discusses the formulation of the definition of this concept and proposes a hypothetical scheme of possible manifestations of the denial of gender-based violence. The basis of this scheme lay the assumption that negation not is always simultaneously affected, and violent, and gender aspects of the situation. Depending on how comprehensive is the denial, differentiated between partial and full versions of the discussed phenomenon. The question is raised about the practical need to take into account not only a meaningful interpretation of gender-based violence, but also direct emotional responses to the collision with this phenomenon. The proposed assumptions regarding the possible psychological mechanisms of denial of gender-based violence, the perspectives of future empirical research in the designated area. It is pointed out, in particular, the need for further study of the denial of gender-based violence in people directly involved in what is happening and observing violence from outside.

Keywords: gender-based violence, phenomenon of denial, defense mechanism, coping-strategy.

References

1. Andronnikova O.O., Veterok E.V. Genderniye haracteristiki viktimnogo povedeniya kak resul'tat narusheniya social'nogo rasvitiya [Gender characteristics of victimization as a result of social development disorders] // *Psichologicheskiye nauki [Psychological sciences]*, 2017, no. 3(57). pp. 111-113.
2. Bendas T.V. Gendernaya psichologiya [Gender psychology]. Saint-Petersburg: Peter, 2006. 431 p.
3. Bovina I.B., Panova T.B., Malysheva N.G. VICH-infektsiya i VICH-infitsirovannyye: osobennosti sotsial'nykh predstavlenij v dvukh vozrastnykh gruppakh [HIV infection and HIV information: features of social representations in two age groups]//*Psikhologiya i parvo [Psychology&law]*, 2012, no. 1, pp. 110-120.
4. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Konoplyova I.N., Kovalev M.A., Konkin V.YU. Narkotiki i narkomany: osobennosti sotsial'nykh predstavlenij v dvukh gruppakh molodezhi [Drugs and drug addicts: features of social representations in two groups of youth] //*Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]*, 2012. no. 3, pp. 130-140.

5. Burina E.A., Burina D.A. Fenomen SPID-dissentstva [Phenomenon of AIDS-dissidence] // *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya [New word in science: prospects of development]*, 2016, — no. 3, pp. 63-66.
6. Dementij L.I. K probleme diagnostiki sotsial'nogo konteksta i strategij koping-povedeniya [To the problem of diagnostics of social context and strategies of coping behavior] // *ZHurnal prikladnoj psikhologii [Journal of applied psychology]*, 2004, no. 3, pp. 20-25.
7. Zinchenko V.P., Meshheryakov B.G. Bol'shoj psikhologicheskij slovar' [Great psychological dictionary]. Moscow: AST-Moskva, 2008. 868 P.
8. Klyotsina I.S., Ioffe I.V. Gendernyj podkhod v analize prichin proyavleniya nasiliya v blizkikh otnosheniyakh mezhdru muzhchinami i zhenshhinami [Gender approach to the analysis of the causes of violence in close relationships between men and women] // *ZHenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*, 2015, no. 1 (74), pp. 4-17.
9. Klyotsina I. S. Psikhologicheskoe nasilie v gendernykh mezhlichnostnykh otnosheniyakh: sushhnost', prichiny i posledstviya [Psychological violence in gender interpersonal relations: the essence, causes and consequences] // *ZHizn' bez nasiliya [Life without violence]* / ed. S.L. Akimova. Saint-Petersburg: Ostrovityanin, 2009. pp. 7-30.
10. Klyotsina I.S. Razvitie gendernykh issledovanij v psikhologii [Development of gender research in psychology] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and modernity]*, 2002, no. 3, pp. 181-192.
11. Kuprova N.P. O problemakh protivodejstviya nasiliyu v sem'e [On the issue of combating violence in the family] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [The Humanities and legal studies]*, 2013, no. 2, pp. 53-57.
12. Laktionova M.A. Gendernoe nasilie kak mezhdistsiplinarnaya problema [Gender violence as an interdisciplinary problem] / [Elektronnyj resurs] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. [Bulletin of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies]. 2011. — no 1. — Pp. 97-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-nasilie-kak-mezhdistsiplinarnaya-problema> (Accessed: 10.07.2018).*
13. Margaryan N.M. Problemy protivodejstviya semejnogo nasiliya [Problems of combating family violence] // *Vestnik magistratury [Bulletin of the magistracy]*, 2017, no. 12-1(75), pp. 115-117.
14. Morozova T. YU. Otsenka ehffektivnosti profilakticheskikh programm na osnove analiza urovnya sformirovannosti koping-strategij u podrostkov [Evaluation of the effectiveness of preventive programs based on the analysis of the level of formation of coping strategies in adolescents] // *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty sokhraneniya i*

ukrepleniya zdorov'ya shkol'nikov [Psychological and pedagogical aspects of preserving and strengthening the health of schoolchildren], 2008, pp. 15—46.

15. Ochered'ko V.P., Lomtev S.P., KHarlamov V.S. Geografiya kriminal'nogo supruzheskogo nasiliya v sovremennoj Rossii [Geography of criminal spousal violence in modern Russia]// *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian journal of criminology]*, 2017, no. 4, pp. 666-674.
16. Rabota s mal'chikami i muzhchinami, postradavshimi ot seksual'nogo i gendernogo nasiliya v usloviyakh prinuditel'nogo peremeshheniya [Working with boys and men affected by sexual and gender-based violence in situations of forced displacement], Geneva: UNHCR, 2012. 13 p.
17. Tashhyova A.I., Gridneva S.V. Vospriyatie det'mi semejnogo nasiliya [Children's perception of family violence] // *Psikhologiya i pravo [Psychology&law]*, 2013, no. 1, pp. 1-11.
18. Usilenie roli sistemy zdavookhraneniya v reagirovanii na gendernoe nasilie v Vostochnoj Evrope i TSentral'noj Azii. Sbornik materialov [Strengthening the role of the health system in responding to gender-based violence in Eastern Europe and Central Asia. Collection of materials], Vienna: WAVE, 2014. 388 p.
19. Frejd Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo: sbornik proizvedenij [Psychology of the unconscious: collection of works] // ed. M. G. Yaroshevsky. Moscow: Prosveshhenie, 1990. 448 p.
20. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984. 456 p.

Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей¹. Часть I.

Бруна Барбьери Ваким, кандидат юридических наук (CEUB), профессор, магистр права и учреждений правосудия Федерального университета штата Мараньян, директор по вопросам культуры Института семейного права Бразилии (отдел штата Мараньян) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

В статье публикуются результаты виртуального опроса детей разведенных родителей, проведенного автором статьи в Бразилии с целью изучения отчуждения детей от родителей. Отправной точкой исследования стали работы Ричарда Гарднера по синдрому родительского отчуждения, а также Эми Бейкера и Дугласа Дарналла. Автором был составлен опросник, предназначенный для детей разведенных родителей, опубликованный на юридических сайтах, в социальных сетях и в бразильских блогах. Опросник включает количественные и качественные данные, полученные от активных и пассивных субъектов данной практики (дедушки и бабушки, братья и сестры, отчимы и мачехи, ставшие инициаторами и жертвами отчуждения), он определяет объем стратегических и практических мер (малозначительные, средние и серьезные действия, причиняющие или не причиняющие психологический ущерб детям и подросткам) и сценарии, при которых отчуждение от родителей может предполагаться. В статье проанализированы наиболее важные психологические концепции; обобщены данные, полученные исследователем в результате применения опросника; предложен новый подход к феномену отчуждения посредством его характеристики как «принудительного семейного отчуждения».

Ключевые слова: отчуждение от родителей, синдром отчуждения от родителей, взаимоотношения в семье, психологическая неприкосновенность, ребенок и подросток.

Для цитаты:

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. Часть I. [Электронный

¹ Исследование по данной теме в полном объеме (дипломная работа магистра права и учреждений юридической системы Федерального университета в Мараньяу) опубликовано в виде монографии «Принудительное семейное отчуждение: углубленное исследование отчуждения родителей». Рио-де-Жанейро: Lumen Juris, 2015.

ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 96-110.
doi: 10.17759/psylaw.2019090107

For citation:

Barbieri Waquim Bruna. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part I. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.96-110.
doi: 10.17759/psylaw.2019090107

Введение

Принятие в Бразилии Закона № 12.318/2010, касающегося отчуждения от родителей и предусматривающего механизмы борьбы с этой практикой, вызвало в бразильской юридической среде дискуссию относительно роли матерей и отцов в защите психологической неприкосновенности их детей, а также установило область взаимодействия между правом и психологией, позволяющую лучше понимать роль понятий и институтов, которые связаны с юридической деятельностью в этом чрезвычайно специфическом вопросе.

Следует отметить, что в бразильской юридической литературе термины «Отчуждение от родителей» и «Синдром отчуждения от родителей» используются в одинаковой мере, часто как синонимы, и лишь в редких случаях учитывается теоретическое различие между словами, в связи с чем необходимо дифференцировать понятия и обеспечивать правильный подход к каждому из этих явлений в учреждениях юридической системы.

Это связано с тем, что термин «Отчуждение» сам по себе имеет много значений [1]. Слово «Отчуждение» имеет различные определения, начиная с Маркса (Marx) (отчуждение как социальное разделение труда, которое возникает с разделением между руководителями и исполнителями трудового процесса), Фромма (Fromm) (для которого отчуждение означает отделение человека от того, что он сам создал, или отрицание творческой способности человека, когда он поклоняется идолам, созданным самим собою) и заканчивая Маркусом (Marcuse) (отчуждение как искажение труда, который перестает быть пространством для настоящей реализации человека).

Выражение «Отчуждение от родителей» представляет собой явление, которое было идентифицировано и классифицировано в *корпус* психологии. Вкратце это означает, что удаленность, наблюдаемая между детьми и родителями, может быть оправданной или нет. Иными словами, не всякое «Отчуждение от родителей» связано с синдромом, описанным Ричардом Гарднером.

Существует много причин, обуславливающих отчуждение ребенка от одного или обоих родителей. К ним относятся физическое, эмоциональное или сексуальное насилие с их стороны, нахождение на этапе взросления, сложные психопатические характеристики и другое [2].

Следует отметить, что отчуждение от родителей, связанное с психопатическими характеристиками ребенка, неспособность родителя справляться с родительскими

обязанностями или обычный протест в том, что касается авторитета родителей, не имеют юридического измерения, которое можно применить, но могут быть устранены с помощью терапии, предписанной специалистами в области психологии.

При любом сценарии какого-либо отдаления между ребенком и родителем, называемого Отчуждением от родителей, важно различать суть эпистемологического разрыва, положившего начало так называемому синдрому отчуждения от родителей.

Синдром отчуждения от родителей представляет собой совокупность симптомов и наблюдается у детей и подростков, вовлеченных в чувствительные конфликты между родителями по вопросу споров относительно опеки. Эти симптомы свидетельствуют о том, что ребенок пострадал от программирования (или «промыывания мозгов»), направленного на страх, ненависть и неуважительные отношения к одному из родителей без фактических на то оснований.

При этом в качестве основной черты синдрома отчуждения от родителей можно назвать отношение взрослого в виде принуждения к десантированию между ребенком или подростком и другим родителем/членом семьи, что препятствует формированию или сохранению здоровых психологических отношений между ними.

Синдром отчуждения от родителей описывается как разновидность отчуждения от родителей, характеризующаяся объединением двух элементов: принуждением к этому отдалению кем-либо из взрослых и способствованием самим ребенком или подростком этому неоправданному отдалению, как указывает Гарднер.

Гарднер заметил, что многие дети и подростки, родители которых сражались за получение права попечительства, подвергались «промыыванию мозгов» (“brainwashing”) по инициативе одного из родителей, главным образом матери, которая систематически и сознательно программировала детей на дискредитацию собственного отца до тех пор, пока эти дети не переходили к самостоятельной кампании по клевете [3].

Несмотря на вклад Гарднера в мобилизацию врачей и юристов на борьбу против нарушения гармонии между родителями и детьми в практической сфере, синдром отчуждения от родителей до сих пор не был признан Американской Ассоциацией Психиатров — АРА.

Синдром отчуждения от родителей рассматривался в Соединенных Штатах такими авторами, как Картрайт (Cartwright), Лунд (Lund), Мэйор (Major), Рэнд (Rand), Варшак (Warshak); в Канаде — Ван Джисегмен (Van Gijseghem); в Португалии — Адамапоулос (Adamopoulos); во Франции — Делфье (Delfieu); в Испании — Агилар (Aguilar); в Великобритании — Ловенштейн (Lowenstein) [4].

Рассматривая положения, выдвинутые Гарднером, Дуглас Дарналл (Douglas Darnall) также внес значительный вклад в расширение дискуссии относительно синдрома отчуждения от родителей в своей работе «Следствия развода: понимание отчуждения от родителей» (“Divorce Casualties: understanding parental alienation”), которая была впервые опубликована в 1993 г. и дополнена в 2008 г.

По мнению Дарналла [5], отчуждение от родителей не следует понимать как дуализм между плохим и хорошим родителем, поскольку в большинстве случаев именно один

родитель является инициатором агрессий, несмотря на то, что роли зачастую меняются и родитель, который сначала был жертвой, также может перейти к порождению отчуждения. Таким образом, возникает круг одновременного отчуждения, который может продолжать существование даже после того, как у ребенка появится синдром отчуждения от родителей.

В связи с этим Дарналл [5] выступает за то, чтобы различать термины «Отчуждение от родителей» и «Синдром отчуждения от родителей» специалистами, работающими с семьями, подтверждая подход Гарднера относительно синдрома отчуждения от родителей и устанавливая новый подход к отчуждению от родителей, предшествующий указанному.

Цель такого различия, как указывает Дарналл [5], заключается в содействии родителям в признании действий по отчуждению с тем, чтобы они не привели к синдрому отчуждения от родителей. Таким образом, он определяет отчуждение от родителей как результат поведения, сознательного или неосознанного, способного вызвать нарушение отношений между ребенком и родителем.

Кроме этого существенного различия, для Дарналла [5] важно также раскрыть действие явления в бразильской социальной динамике во избежание того, чтобы тема отчуждения от родителей в бразильских условиях не стала простым принятием доктрины, разработанной вышеуказанными авторами.

Поэтому основная цель данной статьи заключается в распространении результатов исследования предмета, полученных на основании виртуального опросного листа, с тем, чтобы сравнить в целом участников, сценарии, действия и последствия, описание которых приводится в специальной литературе и которые существуют в жизни взрослых бразильцев, являющихся детьми разведенных родителей, чтобы разъяснить особенности и/или схожесть с отчуждением родителей, изначально описанных Гарднером, дополненных Дугласом Дарналлом, и отчуждением родителей, описание которого приводится в Бразильском законе № 12.318/2010, предоставляющем юридические механизмы предотвращения этого зла и борьбы с ним.

Учитывая полученные результаты, предлагается принять новый термин: заменить выражение «Отчуждение от родителей» новым термином «Принудительное семейное отчуждение», которое более глубоко и правильно отражает всю сложность явления.

Практика отчуждения от родителей в Бразилии: виртуальный опросный лист для взрослых, являющихся детьми разведенных родителей

С целью устранения пробела, существующего в имеющейся отечественной юридической литературе относительно отчуждения от родителей, в которой преобладают перепечатки результатов исследований, проведенных в других странах, а также с учетом влияния других культурных и правовых явлений, был использован данный опросный лист. Это связано также с сомнениями, касающимися реальностей бразильских семей, поскольку все исследования, проанализированные выше, касаются американского общества.

Поэтому для получения фактических данных о динамике бразильских семей после расставания родителей был разработан опросный лист, направленный на взрослых, являющихся детьми разведенных родителей. Вопросник распространялся по Интернету с учетом возможности распространения опросного листа в социальных сетях. Благодаря этой

возможности распространения удалось получить доступ к заинтересованным лицам по всей стране и собрать данные исследования.

Был выполнен отбор лиц, являющихся детьми разведенных родителей. Данное ограничение предоставило возможность добраться до участников, которые реально были вовлечены в семейные конфликты, являющиеся основой определения отчуждения от родителей.

Опросный лист с названием «Опросный лист для взрослых, являющихся детьми разведенных родителей» был подготовлен с использованием программного обеспечения онлайн на сайте «Survio» (www.survio.com.br) и включает 21 страницу.

Ссылка на опросный лист была распространена в Интернете через социальные сети (Facebook и Twitter), список адресов электронной почты, блоги журналистов и сайты Бразильского института права и семьи и Бразильской ассоциации счастливого ребенка. Количество визитов на опросный лист впечатляет — 1557 в течение периода исследования — с 30 января 2014 г. по 04 марта 2014 г. (34 дня).

Однако полностью ответили на вопросы листа лишь 134 участника, в то время как 164 участника оставили неотвеченные вопросы, не завершив таким образом отправку.

Из общего количества участников 83 сообщили, что их родители прекратили отношения, когда им было от 0 до 11 лет, в то время как 34 участника указали, что это случилось, когда им было от 12 до 18 лет. 17 участников сообщили, что они были уже старше 18 лет, когда их родители расстались. Важно отметить, что из этих 17 участников, которые были старше 18 лет, 14 человек, отвечая на следующий вопрос, признали себя жертвами отчуждения от родителей.

Из этого вытекают две гипотезы, на которые указывалось после исследований, проведенных Бакером (Baker) и Дарналлом [6], и которые подтверждаются данным исследованием. Первая: практика отчуждения от родителей должна приниматься во внимание по отношению к детям старшего возраста, которые имеют право на взаимоотношения в семье наравне с детьми младшего возраста и подростками. Вторая: практика отчуждения от родителей может иметь место, когда семья еще не распалась, т. е. даже до расставания супругов.

Акты отчуждения от родителей, практикуемые в отношении лиц старшего возраста, несмотря на то, что в специальной литературе не указывается, что они вытекают из психологического вмешательства по отношению к взрослым детям, не утратили своего разрушительного потенциала, поскольку продолжают быть нарушением фундаментального права на взаимоотношения в семье по мере того, как дети отчуждаются от своих родителей или членов семьи.

Точно так же тот факт, что семья еще не распалась, когда отмечается типичное отчуждение от родителей, не может помешать признать вред практикуемых в этих обстоятельствах действий, представляющих собой нарушение психологической неприкосновенности детей или наносящих вред поддержанию или установлению прочных связей и взаимоотношений в семье.

На вопрос, с кем из членов семьи проживал участник после расставания родителей, 99 из них указали, что жили только с матерью, в то время как 18 — с отцом и только 6 — с дедушками и бабушками по отцовской линии (2) или материнской линии (4).

В процентном отношении дети, которые проживали с матерями, относятся к детям и подросткам, попечительство над которыми было передано (в судебном порядке или на дружественной основе) матерям, что свидетельствует о предпочтительном установлении одностороннего попечительства вместо совместного, а также передаче попечительства матери.

Этот факт подтверждается статистическими данными реестра актов гражданского состояния, опубликованными в 2010 г. Бразильским институтом географии и статистики (IBGE). Согласно данным бразильской переписи населения 2010 года, в 87,3% случаев расторжения брака попечительство над детьми передавалось женщинам, при этом приблизительно 1/3 детей теряют контакт с отцами [7].

Те же данные IBGE от 2010 г. свидетельствуют, что в период с 2000 по 2010 г. процент родителей, которые имеют совместное попечительство над детьми после расторжения брака, повысился всего лишь с 2,7% от общего количества разводов до 5,4%. Несмотря на рост приблизительно на 100%, этот показатель является очень незначительным на общем фоне.

Далее, отвечая на вопрос, имели ли они опыт, когда в семье кто-либо пытался настроить их против другого члена семьи, 36 из 134 участников ответили, что этого не было, а остальные дали утвердительный ответ.

Из 26 участников, выбравших опцию «Другое», 6 отметили, что как отец, так и мать пытались настроить их один против другого, а 12 указали также на дедушек, бабушек, дядей и тетю с участием или без участия родителей, что свидетельствует о различной практике отчуждения от родителей в семье.

Эти данные говорят о том, что практика отчуждения от родителей должна быть тщательно исследована с учетом возможности того, что член семьи, который сначала выступал инициатором отчуждения, может сам превратиться в жертву принудительного отчуждения со стороны того, кто ранее был его целью.

Также в категории «Другое» один участник указал на супругу, один — на мачеху, один — на бывшего отчима, один — на соседа и один — на двоюродную сестру, со стороны которых наблюдалось вмешательство.

Представляют интерес данные предыдущего вопроса о членах семьи, с которыми участник проживал после расторжения брака. В то время как 99 участников утверждают, что проживали только с матерью и 18 — только с отцом, 42 сообщили, что инициатором отчуждения была мать, а 20 указали на отца.

Таким образом, количество детей, указавших на отца в качестве инициатора отчуждения, выше количества детей, физическое попечительство над которыми оставалось за отцом, что означает, что практика отчуждения от родителей связана не только с теми, кто осуществляет юридическое попечительство над детьми (опекун) и проводит с ними больше времени.

Silva [8], ссылаясь на исследование Коджое, поясняет, что отчуждение от родителей, как правило, исходит от матери, поскольку она проводит больше времени с детьми. Физическая отдаленность мужчин, которым нужно содержать семью, а затем выплачивать алименты, также способствует эмоциональной отдаленности детей от отца. Однако отчуждение от родителей может также инициироваться родителем, не являющимся опекуном, искусно манипулирующим детьми во время визитов.

Тот факт, что упоминаются дяди и тети, дедушки и бабушки и другие члены семьи свидетельствует о том, что практика отчуждения от родителей не зависит от того, кто является законным опекуном детей и подростков. Она, скорее всего, связана в большей степени с аффективной близостью в качестве канала воздействия, чем с взаимоотношениями как таковыми.

Родригес (Rodrigues) и Рамирес (Ramires) [9], подтверждая эту гипотезу, утверждают, что динамика отчуждения от родителей предполагает наличие особой эмоциональной связи между ребенком и его попечителями, и для этой связи характерны симбиоз, отсутствие уверенности, различие вкусов, чувств, потребностей. Это означает, что практика отчуждения от родителей выходит за пределы традиционного биннома «родительские обязанности и супружество».

Следующий вопрос («Кто пострадал?») касается идентификации членов семьи, пострадавших от этой попытки настроить участника против кого-либо в семье.

41 участник выбрал опцию «Не касается», и еще 2 участника остановились на опции «Другое», чтобы указать, что никто не пострадал или что произошел сбой. Всего 43 участника указали, что не сталкивались с подобными ситуациями.

Эти данные, противоречат показателям, полученным при ответе на предыдущий вопрос, где только 38 участников сообщили, что они не сталкивались с семейными конфликтами подобного рода.

Таким образом, отрицательные ответы на основной вопрос позволили установить не только количество участников, не сталкивавшихся с ситуациями отчуждения от родителей, но и количество участников, признавших себя жертвами.

Несмотря на то, что только один участник указал в ответе на вопрос о том, что его брат или сестра пострадали от попытки отдаления, при ответе на следующий вопрос относительно братьев и сестер указано большое количество случаев, указывающих на практику действий по отчуждению от родителей по отношению к братьям и сестрам. Это также касается дедушек и бабушек как участников и/или жертв отчуждения от родителей — гипотеза, на которую при ответе на данный вопрос указали только два участника.

Эта констатация может означать, что только после определенного осмысления лица признают практику отчуждения от родителей в повседневной жизни в виде поступков, которые казались им нормальными или обычными. Только после детального анализа этих вопросов они признали эти поступки такими, которые нанесли ущерб семейной гармонии и психологическому состоянию членов семьи.

Такое осмысление может указывать на то, как практика действий по отчуждению от родителей постепенно входит в повседневную жизнь семей, и при этом члены семьи понимают глубину проблемы или осознают зловредность этой практики.

Отвечая на отдельный вопрос о наличии братьев и сестер и поступках членов семьи, которые пытались осложнить отношения участников с их братьями и сестрами, 39 участников ограничились ответом «Нет», но при ответе на следующие вопросы они указали на наличие братьев и сестер, что дает основания полагать, что ответ «Нет» может означать как «не имею братьев и сестер», так и «вмешательство в отношения с братьями и сестрами отсутствовало». В то же время 14 участников сообщили, что у них попросту не было братьев и сестер.

Так, только 72 участника дали ответы, полностью удовлетворяющие требованиям этого раздела. Из них 43 участника (около 59%) ответили, что у них есть брат(ья) и сестра(ы), но они не испытывали какого-либо вмешательства в отношения с ними, в то время как 29 участников (около 41%) указывают, что какой-либо член семьи непосредственно вмешивался в их отношения с братьями и сестрами.

13 участников отметили случаи, когда мать пыталась отдалить их от братьев и сестер (детей родителей), и один участник отметил, что собственная мать пыталась настроить его против своей старшей сестры, дочери той же матери, но от другого отца. Один участник указал на тетю по материнской линии, которая предпринимала попытки настроить его против братьев и сестер; также только один участник указал на дедушек и бабушек по материнской линии, практиковавших эти действия.

Пять участников сообщили, что такие действия исходили от отца, в то время как 10 участников отметили, что мачеха попыталась вмешаться в их отношения с братьями и сестрами со стороны матери, один участник указал на отчима, и один участник указал, что семья отчима пыталась вмешаться в его отношения со сводным братом.

Эти данные четко свидетельствуют о том, что, будучи родителями, многие находятся под впечатлением от развода, а остальные члены семьи не могут смириться и жить по сценарию семей с детьми от предыдущих браков.

Семьи с детьми от предыдущих браков или смешанные семьи — это семьи, члены которых перестраивают свои отношения и где по меньшей мере одно из заинтересованных лиц приводит с собой детей, а также юридические последствия, вытекающие из связей с предыдущей семьей [10].

Это классический пример семей, в которых один из супругов является отчимом ребенка, родившегося ранее у его теперешней супруги. В этих вновь созданных ячейках формируются разнообразные новые связи. У детей появляются новые братья и сестры. Супруги вследствие слияния, кроме прочего, получают новых родственников [10].

Эти семьи возникают вследствие новых близких отношений супружеской пары, где каждый родитель приводит в семью детей от предыдущих браков и строит ее вместе с новым(ой) супругом(ой) и детьми от новых отношений.

Указания в ответах на данный вопрос опросного листа, относятся ли по-разному к детям от одних и тех же матерей и отцов и детям от разных матерей и отцов родители и

другие члены семьи, является важной социологической информацией, свидетельствующей о том, что реальность семей с детьми от предыдущих браков не может восприниматься однозначно.

С одной стороны, члены семьи не желают принимать прекращение первого союза, не придавая особого значения составу следующей семьи, и, с другой стороны, новый семейный союз ищет надежное место, не придавая особого значения первой семье, принимая в качестве своей первоочередной задачи поддержание гармоничного сосуществования всех ее членов.

Это усиливает необходимость того, чтобы член семьи в целом (отец или мать всех братьев и сестер, являющийся связующим звеном между членами семьи) осознавал свою роль стабилизирующего элемента сводных семей.

Как точно отметил Палермо (Palermo) [7, с. 13] в книге, посвященной главным образом разведенным родителям, «... он [отец] является основным ответственным лицом за гармоничные отношения между мачехой, ребенком и бывшей женой», что в равной мере относится к матери относительно отношений между отчимом, ребенком и бывшим мужем.

Отвечая на вопрос, имеются ли у них отчимы/мачехи и вмешивались ли они в их отношения с их отцом/матерью, 30 участников ответили просто «Нет», но в ответах на последующие вопросы участники указали на наличие мачех, что свидетельствует о том, что ответ «Нет» может означать как «нет отчима/мачехи», так и «не было вмешательства со стороны отчима/мачехи».

Один участник ответил «не касается», один написал «Никто из двух», один ответил только «Да, но избегаю контактов», один написал, что не может ответить, было ли вмешательство, один сообщил, что отчим вмешивался только в вопрос строительства, которое вел его отец, и один сообщил, что его отчим никогда не вмешивался, но в его доме никогда не говорили о существовании биологического отца. Только 13 участников четко ответили, что у них нет и никогда не было отчима/мачехи.

Из 85 участников, которые сообщили, что у них был или есть отчим/мачеха, и ответили на другие разделы этого вопроса утвердительно, 35 участников (около 42%) указали, что они не вмешивались в их отношения с отцами/матерями, один сообщил, что на самом деле его мать пыталась заменить отношения участника с его отцом отношениями с отчимом, один участник указал, что он был жертвой сексуальных притязаний и физического насилия со стороны отчима, и четверо сообщили о вмешательстве отчима/мачехи, но отметили, что это вмешательство было положительным.

В целом, 44 участника отметили, что их отчимы/мачехи участвовали в действиях по вмешательству в отношения между участником и его отцом/матерью (около 53%).

31 участник в своих ответах указал на мачеху, в то время как 9 указали на отчима.

К причинам, обозначенным участниками в том, что касается перечисленных выше случаев негативного поведения, в целом относятся страх утраты внимания, ревность со стороны бывшего партнера(ши) (матери/отца участников), ревность к отношениям между партнером и своими детьми, страх лишиться финансовой поддержки, чувство бездействия, эгоизм.

Эти данные обращают внимание на недочеты правовой культуры наделения ответственностью членов семей, имеющих детей от предыдущих браков, по отношению к детям от предыдущих браков.

Отсутствуют какие-либо правовые положения или их ожидание в обществе, направленные на то, чтобы отчимы и мачехи брали на себя функции по заботе, защите и, тем более, содержанию детей партнера, что приводит к отсутствию этики и ответственности за сохранение психологической неприкосновенности во взаимоотношениях между детьми и родителями в семье.

Отвечая на вопрос о том, пытались ли когда-либо отец или мать препятствовать отношениям участника с его отчимом/мачехой и каким образом, 60 участников ограничились ответом «Нет», что не позволяет установить, означает это «не пыталась» или «не касается, поскольку нет отчима/мачехи».

Восемь участников ответили, что «не касается», один ответил, что родитель пытался препятствовать, но не смог, и 20 участников утверждали, что ни один из родителей никогда не пытался вмешаться в отношения с отчимом/мачехой. 39 участников отметили, что отец или мать уже пытались вмешаться в отношения пасынок/отчим или пасынок/мачеха.

Один участник сообщил, что такое вмешательство было необходимо для защиты детей от отчима/мачехи, поскольку они вели себя ненадлежащим образом, и три участника утверждали, что такое поведение было, по их мнению, нормальным, так как отношения мачехи с отцом начались в то время, когда он еще состоял в браке с матерью участника.

Один участник указал, что его мать только отпускала колкости относительно внешнего вида мачехи, поскольку ее унижение доставляло ей удовольствие, не приводя при этом каких-либо других более серьезных примеров.

Один участник сообщил, что его мать всегда ревностно относилась к отношениям отца с его возлюбленными, но никогда не вмешивалась. Участник отметил, что он на самом деле обижен на мать за бездействие вместо защиты в, как он указывает, «ужасных» конфликтах между бабушкой по материнской линии и отцом.

Так, 39 участников четко отметили, что их отец или мать предпринимали попытки навредить их отношениям с новым(ой) партнером(шей) другого отца/матери либо отчимом/мачехой, не имея для этого надлежащих оснований. Из них 15 конкретно ссылались на подобные действия со стороны матери и 11 — со стороны отца.

Валенте (Valente) [11] указывает на то, что если раньше смешанные семьи возникали после смерти одного из супругов, то сейчас это происходит намного чаще, после разводов и расставания. Так, отчим или мачеха не занимают свободного места отца или матери, а входят в семью, где уже есть отец или мать, становясь дополнительным игроком в семейной игре. Смешанные семьи, таким образом, представляют собой сегодня не только дом, в котором живет ребенок, но, что очень важно, пространство, в котором он вращается, создавая настоящий семейный круг.

Некоторые авторы, такие как Гросман (Grosman) и Алкорта (Alcorta), считают даже, что следует заменить термины мачеха, отчим и пасынок/падчерица, уходящими в историю,

на термины мать по родству через брак, отец по родству через брак и ребенок по родству через брак [10], которыми обозначается новый состав членов семьи.

На вопрос «Чувствуете ли Вы, что Ваши дедушка или бабушка предпринимали попытки повлиять на Ваши отношения с отцом/матерью (...)», из 134 участников 73 ответили только «Нет», трое ответили, что «не касается», трое отметили, что не знали своих дедушек и бабушек, один указал, что никогда не контактировал с дедушками и бабушками, а трое сообщили, что их дедушки и бабушки уже умерли.

20 участников утверждали, что их дедушки и бабушки никогда не вмешивались в их отношения с отцом/матерью. Один участник сообщил, что дедушка и бабушка по материнской линии отстранялись от него только в то время, когда он жил с отцом, но это не отразилось на жизни участника. Другой участник указал, что вмешательство дедушки и бабушки заключалось в предоставлении советов и попытках помочь взаимоотношениям внуков с матерью.

Один участник указал, что его бабушка никогда не вмешивалась в отношения с его отцом, однако он был недоволен семьей матери, обвиняя ее в том, что она имела детей от разных мужей, и это побуждало мать к отчуждению в отношении отца.

28 участников отметили, что дедушки и бабушки пытались навредить отношениям отца или матери с детьми. Из них два участника оправдывали вмешательство дедушек и бабушек, потому что отец был жестоким человеком или плохо относился к матери.

Дедушки и бабушки, как правильно указывает Соуза (Souza) [12], играют в настоящее время важную роль в том, что касается отношений между членами семьи, а также с точки зрения семейного права, поскольку они все чаще принимают участие в разбирательствах в отечественных судах по вопросам алиментов, опекуна и отношений с прародителями.

Тем не менее, часто сами дедушки и бабушки попадают в спор родителей при разводе, практикуя отчуждения от родителей или страдая от его последствий. При разводах, когда один из супругов является несовершеннолетним, его родители оказывают решающее влияние на взаимоотношение с детьми/внуками. И наоборот, многие дедушки и бабушки страдают от развода детей, поскольку лишаются контакта со своими внуками и могут даже быть отвергнуты ими по различным причинам, связанным со злостью родителей [12].

Принимая во внимание реальное влияние дедушек и бабушек на воспитание детей и подростков, бразильские законодатели уже предпринимали шаги к тому, чтобы дедушки и бабушки также несли ответственность за принуждение своих внуков к отчуждению от родителей, подтверждением чего является глава статьи 2 Закона № 12.318/210.

Принимая во внимание, что действующее законодательство признало, что дедушки и бабушки могут быть активными субъектами актов отчуждения от родителей, следует признать, что они также могут быть объектами такой практики.

Отдельные заключительные положения

В вопроснике были поставлены вопросы, направленные на оценку уровня знаний у участников опроса о феномене родительского отчуждения, а также на изучение конкретных

ситуаций проживания в воссозданных семьях, таких как отношения родителей и детей с отчимами, мачехами, братьями и сестрами в новых отношениях.

Анализ вышеотмеченных вопросов и соответствующие ответы на них составят вторую часть данной статьи, которая будет опубликована в следующем выпуске журнала.

На данном этапе можно отметить, что термин «родительское отчуждение» не охватывает всю сложность явлений в современных семьях, что послужило поводом к обоснованию термина «принудительное семейное отчуждение» как выражения, которое более точно характеризует данную проблему.

Предлагаемый термин направлен на установление необходимого различия между «отчуждением от родителей» как родовым понятием и его видами, такими как «синдром родительского отчуждения», «принудительное родительское отчуждение» и «принудительное семейное отчуждение».

Первый термин включает в себя набор симптомов, присущих детям и подросткам, которые программируются на то, чтобы отвергнуть или бояться одного из родственников.

Второй термин предполагает поведение родителя, который специально пытается нанести вред другому родителю, живущему вместе с детьми.

Наконец, третий термин — «принудительное семейное отчуждение» подразумевает поведение одного или нескольких родственников, которое направлено на нарушение фундаментального права на семейное совместное проживание детей и подростков и других членов семьи [13].

В следующей статье мы проанализируем остальные вопросы, поставленные в рамках рассматриваемого опросника, ответы на которые позволят обосновать целесообразность введения нового термина «принудительное семейное отчуждение».

Литература

1. *Peixoto Maria Angélica*. To understand alienation: Marx, Fromm e Marcuse [Электронный ресурс] // Revista Espaço Acadêmico, ano X, nº 1110, Julho de 2010. URL: <http://edueojs.uem.br/ojs/index.php/EspacoAcademico/article/.../5775> (дата обращения: 16.04.2018).
2. *Barbosa Luciana de Paula Gonçalves, Castro Beatriz Chaves Ros de*. Parental alienation: a portrait of litigation and families in litigation. Brasília: Liber Livro, 2013. 188 p.
3. *Gardner Richard A*. Legal and psychotherapeutic approaches to the three types of parental alienation syndrome families: When Psychiatry and the Law Join Forces [Электронный ресурс] // Court Review. 1991. № 1. Vol. 28, Spring. P. 14—21. American Judges Association. URL: <http://www.fact.on.ca/Info/pas/gardnr01.htm> (дата обращения: 21.03.2018).
4. *Souza Analicia Martins de*. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010. 58 p.

5. *Darnall Douglas*. Divorce casualties: understanding parental alienation. 2nd Ed. Maryland: Taylor Trade Publishing, 2008. 304 p.
6. *Baker Amy J.L., Darnall Douglas*. Behaviors and Strategies Employed in Parental Alienation: A Survey of Parental Experiences [Электронный ресурс] // Journal of Divorce & Remarriage. 2006. Vol. 45 (1/2). URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J087v45n01_06#preview (дата обращения: 14.03.2018).
7. *Palermo Roberta*. Ex-husband, father present: tips not to fall into the trap of parental alienation. São Paulo: Mescla, 2012. 267 p.
8. *Silva Denise Maria Perissini da*. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012. 315 p.
9. *Rodrigues Maria Alice, Ramires Vera Regina Röhnelt*. Parental alienation and the law: the judicialization of family relations? In Family Law // Interdisciplinary Perspective / Fabrício Dani de Boeckel, Karin Regina Rick Rosa, organizadores. Rio de Janeiro: Elsevier, 2012. 213 p.
10. *Farias Arias, Cristiano Chaves de, Rozenvald Nelson*. Family Law. 2^aed. Rio de Janeiro: Editora Lumen Juris, 2010. 85 p.
11. *Valente Maria Luiza Campos da Silva*. Parental Alienation Syndrome: the perspective of social service // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008. 673 p.
12. *Sousa Lourival de Jesus Serejo*. Right of the grandparents // Brazilian Journal of Family Law and Inheritance. 2012. Vol. 25. dez./jan. Porto Alegre: Magister, 2012. 542 p.
13. *Waquim Bruna Barbieri*. Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015. 342 p.

Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part I.

Bruna Barbieri Waquim, PhD (in Law), Professor, Master of law and institutions of justice of the Federal University of Maranhão (UFMA), president of the Institute of Family Law in Brazil (Maranhão State Department) (IBDFAM / MA) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

The article publishes the results of the application in Brazil of a virtual questionnaire for Brazilian children of divorced parents, whose object was the study of Parental Alienation. The research had as a starting point the studies of Richard Gardner on the Syndrome of the Parental Alienation and works of Amy Baker and Douglas Darnall. The author compiled a questionnaire designed for children of divorced parents, published on legal sites, social networks and in Brazilian blogs. The questionnaire collected quantitative and qualitative data indicating the expansion of the active and passive subjects of this practice (grandparents, brothers, stepfathers as agents and victims of alienation), reaffirms the degrees of strategies and practices (light, moderate and serious acts, causing psychological or non-psychological damage to children and adolescents) and scenarios where Parental Alienation can be glimpsed. The article analyzes the most important psychological concepts; summarizes the data obtained by the researcher as a result of the application of the questionnaire; proposes the new approach to the phenomenon of alienation as "forced family alienation".

Keywords: parental alienation, parental alienation syndrome, family living, psychological integrity, child and teenager.

References

1. Peixoto Maria Angélica. To understand alienation: Marx, Fromm e Marcuse [Электронный ресурс] // Revista Espaço Acadêmico, ano X, nº 1110, Julho de 2010. URL: <http://edueojs.uem.br/ojs/index.php/EspacoAcademico/article/.../5775> (дата обращения: 16.04.2018).
2. Barbosa Luciana de Paula Gonçalves, Castro Beatriz Chaves Ros de. Parental alienation: a portrait of litigation and families in litigation. Brasília: Liber Livro, 2013. 188 p.
3. Gardner Richard A. Legal and psychotherapeutic approaches to the three types of parental alienation syndrome families: When Psychiatry and the Law Join Forces [Электронный ресурс] // Court Review. 1991. № 1. Vol. 28, Spring. P. 14—21. American Judges Association. URL: <http://www.fact.on.ca/Info/pas/gardnr01.htm> (дата обращения: 21.03.2018).
4. Souza Analicia Martins de. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010. 58 p.

5. Darnall Douglas. Divorce casualties: understanding parental alienation. 2nd Ed. Maryland: Taylor Trade Publishing, 2008. 304 p.
6. Baker Amy J.L., Darnall Douglas. Behaviors and Strategies Employed in Parental Alienation: A Survey of Parental Experiences [Электронный ресурс] // Journal of Divorce & Remarriage. 2006. Vol. 45 (1/2). URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J087v45n01_06#preview (дата обращения: 14.03.2018).
7. Palermo Roberta. Ex-husband, father present: tips not to fall into the trap of parental alienation. São Paulo: Mescla, 2012. 267 p.
8. Silva Denise Maria Perissini da. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012. 315 p.
9. Rodricues Maria Alice. Ramires Vera Regina Röhnelt. Parental alienation and the law: the judicialization of family relations? In Family Law // Interdisciplinary Perspective / Fabrício Dani de Boeckel, Karin Regina Rick Rosa, organizadores. Rio de Janeiro: Elsevier, 2012. 213 p.
10. FariasARIAS, Cristiano Chaves de, Rozenvald Nelson. Family Law. 2^aed. Rio de Janeiro: Editora Lumen Juris, 2010. 85 p.
11. Valente Maria Luiza Campos da Silva. Parental Alienation Syndrome: the perspective of social service // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008. 673 p.
12. Sousa Lourival de Jesus Serejo. Right of the grandparents // Brazilian Journal of Family Law and Inheritance. 2012. Vol. 25. dez./jan. Porto Alegre: Magister, 2012. 542 p.
13. Waquim Bruna Barbieri. Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015. 342 p.

Правовая психология в системе действия права

Сорокин В.В., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (sorokin.v.v@yandex.ru)

Существование правовой психологии делает актуальной проблему соотношения духа права и буквы закона. Автор статьи использует духовно-нравственный подход, при помощи которого преодолеваются формализм и недостатки материалистического видения права. Когда утверждают, что право способно регулировать лишь то, что поддается контролю извне, допускают существенную ошибку, ведь регулирующее воздействие права объективно и не зависит от того, замечаем мы его последствия или нет. Правовая психология «работает» во внутреннем мире индивида, невзирая на возможности внешней фиксации данного процесса. В правотворчестве субъекты выражают правовую психологию общества и в том числе себя самих. Весь арсенал юридической техники сформирован так, чтобы облегчить психологическое восприятие адресатами актов права. Потребность в толковании норм права и факт существования судебного усмотрения также делают правовую психологию востребованной. Правоотношение – не просто внешние физические действия – вступая в правоотношения, субъекты передают друг другу свое психологическое содержание. Все источники права отражают национальную психологию определенного народа. Применение института юридической ответственности сплошь пронизано психологическими аспектами.

Ключевые слова: правовая психология, действие права, свойства личности, саморегуляция, правовое стимулирование.

Для цитаты:

Сорокин В.В. Правовая психология в системе действия права. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 111-121. doi: 10.17759/psylaw.2019090108

For citation:

Sorokin V.V. Legal psychology in the system of law. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.111-121. doi: 10.17759/psylaw.2019090108

Правовая психология есть часть правовой реальности. Поэтому так важно понять механизм действия правовой психологии.

Право само по себе действует психологически и потому юридически должно, не пропущенное через психику своих адресатов, получает лишь формальное значение и не приобретает качества правового регулятора. Все дело в том, что объективный мир воздействует на людей не непосредственно и автоматически, а через его психическую деятельность [9, с. 111]. Право воздействует на внутренний мир человека, и человек отвечает всей целостностью своей психологии, всего мира психических явлений, что непременно должно быть принято во внимание при изучении правовой психологии.

Регулирующее свойство права состоит и в том, что оно выступает как психический фактор, оно действует психологически. Право способно выполнять регулятивную роль лишь тогда, когда оно воплощается в психологических структурах субъекта права и может влиять на внутренний мир человека. Правовая психология занимает важное место в системе действия права.

Действие норм права предполагает формирование образов или мысленных моделей поведения, не обладающих какими-либо физическими и химическими свойствами. Юридические нормы, хотя и запечатлеваются материальными средствами, но, по сути, являются психическими образованиями. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях.

Но главное – в психологию каждого человека право заложено, а тем людям, которые в силу психического склада не готовы к бесконфликтной жизни, требуется дополнительно закон как нормативный акт. И возможности права в регулировании общественных отношений гораздо глубже, чем считается в рамках позитивистской юриспруденции – право способно оказывать воздействие на внутренний мир человека.

Юридические нормы имеют вид общего правила, а человеку в конечном счете требуется личное указание для индивидуального поведения в данном конкретном жизненном случае. Эту проблему только средствами юриспруденции не решить, нужно подключать потенциал нравственности и религии (или как закомуфлированно звучат теперь эти основы – необходимо актуализировать «духовно-нравственные» основания права). Психология человека нуждается в этих источниках просветления, очищения, возвышения.

Усилия правоведов должны быть направлены на раскрытие потенциальных возможностей права как способа реализации духовных устремлений человека. Право предполагает в каждом человеке наличие соответствующих душевных свойств и состояний. И в тех случаях, когда правовое регулирование оторвано от внутренних состояний духа человека, начинается вырождение правовой системы общества. Каждый человек – неповторимое явление. Отсюда всякая попытка формально, механически распространить действие права на людей убивает в них уважение к правопорядку.

Законы государства являются нижней гранью нравственного сознания, в свою очередь нравственность народа выступает нижней гранью религиозной веры. Б.А. Кистяковский отмечал, что «... нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа живут в слитном состоянии» [4, с. 137]. Но это важно для всякого народа, если он претендует на духовно оправданный образ жизни.

Любой закон, преследующий самые благие намерения законодателя, проходит проверку на соответствие психическому складу нации. Как бы ни были императивны требования закона, он по своей сути исключительно информативен, т.е. сообщает

требования, но не дает ни условий, ни силы к его исполнению. Именно в правовой психологии накапливается опыт правового разрешения неизвестных ранее ситуаций.

И римское право, при всех его достоинствах, было, по словам А.Ф. Лосева, не чем иным, как огромной рационалистической громадой, где живое чувство права заменилось беспощадной, свирепой логикой чуть ли не алгебраических уравнений юриспруденции [6, с. 13].

Вне ресурса правовой психологии регулятивные возможности закона сильно ограничены. Потенциал правовой психологии обуславливает разграничение между правом и законом. Право сформировано объективно в соответствии с психологической природой человека, а закон – результат субъективной правотворческой деятельности людей. В основу права люди могут класть отнюдь не правовые идеи, тогда право отрывается от духовной и психологической природы человека и становится политизированным явлением.

В процессе правотворчества субъекты выражают правовую психологию общества и в том числе себя самих. Весь арсенал юридической техники сформирован так, чтобы облегчить психологическое восприятие адресатами актов права. Потребность в толковании норм права и факт существования судебского усмотрения также делают правовую психологию востребованной. Термины «клевета», «исключительный цинизм», «добросовестность», «здравый смысл», «уважительные причины» и многие другие, часто используемые в юриспруденции, оцениваются с позиций правовой психологии. Правоотношение – не просто внешние физические действия – вступая в правоотношения, субъекты передают друг другу свое психологическое содержание. Право присутствует в разной «дозировке» в различных формах – закона, прецедента, договора, но все источники права отражают национальную психологию определенного народа. Применение института юридической ответственности сплошь пронизано психологическими аспектами. Подсудимые нередко взывают к душевным качествам судьи, прося о милосердии, т.е. о применении принципа, который гораздо выше нормы любого закона, выше самой высокой справедливости. Суть проблемы различных типов правопонимания – раздробленное, нецелостное восприятие права учеными-исследователями. Это психологические противоречия самих ученых, этих противоречий изначально в природе права нет. Перечисленное свидетельствует о необходимости выхода из узких рамок привычного понимания права.

Гражданский кодекс РФ называет сделки с пороками воли (ст. 177 – 179 ГК РФ), употребляет категории разумности и добросовестности и пополнился институтом морального вреда. Семейный кодекс РФ установил ряд обстоятельств материально-правового характера, имеющих психологическое содержание: влияние поведения родителей на психическое состояние и развитие детей (ст. 65, 66, 68, 73, 76, 146 СК РФ), степень привязанности ребенка к родителям с учетом особенностей психического развития детей и их возраста, жестокое обращение с детьми (в том числе психологическое). Уголовный кодекс РФ дополнен термином «психические страдания» (ст. 117 УК РФ). В УК РФ упоминаются отставание в психическом развитии (ст. 20), психическое расстройство, не исключающее вменяемости (ст. 22), легкомыслие (ст. 26), несоответствие психологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28), причинение вреда в результате психического принуждения (ст. 40), преступление по мотиву сострадания (ст. 61), совершение преступления с особой жестокостью (ст. 63); при назначении наказания кодекс требует учитывать уровень психического развития несовершеннолетнего (ст. 89) и особенности личности виновного (ст. 60), в статьях 106 и

107 УК РФ указывается на психотравмирующую ситуацию. О.Д. Ситковская даже опубликовала специальный «Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» [14]. Министерство труда РФ в 1996 г. утвердило «Положение о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» [10]. В 1992 г. вступил в силу Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Такие примеры говорят о том, что необходимо объемное целостное восприятие права с учетом места и роли правовой психологии.

Принципиально важно признание того обстоятельства, что в системе действия права правовая психология проникает во внутренний психологический мир людей так глубоко, насколько это вообще возможно. Б.Н. Чичерин и его ученики, которых и в так называемый советский период было немало, настаивал, что право действует вне души человека [16, с. 511]. Право он называл определением внешней свободы, а внешняя свобода, по его словам, имеет дело именно с предметами, находящимися вне души. Все человеческие отношения он относил к плоскости материального мира. В качестве убедительного, по его мнению, аргумента он называл право собственности и спрашивал: «Имеет ли оно какой-нибудь смысл как чисто психический факт без отношения к элементам, находящимся вне души?» [16, с. 511]. С нашей точки зрения, право собственности как раз является удачным примером того, как важна расположенность души при целеполагании субъекта права, – алчный человек доводит право собственности до неутолимой жажды обладания ради самого обладания.

В.С. Соловьев высказывался столь же пессимистически, как и Б.Н. Чичерин: «Роль права велика и вместе с тем ограничена: оно должно создавать лишь внешние условия для торжества добра, т.е. гарантировать надежный правопорядок и воздвигать препятствия на пути наиболее опасных форм зла» [14, с. 257]. К.Д. Кавелин полагал, что право регулирует волю, а не мотив действия [3, с. 354]; право, по его мнению, одинаково наказывает противоправную волю независимо от того, что лежало в ее основании – моральный или эгоистический мотив. Из каких внутренних побуждений люди исполняют общественный закон, – до этого, по его мнению, нет никому никакого дела. «В душу человека общественный закон не заглядывает» [3, с. 469]. К.Д. Кавелин, как приверженец «передовых» для его времени теоретико-правовых воззрений, останавливал юриспруденцию на тех рубежах, где она должна продвигаться, углубляя правовое регулирование в сферу психологии субъектов права. Следуя рекомендациям В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина, советская юриспруденция озаботилась внешней лояльностью людей, но не надежностью скреп правопорядка.

В советский период В.Н. Кудрявцев отстаивал точку зрения, согласно которой: «Чистая» мыслительная деятельность человека, не выразившаяся ни в каком внешнем поведении, не регламентируется и не контролируется социалистическим правом. Конечно, правовая надстройка неизбежно влияет на психические процессы, хотя бы и не выражающиеся в конкретных поступках: человек осознает правовые требования, размышляет о них, так или иначе их оценивает, вырабатывает к ним свое отношение. Но все это, поскольку оно не выразилось во внешнем поведении, юридического значения не имеет. ... Право не в состоянии регламентировать и регулировать мышление человека и не должно стремиться это делать; правовые предписания действуют через сознание и волю, но регулируют не сами эти психические процессы, а их результаты – объективно совершенные поступки» [5, с. 79].

Говоря о том, что право регулирует результаты психических процессов – поступки, правоведы советской школы допускали лукавство, чтобы утвердить суждение К. Маркса о том, что «... помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» [8, с. 14]. Право не регулирует результаты – они уже осуществлены, но как и любой другой регулятор формирует необходимые варианты поведения, что с необходимостью предполагает управление мотивацией субъекта, воздействие на его чувства, волю и ум. Сам В.Н. Кудрявцев в другой своей работе писал, что «... нормы морали обращены главным образом к субъективному миру личности; в них отражаются нравственные идеалы, ценностные ориентации и мотивы поведения. Нормы права предусматривают как внешнюю сторону поведения, так и внутреннюю» [5, с. 19]. Тем самым он, во-первых, противоречил сам себе и допускал в сферу правового регулирования внутренний мир человека, а во-вторых, явно отождествлял содержание права и морали, что по сути правильно, ибо сущность этих явлений (плюс религии) однородна.

Государство не в силах осудить субъекта права за его мысли – это неоспоримо. Но фактически верно и то, что душевная организация человека не всегда сохраняет его мысли в теоретическом поле, мысли влияют на волю, а воля переходит в поступки. Когда некий образ мыслей становится исключительно вредоносным, государство признает себя вынужденным его преследовать. Не столько мысли вредны, сколько те дела, к которым они приводят человека.

Правоведы подобной ориентации в качестве последнего аргумента приводят принцип ответственности только за внешне выраженный акт поведения, который прямо закреплен в отечественном законодательстве. Однако это всего лишь принцип и он актуален в рамках института юридической ответственности, а для всей сферы правового регулирования переключение внимания юристов с внутреннего мира человека на его внешнее поведение пагубно.

Серьезная опасность состоит в том, что между духовным ядром личности и поведением не устанавливается правильное отношение. Остановка внимания на поведении означает поверхностный взгляд на предмет, при котором считается, что целостная личность возникает из организации поведения. Все обстоит как раз наоборот. Характер поведения человека обуславливается свойствами его личности.

На Западе теория и практика разошлись давно и нарочно, а нам не следует искусственно сужать рамки действия права, выхолащивая психологическую составляющую юриспруденции. Известный отечественный психолог С.Л. Рубинштейн предупреждал: «Воспитательная работа, ограничивающаяся предъявлением определенных общественных требований, не учитывает, что выполнение извне предъявляемых требований легко может оказаться внешним их выполнением. Целью же должно быть не одно формальное соответствие внешнего поведения требованиям общества, не внешнее приспособление к ним; целью должно быть формирование у человека таких внутренних устремлений, отвечающих не букве, а духу моральных требований общества, из которых в порядке внутренней закономерности вытекало бы моральное поведение» [17, с. 185, 187 – 188.]. В этом, между прочим, состоит условие эффективности правового регулирования.

Государство, исповедующее доктрину внешней лояльности граждан, само не хочет, чтобы правовой порядок опирался на развитое правосознание общества и тогда ему ничего не остается кроме бдительности полицейских органов и тотальной регламентации отношений.

В теории права принято различать правовое регулирование (упорядочение) и правовое воздействие (влияние вне упорядочения). Но при всех теоретических конструкциях на сей счет право именно упорядочивает душевный мир человека, делая это по возможности в союзе с моралью и религией. Душа человека включается в предмет правового регулирования, поскольку право побуждает чувства, настраивает волю, информирует ум, т.е. управляет слагаемыми человеческой души. Группа ученых (Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.В. Шундилов и др.) доказали, что хотя правовое стимулирование и осуществляется не иначе, как на психологическом уровне, этот процесс включен в сферу именно правового регулирования, а не правового воздействия [7, с. 117 – 118].

Когда утверждают, что право способно регулировать лишь то, что поддается контролю извне, допускают существенную ошибку, ведь регулирующее воздействие права объективно и не зависит от того, замечаем мы его последствия или нет. Правовая психология «работает» во внутреннем мире индивида, невзирая на возможности внешней фиксации данного процесса.

Виновность субъекта определяется в конечном счете внутренним состоянием его души, а не внешним деянием, фактические и юридические признаки которого дают лишь основание начать предварительное следствие. Так, присяжные заседатели могут, признав, что внешнее правонарушающее деяние налицо и осуществлено оно именно подсудимым, признать его невиновность.

Государство не может удовлетворяться внешней формальной законопослушностью своих граждан, оно должно искать не наружной, а искренней доброты. В противном случае получается, что государство ведет лукавую политику и фактически делает ставку на маргинальное поведение своих граждан. Это только в тоталитарных государствах правовое поведение большинства граждан строится не на основе развитых внутренних правовых убеждений, а лишь на конформно-исполнительском или на вынужденном подчинении закону в силу боязни репрессий.

Советское общество, насильственно лишенное религиозных основ правовой системы, заведомо обрекло себя на суровое внешнее подавление всякого проступка, но тем не менее не могло ничего поделать с преступностью. Человеку не дано переделать весь мир, но он может изменить в лучшую сторону себя, и тогда вокруг этого человека спасутся десятки людей.

В трудах К.Д. Кавелина находим парадоксальное замечание на этот счет: «... чем совершеннее формы общественности и государственности, тем, казалось бы, должна полнее, цельнее, краше развиваться жизнь отдельного лица. Вышло наоборот: с успехами общественной жизни, личности бледнеют и как будто вырождаются. ...Человек, до виртуозности выработанный и выдрессированный с виду для жизни в обществе, может оказаться в то же время презреннейшим негодяем и мерзавцем» [2, с. 630, 968.].

Если в 1960 г. в Уголовном кодексе РСФСР в качестве цели наказания закреплялось «исправление и перевоспитание осужденных» (ст.20), то в 1996 г. в УК РФ появилась более осторожная формулировка: осталось только «исправление» (ст. 43). Тем самым отечественный законодатель сам признал, что никакие внешние меры воздействия на человека сами по себе не смогут его изменить, пока сам человек не переменит своего внутреннего состояния. Зло неуловимо для внешних мер.

Все правовые и политические учения направлены к тому, чтобы устроить жизнь с внешней стороны, – какие принять формы права, как достичь идеальной формы государства. Оценка человека исключительно со стороны его внешних проявлений без отношения к его внутреннему состоянию имеет крайне формальный характер. Проблема надежности правопорядка – в нас самих, а вернее, во внутренней способности каждого человека достичь личного умиротворения, которое было и остается первоосновой семейного, общественного и государственного спокойствия.

Ответ субъекта права на правовой стимул определяется не только характером стимула, но и уровнем душевного склада личности. Поэтому уровень правового порядка стоит в функциональной зависимости от нравственного уровня конкретного общества. С.Л. Франк сделал в свое время актуальный вывод: «Путь, приводящий к максимально эффективным и прочным результатам, есть путь изнутри наружу, от личной жизни к жизни общественной» [15, с. 225]. Из душевной целостности человеческих личностей составляется и нравственная целостность социума, и эта зависимость имеет непосредственное отношение к состоянию государственности.

Принцип «внутреннее важнее внешнего» всегда верен и поэтому требует учета в механизме правового регулирования. Внутренняя жизнь субъекта права стремится и должна проявиться вовне. Рано или поздно эта закономерность обнаруживается в событиях жизни каждого человека. Правовые поступки представляют собой закономерное выражение душевного склада человека. Зарубежный правовед П. Фресс упоминал закон «проявления личности в данной ситуации» [18, с. 35]. Ю.А. Шерковин еще в советский период отмечал, что «... поведение есть превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам» [12, с. 181].

От соответствующего внутреннего устройства личности происходят конкретные действия субъектов права. Противоправность прежде всего закрепляется как навык в душевной организации человека, а уж затем воспроизводится в демонстративных действиях. Законами государства нельзя добиться того, чтобы все люди стали чистыми и добрыми. Никакой внешний, даже самый справедливый порядок не сделает людей счастливыми, пока не будет порядка в них самих. Устраивая свою душу, человек не только очищает себя изнутри, но и изменяет внешнее поведение. Развитое правовое сознание признает истинную цену лишь за таким исполнением юридических требований, которое сопровождается соответствующим внутренним настроением. Юридически значимые действия до такой степени связаны с внутренними мотивами, что без наличия последних они теряют всякий смысл. Беспристрастие судьи, если оно не проникнуто внутренним чувством, не только лишается своего значения, но и превращается в недостойное лицемерие.

И.А. Ильин отмечал: «Право только проявляется во внешнем мире, сфера его настоящей жизни, действия – внутренний мир человека (душа), где право выступает как объективная ценность. Если право имеет полноту бытия, то только через правосознание, т.е. через право-чувствование, право-воление, право-мышление и, наконец, право-деяние» [1, с. 373]. Л.И. Петражицкий пришел к выводу: «Право есть явление не внешнего, материального мира, как, например, камень, а явление духовного мира, психическое явление; поэтому с природой его непосредственно познакомиться мы только и можем в нашей душе, т.е. путем наблюдения, сравнения, анализа наших же собственных душевных состояний и движений» [11, с. 29].

Право, включающее в себя весь потенциал правовой психологии, открывает ресурс саморегуляции. По самому своему существу психическая работа человека над собой не нормативна, а саморегулятивна. Поэтому одним из методов правового действия является метод саморегуляции субъектов права, который раскрывает личностные способы управления психикой соотносительно с объективными и субъективными условиями деятельности.

В юридической литературе распространено определение законодательных норм как регуляторов поведения людей. Однако на личностном, собственно психологическом уровне нормы законов непосредственного регулятивного потенциала не несут. От восприятия норм конкретной личностью зависит общая эффективность системы правового регулирования.

Чтобы человек испытывал естественное спонтанное, не стесненное никаким внешним и внутренним сопротивлением, стремление к добру, он еще должен подняться на тот уровень ума, воли и чувства, который делает его личностью. Поэтому настоящая дисциплина есть прежде всего проявление внутренней свободы, т.е. самообладания и самоуправления. Дух располагает достаточными средствами, способными остановить воплощение замысла в поступок.

Таким образом, личностное совершенство оказывается более значительным, чем любые, включая даже и общественные, идеалы и системы. Именно в свете подлинного и личностного совершенства только и может быть оценена их ограниченная и относительная значимость.

Литература

1. Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. 550 с.
2. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 992 с.
3. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 664 с.
4. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991. С. 122—149.
5. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
6. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М.: Мысль, 1979. 416 с.
7. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2007. 294 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974. Т. 1. 864 с.
9. Момов В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 107 – 117.

10. Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации: Постановление Минтруда РФ от 27.09.1996 № 1 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1996 № 10.
11. *Петражицкий Л.И.* Очерки философии права. Вып. 1. СПб.: Типолиитография Юделевича, 1900. 106 с.
12. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004. 720 с.
13. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 1999. 348 с.
14. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012. 656 с.
15. *Франк С.Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную психологию. М.: Республика, 1992. 512 с.
16. *Чичерин Б.Н.* Избранные труды. СПб: Издательство СПбГУ, 1998. 560 с.
17. *Шерковин Ю.А.* Социальная психология. История, теория, эмперические исследования // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 165-167.
18. *Etzioni A.* The moral dimension. N.Y., 1988. 200 p.

Legal psychology in the system of law

Sorokin V. V., Doctor of law, Professor of the Department of theory and history of state and law, Altai state University (sorokin.v.v@yandex.ru)

The existence of legal psychology makes the actual problem of the relationship between the spirit of law and the letter of the law. The author uses a spiritual and moral approach, which overcomes the formalism and shortcomings of the materialistic vision of law. When it is argued that the law can regulate only what can be controlled from the outside, make a significant mistake, because the regulatory impact of the law objectively and does not depend on whether we notice its consequences or not. Legal psychology "works" in the inner world of the individual, despite the possibility of external fixation of the process. In law-making subjects Express the legal psychology of society, including themselves. The entire Arsenal of legal equipment is formed in such a way as to facilitate the psychological perception of the addressees of acts of law. The need to interpret the law and the existence of judicial discretion also make legal psychology relevant. Legal relationship – not just external physical actions-entering into legal relations, the subjects give each other their psychological content. All sources of law reflect the national psychology of a particular people. The application of the institution of legal responsibility is entirely permeated with psychological aspects.

Keywords: legal psychology, action of law, personality properties, self-regulation, legal stimulation.

References

1. Il'in I.A. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of law and state]. M.: Zerkalo, 2003. 550 p.
2. Kavelin K.D. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1. [Collected works: in 4 vol. 1]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 992 p.
3. Kavelin K.D. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2 [Collected works: in 4 vol. Vol.2]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 664 p.
4. Kistyakovskij B.A. V zashchitu prava (Intelligenciya i pravosoznanie) [in defense of law (Intelligentsia and legal consciousness)] // *Vekhi: Sbornik statej o russoj intelligencii* [Milestones: Collection of articles about the Russian intelligentsia]. M.: Pravda, 1991. P. 122—149.
5. Kudryavcev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya [Legal behavior: norm and pathology]. M.: Nauka, 1982. 287 p.
6. Losev A.F. EHllinisticheski-rimskaya ehstetika I-II vv. n.eh [Hellenistic-Roman aesthetics of I-II centuries ad]. M.: Mysl', 1979. 416 p.
7. Mal'ko A.V., SHundikov K.V. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike [Aims and means in law and legal policy]. Saratov, 2007. 294 p.

8. Marks K., EHngel's F. Sbranie sochinenij: v 39 t [Publishing house of political literature]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955-1974. Vol. 1. 864 p.
9. Momov V. Norma i motiv povedeniya [the Norm and the motive behind the behavior] // *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 1972. no. 8. p. 107 – 117.
10. Ob utverzhdenii Polozheniya o professional'noj orientacii i psihologicheskoy podderzhke naseleniya v Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Mintruda RF ot 27.09.1996 № 1 [About the statement of Regulations on professional orientation and psychological support of the population in the Russian Federation: the Resolution of Ministry of labor of the Russian Federation of 27.09.1996 No. 1] // *Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti [Bulletin of regulations of Federal Executive authorities]*. 1996. no. 10.
11. Petrazhickij L.I. Oчерки философии права. Vyp. 1 [Essays on the philosophy of law. Issue. 1]. SPb.: Tipolitografiya YUdelevicha, 1900. 106 p.
12. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General psychology]. Spb.: Piter, 2004. 720 p.
13. Sitkovskaya O.D. Psihologicheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Psychological commentary to the Criminal code of the Russian Federation]. M.: YUridicheskaya firma «Kontrakt», 1999. 348 p.
14. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra [the Justification of the good]. M.: Algoritm, 2012. 656 p.
15. Frank S.L. Duhovnye osnovy obshchestva: Vvedenie v social'nyuyu psihologiyu [Spiritual foundations of society: Introduction to social psychology]. M.: Respublika, 1992. 512 p.
16. Chicherin B.N. Izbrannye Trudy [Selected works]. SPb: Izdatel'stvo SPbGU, 1998. 560 p.
17. Sherkovin YU.A. Social'naya psihologiya. Istoriya, teoriya, ehmpiricheskie issledovaniya [Social psychology. History, theory, empirical research] // *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*. 1981. Vol. 2. no. 2. P. 165-167.
18. Etzioni A. The moral dimension. N.Y., 1988. 200 p.

Юридические и методологические основы психологической экспертизы информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения

Шипшин С.С., доцент, кандидат психологических наук, заместитель начальника, заведующий отделом судебной психологической экспертизы, ФБУ Южный РЦСЭ Минюста России; доцент кафедры уголовно-процессуального права, Ростовский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (sssh@mail.ru)

Бердников Д.В., доктор медицинских наук, главный государственный судебный эксперт, ФБУ Курская ЛСЭ Минюста России; заведующий лабораторией физиологии сенсорных систем и психофизиологии, НИИ физиологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (berdnikov@rambler.ru)

В статье представлены методологические основы проведения психологической экспертизы информационных материалов на предмет наличия пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. На основании анализа правовых положений определено ее юридическое значение, описаны конкретные задачи, разрешение которых требует специальных знаний, и основные экспертные понятия. Отмечены необходимость участия психолога в экспертизах по данной категории дел и преимущества психологического понимания объекта экспертизы — текста как замкнутой системы иерархической содержательно-смысловой структуры ее элементов и продукта коммуникативной деятельности человека. Конкретный предмет СПЭ по рассматриваемой категории дел определен как отраженные и зафиксированные в тексте фактические данные о намерении автора сформировать среди несовершеннолетних позитивное восприятие нетрадиционных сексуальных отношений, представление об их социальной равноценности с традиционными отношениями, готовность принять соответствующее полоролевое поведение. С опорой на проведенный анализ сформулированы и обоснованы вопросы экспертам. Показана необходимость соответствия экспертного анализа общим принципам решения диагностических

Шипшин С.С., Бердников Д.В. Юридические и методологические основы психологической экспертизы информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения. *Психология и право* psyandlaw.ru 2019. Том 9. №1. С. 122-131.

Shipshin S.S., Berdnikov D.V. Legal and methodological basis of psychological examination of information promoting non-traditional sexual relations. *Psychology and law* psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.1. pp. 122-131.

задач при наличии в нем некоторых специфических аспектов. Отмечено, что СПЭ по рассматриваемой категории дел позволяет учитывать социально-психологический и социокультурный контекст коммуникации, определить намерения автора и соответствует основным положениям теории судебной экспертизы.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, информационные материалы, пропаганда, нетрадиционные сексуальные отношения.

Для цитаты:

Шипшин С.С., Бердников Д.В. Юридические и методологические основы психологической экспертизы информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019(9). № 1. С. 122-131.
doi: 10.17759/psylaw.2019090109

For citation:

Shipshin S.S., Berdnikov D.V. Legal and methodological basis of psychological examination of information promoting non-traditional sexual relations. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.122-131.
doi: 10.17759/psylaw.2019090109

Развитие современного общества в последние десятилетия характеризуется многократным увеличением информационных потоков. Это ставит перед государством задачу обеспечения и защиты прав и свобод своих граждан в данной области социального взаимодействия. Применительно к информационной безопасности семьи, материнства и детства конституционные приоритеты, помимо прочего, конкретизированы в нормах Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В п. 2.4 ст. 5 редакции Федерального закона от 29.06.2013 № 135-ФЗ среди детей запрещено распространять информацию, отрицающую семейные ценности, пропагандирующую нетрадиционные сексуальные отношения и формирующую неуважение к родителям и (или) другим членам семьи. Данные положения получили свое отражение в ст. 6.21 КоАП Российской Федерации. В ней установлена административная ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившуюся в распространении либо навязывании соответствующей информации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. При этом, ряд ее пунктов, по мнению правоприменителей, требует использования специальных экспертных знаний. Это делает актуальным определение основных положений, необходимых для проведения соответствующего исследования/экспертизы.

Понятие пропаганды постановлением № 24-П от 23 сентября 2014 г. Конституционный Суд Российской Федерации конкретизирует как «... публичные действия по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельность, имеющую целью побудить или побуждающую лиц, которым она адресована к совершению каких-либо действий или воздержанию от их совершения». Следовательно, квалификация наличия пропаганды является исключительно юридической компетенцией и раскрывается

путем установления совершения конкретных действий и/или деятельности. В то же время ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ отсылает нас к установлению направленности распространяемой информации, причем имеющей ряд специфических характеристик.

Следует отметить, что экспертная оценка направленности информационных материалов достаточно разработана и получила свое развитие в рамках комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы (КСПЛЭ) по делам связанным с противодействием экстремизму и терроризму [5]. Традиционно при определении направленности изучают целевые характеристики сообщения. Они выражаются через позицию и отношение автора, формируемые им у адресата установки, т. е. для чего что-либо говорится/демонстрируется, каковы намерения автора [7]. При этом, любая информация в самом широком смысле понимается как текст, содержащий вербальный и/или невербальный компоненты.

Возвращаясь к исследованию информационных материалов, касающихся нетрадиционных сексуальных отношений, представляется, что это также входит в компетенцию как психологов, так и лингвистов, а потому возможно проведение как однородных, психологических, так и комплексных исследований/экспертиз. Это связано с тем, что объектом исследования может быть не только вербальная, но и невербальная информация, а преимущественно используемый метод интент-анализа опирается на более широкое понимание иллокуции из теории речевых актов, элементы дискурс- и контент-анализа, с учетом социально-психологического и социокультурного контекста коммуникации. Дополнительным аргументом в пользу этого может служить указание Конституционного Суда Российской Федерации на необходимость обязательно учитывать контекст подачи информации. Поскольку данная статья не претендует на исчерпывающее рассмотрение заявленной проблемы, нас будет интересовать только то, что касается судебно-психологических исследований информационных материалов.

В данном случае объектом судебно-психологического исследования традиционно выступает текст как замкнутая система иерархической содержательно-смысловой структуры элементов и продукт коммуникативной деятельности человека. Такое его понимание соответствует семиосоциопсихологическому подходу и является более широким, чем линейное лингвистическое толкование текста как объединенной смыслом последовательности знаковых единиц [3]. Любая деятельность обладает сложной структурой, выстраивающейся для достижения желаемой цели. Именно цель является системообразующим фактором, но система не является линейным образованием. Применительно к коммуникативной деятельности человека можно выделить как минимум уровни коммуникативного хода, тактики и стратегии воздействия, которые объединяются в систему намерением автора и в совокупности задают программу поведения ее адресату. По этим причинам предложенное определение представляется нам наиболее приемлемым.

Предмет судебно-психологических исследований информации определяется как отраженные и зафиксированные в тексте фактические данные об особенностях функционирования психической деятельности автора, имеющие юридическое значение и влекущие правовые последствия. При этом к основным задачам эксперта-психолога в подобных случаях относят установление отраженных в тексте содержательных особенностей организации психической деятельности автора, а именно: намерений, целей, структуры и содержания системы психологического влияния на адресата.

Применительно к ст. 6.21 КоАП РФ перед экспертами ставятся конкретные задачи выявления направленности распространяемой информации на формирование у несовершеннолетних (1) нетрадиционных сексуальных установок, (2) привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, (3) представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений либо на (4) возбуждение интереса к таким отношениям. Установление хотя бы одного из этих признаков имеет квалифицирующее значение для вменения данной статьи КоАП РФ и является основанием для назначения исследования/экспертизы.

Разрешение этих задач требует определения соответствующих экспертных понятий. Анализ российских законодательных актов показывает отсутствие в них однозначных юридических определений категорий «сексуальный», «сексуальные отношения», «традиционные/нетрадиционные сексуальные отношения», «сексуальные установки», «привлекательность» или «интерес». В связи с этим затруднительно понимание смысла данных терминов. Например, в некоторой научной литературе и в обыденном дискурсе термин «сексуальные отношения» используется двояко: как взаимоотношения между людьми, в основе которых лежит сексуальное влечение, или конкретно как половой акт и его заместительные формы. Это приводит нас к необходимости установления того, как они понимаются судом исходя из сложившейся практики, либо к выделению судебно-психологических экспертных понятий через опосредованный анализ [11].

Так, из ст. 131, 132 УК РФ, п. 8 ст. 2 ФЗ № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года следует, что в правоприменении категория «сексуальный» традиционно используется как качественная характеристика. Например, «действия сексуального характера» включают вагинальные половые акты, различный спектр направленных на сексуальное удовлетворение действий, в том числе замещающие формы половой активности, а также гомосексуальные половые акты. Исходя из этого, категория «сексуальный» указывает на то, что действия совершаются на основе/по причине полового влечения, а их целью является его удовлетворение. Однако «действия» не тождественны «отношениям» и включаются в них. Соответственно, при анализе понятия «сексуальные отношения» необходимо исходить из значения термина «отношения», который обладает определенными качественными характеристиками. В психологии данная категория определяется В.Н.Мясищевым как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной реальности [9]. В них проявляются эмоционально-чувственные и установочно-волевые функции психической деятельности [8]. При этом межличностные отношения рассматриваются как система установок, ориентаций и ожиданий относительно друг друга, обусловленных совместной деятельностью и ценностями, лежащими в основе общения [6]. Часто их определяют как взаимную готовность/установку субъектов к определенному типу взаимодействия [10]. Исходя из этого, понятие «сексуальные отношения» может интерпретироваться как взаимоотношения между людьми, в основе которых лежит сексуальное влечение/готовность к сексуальному взаимодействию.

При определении традиционных/нетрадиционных сексуальных отношений следует исходить из того, что Конституционный Суд Российской Федерации в п. 3 постановления от 23.09.2014 г. № 24-П указывает на необходимость ограждать ребенка от «... информации, способной подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям, приверженность которым препятствует выстраиванию семейных отношений». Семейные же отношения (семья, материнство и детство), по представлению суда, «в их традиционном, воспринятом от предков понимании» являются ценностью, обеспечивающей «непрерывную смену

поколений». Следовательно, именно гетеросексуальные отношения, лежащие в основе возникновения семьи потенциально способной к рождению детей, рассматриваются как «традиционные сексуальные отношения». Они противопоставляются «нетрадиционным сексуальным отношениям», которые в русле вышесказанного могут пониматься как взаимоотношения между людьми, базирующиеся на сексуальном влечении/готовности к сексуальному взаимодействию, без потенциальной возможности создания семьи, способной воспроизводить последующие поколения. Однако под данное определение попадают приверженцы взглядов «чайлдфри» (childfree) и «чайлдхейт» (childhate), характеризующиеся сознательным нежеланием иметь детей, а также страдающие бесплодием пары. Каких-либо разъяснений в этом отношении со стороны законодателя нет, но в п. 3.3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации в качестве «нетрадиционных сексуальных отношений» в частности упоминаются только гомосексуальные.

Кроме того, ст. 6.21 КоАП РФ акцентирует внимание на категории «сексуальные установки». В психологии установка определяется как неосознанное психологическое состояние predisposedности к определенному восприятию и активности в соответствующей ситуации [1]. Это состояние мобилизованности, готовности к последующему действию, предваряющее и определяющее развертывание любой формы психической деятельности. Следовательно, «сексуальная установка» — это состояние, лежащее в основе и обеспечивающее готовность к полоролевому поведению, конкретным действиям сексуального характера и половым актам.

Для проведения экспертного анализа также существенным является определение понятий «интерес» и «привлекательность». Согласно толкованиям в словарях и описаниям в психологической литературе, «привлекательность» можно определить как внешнюю характеристику объекта, побуждающую обратить на него эмоционально позитивно окрашенное внимание [13]. Исходя из этого, критерий «направленность на формирование привлекательности» соответствует наличию побуждения адресата обратить внимание на эмоционально позитивно оцениваемые стороны/качества нетрадиционных сексуальных отношений. «Интерес» определяется как позитивная когнитивная эмоция или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности, желание познать больше о той или иной области действительности [2]. Он является одним из факторов постоянного воспроизведения соответствующей деятельности [4]. При этом, различают интерес непосредственный, вызываемый/порождаемый привлекательностью объекта и опосредованный, связанный с привлекательностью объекта как средства достижения целей деятельности [12].

Соответственно, предмет судебно-психологических исследований и экспертиз по рассматриваемой категории дел может быть определен как отраженные и зафиксированные в тексте фактические данные о намерении автора сформировать среди несовершеннолетних позитивное восприятие нетрадиционных сексуальных отношений, представление об их социальной равноценности с традиционными отношениями, готовность принять соответствующее полоролевое поведение.

Исходя из вышеизложенного и положений ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ перед экспертами могут ставиться следующие вопросы.

1. Содержится ли в указанном материале информация, направленная на формирование у несовершеннолетних представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений?

2. Содержится ли в указанном материале информация, направленная на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок?

3. Содержится ли в указанном материале информация, направленная на формирование у несовершеннолетних привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений?

4. Содержится ли в указанном материале информация, направленная на возбуждение у несовершеннолетних интереса к нетрадиционным сексуальным отношениям?

Подобные формулировки представляются предпочтительнее традиционно фиксирующих внимание на установлении каких-либо психологических (и/или лингвистических) признаков информации в качестве экспертной задачи. Во-первых, полученные по ним выводы освобождают правоприменителя от необходимости проводить некое обобщение и самостоятельно, без специальных знаний, делать выводы о характеристиках информации. Во-вторых, в них в соответствии со ст. 6.21 КоАП РФ акцентируется внимание не на содержательных, а на целевых характеристиках информации, так как выявление направленности информационного материала отражает цели автора/публикатора информации. Это позволяет учитывать возможность подачи «соответствующей информации в нейтральном (просветительском, художественном, историческом) контексте». В третьих. Вопросы соответствуют тому, что объективная сторона правонарушения не включает в качестве элемента последствия получения информации, не предполагает подтверждения того, что она действительно повлияла на формирование у ее адресатов нетрадиционных сексуальных установок. В четвертых. В них конкретизирован адресат. Конституционный Суд Российской Федерации особо указывает, что «... ограничения касаются только адресной направленности соответствующей информации лицам определенной возрастной категории» — несовершеннолетним.

Производство психологического исследования/экспертизы по делам, связанным с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений, проводится в соответствии с общими принципами построения процесса решения диагностических задач и включает в себя подготовительную, диагностическую и заключительную стадии. Их описание достаточно подробно изложено в рамках КСПЛЭ по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [5]. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторые специфические аспекты экспертного анализа.

Первостепенным является установление адресата представленной информации. Как указано выше, это должны быть несовершеннолетние. Адресат может быть выявлен на основе анализа условий и контекста размещения сообщения по материалам дела, а также характера сказанного («целенаправленное информационное воздействие на несовершеннолетних»). В случае если адресатом однозначно являются совершеннолетние, то проведение дальнейшего исследования теряет смысл. Если же выраженное в тексте предназначено широкой аудитории, и конкретного адресата невозможно выявить по содержанию материалов, то исследование необходимо проводить. При этом сам по себе факт доступности для несовершеннолетних информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «... не может служить основанием для применения <...> мер государственного принуждения».

Дальнейший анализ информации может проводиться по традиционной схеме выявления метода психологического воздействия «убеждение» (тема, отношение, цель). Данный метод должен быть направлен на формирование позитивной психологической установки, которая, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «способна подтолкнуть» к нетрадиционным сексуальным отношениям. При рассмотрении каждой указанной в ст. 6.21 КоАП РФ отдельно упомянутой характеристики информации можно представить их как способы влияния, акцентирующие свое воздействие на различных компонентах общей установки адресата. Единым для них является то, что тематика сообщения сводится к описанию взаимоотношений между людьми, строящихся на основе однополого сексуального влечения. Однако создаваемое эмоциональное отношение и цель влияния имеют свои особенности.

Так, неразрывная связь привлекательности со способностью вызывать непосредственный интерес указывает на то, что наличие направленности на формирование привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений одновременно свидетельствует о направленности на возбуждение интереса к ним. Это будет проявляться в подчеркивании эмоционально положительной окраски нетрадиционных сексуальных отношений, выражении и создании их позитивной оценки и побуждении обратить на них внимание. Соответственно, автор будет проявлять намерение в первую очередь повлиять на аффективный компонент соответствующей психологической установки адресата и лишь во вторую — на поведенческий, имплицитно побуждая принять данное сексуальное поведение. В то же время может быть установлено стремление создать опосредованный интерес к подобным отношениям как к средству достижения других желанных целей. В подобных случаях может выражаться эмоционально нейтральное отношение. Акцент в системе влияния в первую очередь будет делаться на когнитивном компоненте психологической установки, а соответствующие отношения могут быть представлены в качестве одного из необходимых элементов программы действий адресата по достижению желаемого.

При формировании «представлений о социальной равноценности» нетрадиционные сексуальные отношения могут преподноситься адресату как позитивно, так и нейтрально. Автор может стремиться сформировать взгляд на них как на допустимые, естественные, приемлемые, равноценные традиционным. При этом упор на рациональной составляющей психологической установки способен, в том числе имплицитно, побуждать принятие подобной модели полоролевого поведения. Учитывая позицию Конституционного Суда Российской Федерации о допустимости подачи «соответствующей информации в нейтральном <...> художественном <...> контексте», представляется необходимым более внимательное, детальное изучение и профессиональное обсуждение данного аспекта влияния подобной информации на несовершеннолетних.

Вышеописанное в полной мере относится и к выявлению направленности на создание «нетрадиционной сексуальной установки». Однако в данном случае автор пытается повлиять не только на позитивную оценку и интеллектуальное принятие адресатом соответствующих идей, но и непосредственно на его поведение. Он стремится сформировать готовность и/или побудить несовершеннолетнего к конкретным действиям сексуального характера.

Таким образом, судебно-психологическое исследование/экспертиза, раскрывая реализуемые в спорной информации способы влияния и их цели, учитывая социально-психологический и социокультурный контекст коммуникации, позволяет определить

намерения автора и разрешить поставленные правоприменителем задачи. Несомненно, вышеизложенное является лишь набросками дискуссионного характера. Эти рассуждения приведены для того, чтобы показать принципиальную возможность проведения экспертных психологических исследований по делам о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и их соответствие положениям теории судебной экспертизы.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для вузов. 7-е изд. испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 363 с.
2. Большой психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 816 с.
3. *Дридзе Т.М.* Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 145—152.
4. *Кондаков И.М.* Психология. Иллюстрированный словарь: более 600 иллюстраций и 1700 статей. СПб.: Прайм-Еврознак ; М.: Олма-Пресс, 2003. 512 с.
5. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
6. *Куницына В.И., Казаринова Я.В., Погольша В.М.* Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
7. *Леонтьев А.А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под. ред А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М.: Смысл, 2008. 271 с.
8. *Ломов В.Ф.* О системном подходе в психологии // *Вопросы психологии*. 1975. № 2. С. 31—45.
9. *Мясищев В.И.* Психология отношений / Под ред. А.А. Болалева. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2003. 400 с.
10. *Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. Л.: ЛГУ, 1979. 151с.
11. *Сафуанов Ф.С.* Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 1. С. 220—239. doi: 10.17759/psyandlaw.2017070118
12. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998. 551 с.
13. Толковый словарь русского языка. Т. III / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ, 2000. 720 с.

Legal and methodological basis of psychological examination of information promoting non-traditional sexual relations

Shipshin S. S., Associate Professor, candidate of psychological Sciences, Deputy head, head of the Department of forensic psychological examination, southern RTSSE of the Ministry of justice of Russia; associate Professor of the Department of criminal procedure law, Rostov branch of the Federal state budgetary educational institution of higher education "Russian state University of justice" (ssh@mail.ru)

Berdnikov D. V., Doctor of medical Sciences, chief state forensic expert, FBU Kursk LSE of the Ministry of justice of Russia; head of the laboratory of physiology of sensory systems and psychophysiology, research Institute of physiology of the Federal state budgetary educational institution of higher education "Kursk state medical University" of the Ministry of health of the Russian Federation (berdnikov@rambler.ru)

The article presents the methodological basis for the psychological examination of information materials for the presence of propaganda of non-traditional sexual relations among minors. Based on the analysis of legal provisions, its legal significance is determined, specific tasks, the resolution of which requires special knowledge, and basic expert concepts are described. The necessity of participation of the psychologist in examinations on this category of cases and advantages of psychological understanding of object of examination — the text as the closed system of hierarchical content-semantic structure of its elements and a product of communicative activity of the person are noted. The specific subject of the EIT in this category of cases is defined as reflected and recorded in the text of the actual data on the author's intention to form among minors a positive perception of non-traditional sexual relations, the idea of their social equivalence with traditional relations, the willingness to accept the appropriate gender-role behavior. Based on the analysis questions to experts are formulated and justified. The necessity of expert analysis compliance with the General principles of solving diagnostic problems in the presence of some specific aspects is shown. It is noted that the EIT in the category of cases allows to take into account the socio-psychological and socio-cultural context of communication, to determine the intentions of the author and corresponds to the basic provisions of the theory of forensic examination.

Keywords: forensic psychological examination, information materials, propaganda, non-traditional sexual relations.

References

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov. Izd. 7-e, ispr. i dop. [Social psychology. Higher education. 7-th revised edition] Moscow: Publ. Aspekt Press, 2010. 363 p.

2. Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. [Big psychology dictionary] In Zinchenko V.P., Meshcheryakova B.G. (ed.). Moscow: Publ. AST; Publ. AST-Moscow; Saint-Petersburg: Publ. Praim-Evroznak, 2009. 816 p.
3. Dridze T.M. Sotsial'naya kommunikatsiya kak tekstovaya deyatel'nost' v semiosotsiopsikhologii [Social communication as discours activity in semiosociopsychology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 1996. no. 3. pp. 145—152. (In Russ., Abstr. in Engl.)
4. Kondakov I.M. Psikhologiya. Illyustrirovannyi slovar': bolee 600 illyustratsii i 1700 statei [Psychology. Illustrated dictionary: over 600 illustrations and 1700 chapters]. SPb.: Publ. Praim-Evroznak; Moscow: Publ. Olma-Press, 2003. 512 p.
5. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [Methodology of forensic examination on the data containing extremist and terroristic materials]. Moscow: Publ. FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2014. 98 p.
6. Kunitsyna V.I., Kazarinova Ya.V., Pogolyna V.M. Mezhlichnostnoe obshchenie: Ucheb. dlya vuzov [Interpersonal communication. Higher school pbl.]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2001. 544 p.
7. Leont'ev A.A. Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoi kommunikatsii [Applied psycholinguistics in communication and mass media]. In Markosyan A.S., Leont'eva D.A., Sorokina Yu.A. (ed.). Moscow: Publ. Smysl, 2008. 271 p.
8. Lomov V.F. O sistemnom podkhode v psikhologii [[On a systematic approach in psychology]. *Voprosy psikhologii [Psychology matters]*. 1975. № 2. pp. 31-45. (In Russ., Abstr. in Engl.)
9. Myasishchev V.I. Psikhologiya otnoshenii [Psychology of attitudes]. In Bolalev A.A. (ed.). Moscow: Publ. Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo in-ta; Voronezh: Publ. MODEK, 2003. 400 p.
10. Obozov N.N. Mezhlichnostnye otnosheniya [Interpersonal relations]. Leningrad: Publ. LGU, 1979. 151 p.
11. Safuanov F.S. How to build substantive judicial-psychological examination. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 1. pp. 220-239. doi: 10.17759/psylaw.2017070118 (In Russ., Abstr. in Engl.)
12. Slovar' prakticheskogo psikhologa [Dictionary on applied psychology]. In Golovin S.Yu. (ed.). Minsk: Publ. Kharvest, 1998. 551 p.
13. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. III. [Dictionary of russian language Vol.III]. In Ushakova D.N. Moscow: Publ. OOO «Izdatel'stvo Astrel'», Publ. OOO «Izdatel'stvo AST», 2000. 720 p.

Направления работы по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных

Сучкова Е.Л., кандидат психологических наук, профессор кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (elizavetasuchkova@yandex.ru)

В статье вопросы коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных рассматриваются в контексте деятельности по совершенствованию мер психолого-педагогического воздействия на лиц, находящихся в местах лишения свободы. На основе анализа материалов проведенных автором исследований делается вывод о том, что в процессе отбывания наказания в групповом правосознании осужденных конструируются правовые представления о несправедливости официальной правовой системы. В этих условиях значительная роль в регуляции поведения начинает принадлежать нормам поведения, принятым в тюремном сообществе, что способствует криминализации и «тюремнизации» сознания осужденных. Обосновывается необходимость осуществления деятельности по минимизации асоциального влияния тюремной субкультуры, как на лиц, находящихся в местах лишения свободы, так и на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Делается вывод о необходимости дифференцированного подхода к проведению психокоррекционной работы по изменению правовых представлений осужденных. Для лиц, впервые находящихся в местах лишения свободы, предлагаются программы по групповой работе и правовому просвещению. С неоднократно судимыми осужденными, преимущественно с теми, кто разочаровался в своем образе жизни и намерен его изменить, воспользовавшись преимуществами, которые дает правопослушное поведение, рекомендуется индивидуальная коррекционная работа.

Ключевые слова: осужденные; групповое правосознание; тюремная субкультура; неформальная регламентация; концепция оценки риска рецидива; психокоррекционная работа.

Для цитаты:

Сучкова Е.Л. Направления работы по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 132-143.
doi: 10.17759/psylaw.2019090110

For citation:

Suchkova E.L. Activity areas on the correction of the psychology content of the convict's group sense of justice. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 1. pp.132-143. doi: 10.17759/psylaw.2019090110

На протяжении последних десятилетий в отечественной пенитенциарной системе продолжается работа, направленная на поиск эффективных способов психолого-педагогического воздействия на лиц, совершивших преступления, с целью создания оптимальных условий для их исправления и недопущения риска рецидива в дальнейшем. В рамках деятельности по совершенствованию уголовно-исполнительной политики реализуются меры по созданию прогрессивной системы поощрений для тех осужденных, которые избрали для себя путь соблюдения правовых норм и в процессе отбывания наказания подтверждают свой выбор соответствующим поведением. В целом, предпринятые действия оказали определенное положительное влияние на ситуацию в исправительных учреждениях, но тем не менее далеко не всегда усилия по изменению асоциальных взглядов осужденных бывают успешными.

Существенными препятствиями на пути формирования установок осужденных на правопослушное поведение являются криминогенные деформации смысловой сферы и социальная среда мест лишения свободы, оказывающие негативное влияние на содержание правосознания лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Действующие в среде осужденных универсальные нормативные и понятийные системы, регулирующие их повседневную жизнь, способствуют процессу конструирования социальных правовых представлений, посвященных осмыслению значимых для данного сообщества правовых явлений. Находясь в среде лиц, не желающих признавать легитимным правовое устройство общества, осужденные все больше отдаляются от легальных способов регулирования взаимоотношений между людьми и начинают ориентироваться на нормы поведения, принятые в тюремной общине [13, с. 107].

Результаты проведенных нами исследований свидетельствуют, что в содержании психологии группового правосознания осужденных присутствуют характерные деформации, обусловленные социально-правовым статусом данной общности. С одной стороны, осужденные признают социальную ценность права, а с другой стороны, допускают самые разные варианты его нарушения. При принятии решения о приемлемости либо неприемлемости правонарушающего поведения в конкретных ситуациях осужденные чаще всего ориентируются на нормы, принятые в их среде, и собственные соображения, направленные на удовлетворение своих потребностей и желаний [12, с. 209].

Нами были получены данные о том, что осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, по сравнению с законопослушными гражданами более критично оценивают современную российскую правовую действительность. Наиболее существенные различия наблюдаются в оценке работы правоохранительных органов, деятельности государства в области карательной практики, мер по поддержанию правопорядка, во взглядах на причины противоправного поведения людей. Подтвердилось предположение о том, что нахождение в условиях социальной изоляции, отрицательный опыт, полученный осужденными в сфере взаимодействия с правовыми институтами, приводят к широкому распространению в их

среде социальных представлений, негативно характеризующих явления правовой жизни общества [9, с. 223].

Большая часть опрошенных осужденных полагают, что деятельность правоохранительных органов в нашей стране нельзя считать справедливой. В их среде присутствуют крайне отчужденное, настороженное отношение к правоохранительным органам, явно негативная оценка как самой их деятельности, так и лиц, ее выполняющих. По мнению респондентов, наиболее несправедливой является деятельность судебной системы [11, с. 68]. Общими (для осужденных за различные виды преступлений) чертами представления об обстоятельствах совершенного преступления являются расхождение с материалами дела, формальное признание вины, претензии к справедливости вынесенных приговоров. Все категории осужденных прибегают к оправданию своих действий в форме общих рассуждений о чести, достоинстве, долге, справедливости, поборниками которых они себя представляют. Проявляется тенденция оправдывать свое преступное поведение тем, что российское законодательство, по мнению опрошенных, отвечает интересам только обеспеченных слоев населения и поэтому действует избирательно [8, с. 53].

Изучение представлений осужденных о неформальной нормативной системе, функционирующей в местах лишения свободы, показало, что большинство респондентов, независимо от их субкультурного статуса, считают, что неформальная нормативная система оказывает существенное влияние на их жизнь. В первую очередь, это проявляется в том, что именно благодаря неформальным нормам и правилам в исправительном учреждении обеспечивается порядок, не допускается беспредел, а возникающие конфликты разрешаются без применения насилия. Альтернативы нормам и правилам, действующим в среде осужденных, не существует, так как неформальная нормативная система, максимально учитывающая как интересы самого человека, так и других членов тюремного сообщества, показала свою жизнеспособность в течение длительного времени [4, с. 39].

Нами были получены данные о том, что представления условно осужденных, ранее имевших судимость и отбывавших реальное наказание, сближаются со взглядами осужденных к лишению свободы [5, с. 157]. Можно сделать вывод, что в местах лишения свободы в условиях функционирования неформальной нормативной системы и интенсивного дискурса относительно таких значимых для общности осужденных тем, как оценка действующего права и практики его применения, эффективности функционирования правовых институтов государства, в групповом правосознании осужденных формируются представления о несправедливости официальной правовой системы, что способствует нейтрализации социально-правового контроля.

Для коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных необходима комплексная работа, которая должна включать в себя деятельность по минимизации асоциального влияния тюремной субкультуры не только на лиц, находящихся в местах лишения свободы, но и на сотрудников уголовно-исполнительной системы. В проведенном нами исследовании по изучению влияния субкультуры осужденных на персонал исправительного учреждения сотрудники указали на то, что ориентируются на неформальные нормы среды осужденных и активно используют их при решении своих служебных задач. Большинство опрошенных отметили использование сотрудниками жаргона как на работе при взаимодействии с коллегами и осужденными, так и в домашнем общении с близкими [6, с. 96]. Нарушения закона, допускаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, являются для осужденных ключевым основанием делигитимизации и обесценивания существующего правового порядка.

Сотрудники исправительных учреждений должны неукоснительно соблюдать законность, не отступать от правил отбывания наказания во всех сферах взаимодействия с осужденными. Отечественные специалисты подчеркивают, что именно профессионализм сотрудников исправительных учреждений является сдерживающим фактором для распространения криминальной субкультуры [15, с. 46]. Профессиональная подготовка должна быть направлена не только на повышение уровня правовой и общей культуры сотрудников, но и способствовать росту социально-психологической компетентности персонала. Владение сложными умениями и навыками социального взаимодействия, оптимальными способами поведения в конфликтных ситуациях, позволят сотрудникам быстро принимать решения по их продуктивному разрешению.

М. Г. Дебольский, рассматривая особенности взаимоотношений между персоналом и осужденными и возможности их оптимизации с целью повышения эффективности исправительного процесса, акцентирует внимание на том, что особо важное значение психологическая подготовка имеет для начальников отряда и сотрудников отдела безопасности, которые непосредственно общаются с осужденными. Особенно психологические знания и умения нужны сотрудникам в сложных конфликтных ситуациях, когда осужденные демонстративно нарушают режим содержания, оскорбляют сотрудников, отказываются выполнять законные требования, тем самым провоцируя на спонтанные противоправные действия [2, с. 209]. Обучение сотрудников адекватному применению психолого-педагогических и административно-правовых мер воздействия на поведение осужденных должно проводиться в рамках занятий по служебной подготовке.

Для снижения влияния на содержание правосознания осужденных тюремной субкультуры сотрудникам необходимо использовать разнообразные приемы по дискредитации якобы «высокоморальных» и «справедливых» принципов неформальной регламентации, приводить конкретные примеры того, как на самом деле корыстна, коррумпирована и беспринципна тюремная субкультура. Особенно важно показывать ее чрезвычайную жестокость по отношению к членам своего же сообщества.

Как уже отмечалось выше, осужденные вроде бы согласны с необходимостью правового регулирования общественных отношений, но при этом крайне негативно относятся как к практике применения правовых норм, так и к социальным институтам, осуществляющим деятельность в данной сфере. Они полагают, что правовая политика государства не имеет под собой моральной основы, отказывают ей в справедливости, что повышает значимость неформальных норм тюремной субкультуры в регуляции социального поведения. В связи с этим правовое просвещение должно быть направлено на информирование осужденных о мерах, предпринимаемых государством по повышению роли права в современном российском обществе. С этой целью можно использовать контент специализированных телевизионных каналов («Закон-ТВ», «НТВ-право» и др.), а также и других программ, освещающих актуальные вопросы и проблемы в области правоприменительной практики государства.

Психологическая коррекционная работа в первую очередь должна быть направлена на предотвращение риска рецидивной преступности. М. Г. Дебольский, анализируя подходы к прогнозированию криминального поведения (рецидивизма) осужденных за рубежом, выделяет два главных подхода: клинический и статистический (актуарный). Клинический подход ориентируется на углубленное изучение личности осужденного и предсказание ее опасности на основе результатов медицинского и психологического обследования специалистами и практическими работниками. Актуарный подход предполагает изучение

только объективных характеристик осужденных, таких как возраст, количество судимостей и ряда других, с последующим расчетом соответствующего риска. Описывая работу исследователей по совершенствованию актуарных методик, в ходе которой в них были включены дополнительные показатели, такие как «динамические факторы риска», т. е. те параметры, которые способны изменяться с течением времени и по-разному проявляться в различных ситуациях, автор делает вывод о необходимости продолжить в нашей стране исследования по апробации опросника СисОП (система оценки правонарушителей) [1, с. 39—42].

Рассматривая отечественный опыт оценки рецидивизма, М. Г. Дебольский указывает, что основной парадигмой советской, а затем и российской пенитенциарной науки и практики является определение критериев исправления осужденного. С одной стороны, данная парадигма предпочтительней зарубежных методов, так как ориентируется на гуманистический подход, с другой стороны, такая позиция достаточно идеализирована, так как предполагает, что человек, раскаявшийся в содеянном и положительно характеризующийся во время отбывания наказания, и после освобождения также будет вести законопослушный образ жизни, в том числе и в неблагоприятных жизненных условиях. Учитывая вышеизложенное, концепция оценки риска рецидива является более прагматичной, чем концепция оценки показателей исправимости личности осужденного для прогноза поведения человека после освобождения [1, с. 44].

Солидизируясь с позицией М. Г. Дебольского, полагаем, что концепция оценки риска рецидива является более утилитарной и практичной по сравнению с концепцией оценки показателей исправимости личности. Деформации в правосознании осужденных, произошедшие в том числе и под влиянием социальной среды мест лишения свободы, также относятся к факторам, способствующим рецидивной преступности. В группе лиц, осужденных впервые, факторов риска рецидива совершения преступления меньше по сравнению с группой осужденных, неоднократно отбывавших наказание в виде лишения свободы. Работа по коррекции содержания психологии группового правосознания осужденных прежде всего должна осуществляться с людьми, впервые отбывающими наказание в виде лишения свободы. Необходимо принять меры по блокированию влияния на сознание и поведение осужденных норм и правил субкультуры мест лишения свободы, препятствовать процессу идентификации с тюремным сообществом и формированию мировоззрения, оправдывающего оппозицию по отношению к правовой системе государства.

Лица, впервые отбывающие наказание, имеют меньшую деформированность ценностно-смысловой сферы, что облегчает процесс противодействия отрицательному влиянию группового правосознания осужденных. В нашем исследовании были получены данные о том, что впервые осужденные по сравнению с неоднократно судимыми обладают более высоким уровнем развития активности в сфере осуществления смысла жизни; большей опосредованностью смысла жизни жизненными целями и планами, меньшей дезинтеграцией ценностно-смысловой сферы. Указанные различия обусловлены тем, что нахождение в местах лишения свободы приводит к упрощению системы ценностных ориентаций и актуализации низших терминальных ценностей. В процессе отбывания наказания осужденные становятся более «тюремнизированными», а это находит отражение в изменении их ориентации в сфере сознания [10, с. 60].

Психологическая коррекция должна быть направлена на то, чтобы не допустить окончательного разрыва между обществом и людьми, впервые попавшими в места лишения

свободы, минимизировать асоциальное влияние на правосознание неформальных норм и правил поведения. Для реализации указанных задач можно использовать разработанную нами и апробированную психокоррекционную программу, состоящую из двух частей. В первую часть входят занятия, направленные на осознание осужденными социальной ценности правовых норм. Они включают информационный блок и групповую дискуссию по вопросам, касающимся информации, сообщаемой ведущим. Вторая часть программы построена на применении такого методического приема, как анализ конкретных ситуаций. Для рефлексии осужденными собственного поведения в правовой сфере проводятся групповые обсуждения ситуаций совершения преступлений [3; 7].

В целях ослабления действия психологических защит в качестве материалов для проведения групповых занятий используются описания обстоятельств совершения преступлений, сделанные другими осужденными (не членами группы). В описаниях сохраняется авторская лексика, ситуации содержат типичные самооправдания, что делает предлагаемый для обсуждения материал «своим» для осужденных и тем самым ослабляет их сопротивление новой информации. Основой для обсуждения могут послужить и ситуации, предложенные участниками группы. Для усиления коррекционного эффекта в группу должны быть включены осужденные, отбывающие наказание за различные виды преступлений, согласные и несогласные с приговором суда, что позволит использовать в полной мере главный механизм групповой психокоррекционной работы — конфронтацию [3, с. 77—87].

Психологическая работа по коррекции содержания психологии правосознания с неоднократно судимыми осужденными затруднена наличием объективно большого количества факторов риска рецидива совершения преступлений. Рост числа судимостей в виде лишения свободы, который отрицательно влияет на социально полезные связи, приводит к их ослаблению и разрыву. Неоднократно судимые лица, как правило, имеют в своем прошлом крайне негативный опыт взаимодействия с обществом и его социальными институтами.

Е. В. Татаринцева, рассматривая проблемные вопросы правового воспитания осужденных, отмечает, что «в литературе и в жизни нередко высказывается мысль о том, что человеку, отпущенному на свободу, общество простило. Однако часто ли мы задумываемся о том, простили ли обществу человек, отбывший лишение свободы? Прежде всего можно показать на материалах бесчисленных уголовных дел и бесед, что тот, кто постепенно превратился в рецидивиста, начинал свое «перевоспитание» в колонии для несовершеннолетних. В детстве и юности он был обделен самым необходимым: вниманием, добрым общением, нередко даже едой — и вынужден был добиваться этого доступными для себя средствами и без умения делать выбор» [14, с. 116].

Многие из тех, кто неоднократно отбывал наказание в местах лишения свободы, лишены таких стимулов к правопослушному поведению, как возможность реализовать свой личностный потенциал в социально значимой и полезной деятельности, находясь рядом с любящими людьми. Логично предположить, что у большинства осужденных из данной группы жизнь на свободе не была наполнена положительными событиями и поэтому не вызывает радостных воспоминаний. Ценить жизнь на свободе и бояться ее лишиться могут только те люди, которым есть, что терять. В случае когда позитивные моменты в жизни до осуждения отсутствовали и в настоящий момент также не происходит ничего хорошего, человек настроен на критическое восприятие общества и его норм, поскольку не считает себя его полноценной частью.

Нами было предпринято эмпирическое исследование, целью которого явилось изучение представлений о своей жизни на свободе у неоднократно судимых осужденных мужчин. В нем приняли участие 68 неоднократно судимых осужденных мужчин, отбывающих наказание в ФКУ ИК № 23 УФСИН России по Мурманской области (под нашим руководством в сборе эмпирических данных принимала участие А.А. Панкратова). Для сбора эмпирического материала использовалось нарративное интервью по изучению представлений о своей жизни на свободе у неоднократно судимых осужденных мужчин, в ходе которого респондентам предлагалось рассказать историю их жизни, начиная с того времени, когда они были детьми, вплоть до настоящего времени. В ходе интервью также задавались вопросы о событиях, упомянутых ими ранее в своем повествовании, для пояснения прерванных линий рассказа, малопонятных для интервьюера мест.

Всего было получено 473 истории, анализ содержания которых позволил выделить центральные тематические области, связанные с определенными временными отрезками жизни респондентов: «родительская семья»; «школьные годы»; «проведение свободного времени»; «создание собственной семьи». Анализ их содержания показал, что большинство осужденных, вспоминая свое детство, указывали на то, что росли в неполной семье и их воспитанием занималась либо бабушка, либо одна мать. Респонденты, которые воспитывались одной матерью, были обделены материнским вниманием и чаще всего предоставлены сами себе.

Часть опрошенных воспитывались в детском доме («с самого рождения я жил в детском доме. Ничего не знаю о своих родителях»), около трети указали, что их детство прошло в полной, но неблагополучной семье. В таких рассказах респонденты вспоминали, что в основном проводили время на улице, редко взаимодействовали с родителями, вели бродяжнический образ жизни («про родных ничего не хочу говорить, честно и не помню. У меня только воровство всплывает, воспитывался в полной семье, нас трое было, родители постоянно находились в запоях, мы постоянно были на улице, ну, получается, улица нас и воспитала»). Неоднократно судимые осужденные мужчины рассказывали, что в школьные годы и после ухода из учебных заведений свое свободное время они проводили за употреблением алкоголя, наркотиков, в компании друзей, ведущих асоциальный образ жизни.

Таким образом, можно говорить о том, что жизнь на свободе у большинства неоднократно судимых мужчин протекала в условиях, неблагоприятных с точки зрения усвоения социальных норм и ценностей, и не ассоциируется со счастьем и радостью. Полученный асоциальный опыт способствует криминогенной деформации сознания, которая в процессе отбывания наказания усиливается под влиянием интенсивного дискурса в условиях социальной изоляции, в ходе которого осужденные обесценивают действующее право, убеждая себя в несправедливости понесенного наказания. Восприятие себя как ущемленной группы позволяет обеспечить неформальной нормативной системе моральную основу, опирающуюся, по мнению осужденных, на принцип справедливости. Долгие годы жизни по «тюремным понятиям» приводят к тому, что неоднократно судимые осужденные и не представляют себя в качестве законопослушных граждан.

Поэтому, на наш взгляд, проведение групповой коррекционной работы с данной группой осужденных не принесет желаемых результатов. Индивидуальная коррекционная работа может проводиться преимущественно с теми осужденными, которые устали от криминального образа жизни и хотят его изменить, но испытывают страх перед теми трудностями, с которыми будет сопряжен данный выбор. Задача психолога в такой

ситуации помочь человеку решиться на перемены и выстроить значимые для себя приоритеты на основе осознания тех преимуществ, которые присутствуют в жизни людей, живущих в согласии с действующими законами.

Специфика содержания психологии группового правосознания осужденных в первую очередь обусловлена тюремной субкультурой, и без систематической работы по уменьшению ее влияния в местах лишения свободы будет сохраняться благоприятная среда для конструирования взглядов, обесценивающих значимость существующего правопорядка. Раздельное содержание осужденных в зависимости от их криминального опыта (впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы) существенно облегчает проведение с ними дифференцированной работы по коррекции правосознания. Поэтому важной частью обучения пенитенциарных психологов должна стать психологическая подготовка к осуществлению психологического сопровождения процесса правовой ресоциализации в местах лишения свободы. С этой целью в Вологодском институте права и экономики ФСИН России была введена дисциплина «Психология правосознания осужденных», направленная на совершенствование психологических умений и навыков в области применения основных методов психологического изучения правосознания осужденных и средств психокоррекционного воздействия в процессе индивидуальной и групповой работы с осужденными различных категорий.

Литература

1. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 15.06.2018).
2. Дебольский М.Г. Оптимизация отношений между персоналом и осужденными как предпосылка исправления осужденных // Преступление, наказание, исправление (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): III Междунар. пенитенциар. форум: сб. тез. выступлений и докл. участников (г. Рязань, 21—23 нояб. 2017 г.): в 8 т. Т. 4. Ч. 1. Рязань, 2017. С. 206—211.
3. Сучкова Е.Л. Коррекция правовых представлений осужденных: метод. рекомендации для психологов уголов.-исполн. системы. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. 114 с.
4. Сучкова Е.Л. Представления осужденных о неформальной нормативной системе, функционирующей в местах лишения свободы // Юридическая психология. 2012. № 2. С. 37—39.
5. Сучкова Е.Л. Представления о правовой действительности условно осужденных // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 153—161.
6. Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Влияние субкультуры осужденных на ценностно-мотивационную сферу сотрудников УИС // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 94—96.

7. Сучкова Е.Л. Коррекция неадекватных правовых представлений осужденных средствами групповой психологической работы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2 (53). С. 45—48.
8. Сучкова Е.Л. Представления осужденных о собственном поведении в правовой сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 49—54.
9. Сучкова Е.Л. Отражение правовой действительности в групповом правосознании осужденных // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 2014. № 4 (64). С. 219—223.
10. Сучкова Е.Л., Штефан Е.Ф. Психологическая коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 58—62.
11. Сучкова Е.Л. Представления осужденных о справедливости в правовом контексте // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1 (34). С. 61—69.
12. Сучкова Е.Л. Представления осужденных о праве и законе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 2016. № 3 (71). С. 205—209.
13. Сучкова Е.Л. Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018 (8). № 2. С. 101—112. doi. 10.17759/psylaw.2018080208
14. Татаринцева Е.В. Правовое воспитание: методология и методика. М. : Высш. шк., 1990. 174 с.
15. Чернышкова М.П., Дебольский М.Г. Криминальная субкультура в среде несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы, и профилактика ее распространения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2 (35). С. 41—47.

Activity areas on the correction of the psychology content of the convict's group sense of justice

Suchkova E.L., PhD (Psychology), Professor Department of Organization of Psychological Service in Penal System, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (elizavetasuchkova@yandex.ru)

In the article the issues of correction of the psychology content of the convict's group sense of justice are considered in the context of activities to improve the measures of psychological and pedagogical influence on persons in prison. Based on the analysis of the materials of the research conducted by the author it is concluded that in the process of serving the sentence in the group legal consciousness of convicts, legal ideas about the injustice of the formal legal system are constructed. Under these conditions a significant role in the regulation of behavior begins to belong to the norms of behavior adopted in the prison community, which contributes to the criminalization and "prisonisation" of the consciousness of convicts. It justifies the need to carry out activities to minimize the asocial influence of the prison subculture both on persons in prison and on the staff of the penal system. The conclusion is made about the need for a differentiated approach to the conduct of psycho-correctional work on changing the legal representations of convicts. For those who are in prisons for the first time programs on group work and legal education are offered. Convicted persons who have been convicted several times mainly with those who have become disillusioned with their way of life and intend to change it, taking advantage of the law-abiding behavior, individual correctional work is recommended.

Keywords: convicts; group sense of justice; prison subculture; informal regulation; concept of risk assessment for recidivation; psycho-correctional work.

References

1. Debol'sky M.G. Problemy riska retsidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennykh [Elektronnyy resurs] [Problems of the risk of recidivation during the parole of convicts]. *Psikhologiya i pravo*. [Psychology and law], 2014. vol. 4, no.1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (Accessed 15.06.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Debol'sky M.G. Optimizatsiya otnosheniy mezhdu personalom i osuzhdennymi kak predposylka ispravleniya osuzhdennykh [Optimization of relations between staff and convicts as a prerequisite for the correction of convicts]. *"Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii): III Mezhdunar. penitentsiar. Forum"*: sb. tez. vystupleniy i dokl. uchastnikov (g. Ryazan', 21—23 noyab. 2017 g.). [*Crime, punishment, correction (on the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): III Intern. Penal Forum*": Sat. theses of speeches and reports of participants]. (Ryazan, November 21—23, 2017). Ryazan', 2017. vol. 4. no. 1. pp. 206—211.

3. Suchkova E.L. Korrektsiya pravovykh predstavleniy osuzhdennykh: metod. rekomendatsii dlya psikhologov ugolov.-ispoln. Sistemy [Correction of the legal representations of convicts: method. recommendations for psychologists of the penal system]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2011. 114 p.
4. Suchkova E.L. Predstavleniya osuzhdennykh o neformal'noy normativnoy sisteme, funktsioniruyushchey v mestakh lisheniya svobody [Conceptions of convicts about the informal regulatory system operating in places of detention]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology], 2012. no. 2. pp. 37—39. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Suchkova E.L. Predstavleniya o pravovoy deystvitel'nosti uslovno osuzhdennykh [Representations of legal reality of convicts on probation]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology], 2012. no.3. pp. 153—161. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Suchkova E.L., SHtefan E.F. Vliyanie subkul'tury osuzhdennykh na tsennostno-motivatsionnyuyu sferu sotrudnikov UIS [Some impact of subculture of the convicted on value-motivational sphere of penal officers]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2012. no. 4 (20). pp. 94—96.
7. Suchkova E.L. Korrektsiya neadekvatnykh pravovykh predstavleniy osuzhdennykh sredstvami gruppovoy psikhologicheskoy raboty [Correction of convicts' inadequate legal conceptions by means of group therapy]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in Law Enforcement], 2013. no. 2 (53). pp. 45—48. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Suchkova E.L. Predstavleniya osuzhdennykh o sobstvennom povedenii v pravovoy sfere [Conceptions of convicts about their own legal behavior]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in Law Enforcement], 2014. no. 2 (57). pp. 49—54. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Suchkova E.L. Otrazhenie pravovoy deystvitel'nosti v gruppovom pravosoznanii osuzhdennykh [Reflection of legal reality in the group law consciousness of convicted criminals]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD [Magazine «Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia»], 2014. no. 4 (64). pp. 219—223. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Suchkova E.L., SHtefan E.F. Psikhologicheskaya korrektsiya tsennostno-smyslovoy sfery osuzhdennykh, v pervye otbyvayushchikh nakazanie v vide lisheniya svobody [Psychological correction value-sense sphere of convicts serving sentences for the first time in the form of imprisonment]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2015. no. 1 (29). pp. 58—62.
11. Suchkova E.L. Predstavleniya osuzhdennykh o spravedlivosti v pravovom kontekste [Convicts notions of justice in the legal context]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology], 2016. no. 1 (34). pp. 61—69. (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Suchkova E.L. Predstavleniya osuzhdennykh o prave i zakone [Convicts notions on the right and law]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD [Magazine «Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia»], 2016. no. 3 (71). pp. 205—209. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Suchkova E.L. Kontseptsiya issledovaniya psikhologii gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh [Elektronnyy resurs] [The study concept of the psychology of group legal conscience of convicts]. Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2014. vol.8 no. 2. pp. 101—112. doi. 10.17759/psylaw.2018080208. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Tatarintseva E.V. Pravovoe vospitanie: metodologiya i metodika [Legal Education: methodology and methodic]. Moscow: Vyssh. shk., 1990. 174 p.
15. CHernyshkova M.P., Debol'sky M.G. Kriminal'naya subkul'tura v srede nesovershennoletnikh, soderzhashchikhsya v mestakh lisheniya svobody, i profilaktika ee rasprostraneniya [The criminal subculture among minors held in places of detention and the prevention of its spread]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology], 2016. no. 2 (35). pp. 41—47. (In Russ., abstr. in Engl.).

Направления и формы развития правовой культуры педагогических работников

Умняшова И. Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (umnjashovaib@mgppu.ru)

Егоров И. А., начальник отдела кадров и документооборота ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (egorovpravo@mail.ru)

В статье обосновывается актуальность развития правовой культуры педагогических работников как уровня развития индивидуального правового сознания. Обсуждаются различные подходы к формулировке понятия «правовая культура» как части общей культуры общества. Раскрываются понятия «правовая (юридическая) грамотность» и «правовая компетентность» как основания для формирования и развития правовой культуры педагогических работников. Подчеркивается значение развития правовой культуры педагогов для формирования правовой грамотности и правовой культуры обучающихся. Дается представление о структуре правовой культуры педагогических работников, основанной на знании и умении осознанно применять в профессиональной деятельности основные положения нормативных правовых документов. Сформулированы предложения к организации мероприятий по повышению правовой культуры педагогических работников, включающие в себя цель и задачи развития правовой культуры педагогов, рекомендуемые формы проведения и актуальную тематику занятий.

Ключевые слова: правовая культура, правовая (юридическая) грамотность, правовая компетентность, правосознание.

Для цитаты:

Умняшова И.Б., Егоров И.А. Направления и формы развития правовой культуры педагогических работников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 144-154.
doi: 10.17759/psylaw.2019090111

For citation:

Umnyashova I.B., Egorov I.A. Directions and forms of development of legal culture of pedagogical employees. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.144-154.
doi: 10.17759/psylaw.2019090111

Правовая культура описывается рядом исследователей как «разновидность общей культуры, состоящей из духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности» [9, с. 276]. В настоящее время в юридической науке доминируют два варианта трактовки понятия «правовая культура»:

- «совокупность правовых явлений общества: законодательство (юридические предписания), юридические учреждения, юридическая практика (деятельность официальных государственных органов и правовое поведение граждан), правовое сознание;

- определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правового сознания» (более распространенная трактовка) [10, с. 296].

Применительно к каждому конкретному человеку, правовая культура — это «знание и понимание права, осознанное исполнение его предписаний» [9, с. 279]. На уровне конкретной личности правовая культура проявляется «в глубоком знании и понимании права, высокосоциальном исполнении его предписаний как осознанной необходимости и внутренней потребности» [10, с. 296]. «Правовая культура личности выражается в овладении основами юридических знаний, в уважении к закону, праву, сознательном соблюдении норм права, в понимании социальной, юридической ответственности, в нетерпимости к правонарушениям, в борьбе с ними» [7].

Одним из важнейших показателей правовой культуры общества является «уровень массового правосознания и интенсивность общего правового воспитания. Правовая культура — это, прежде всего, “качественно насыщенное” правосознание. Правовая культура всегда связывается с оценкой уровня знаний и пониманием права, степенью веры в право, развитостью чувства права и законности» [2, с. 150].

О.В. Фролов, анализируя понятие «правовая культура» в юридической, философской, педагогической, социологической литературе, подчеркивает, что «... в настоящее время отмечается научный интерес ученых к этому феномену» [15]. На основе проведенного анализа, автор формулирует собственное определение правовой культуры педагогических работников как «... совокупный опыт нравственного поведения субъекта культуры, актуализированный в ситуации правового выбора, закрепленный предшествующими культурными практиками и образцами нормативной или ненормативной общественной деятельности» [15, с. 117].

Одним из направлений государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан является «... развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права» [11, п. 15]. Ранее были опубликованы результаты наших исследований о роли и месте образовательного процесса, в том числе юридических знаний в формировании правосознания и правовой культуры обучающихся [3; 4; 6]. Также нами ранее отмечалось, что развитие правового сознания и правовой культуры обучающихся невозможно в ситуации несоблюдения и непринятия педагогическими работниками правовых норм, установленных в конкретной образовательной организации. Отношение к правовой действительности и практике реализации правовых норм формируется, в том числе, не только в процессе обучения, но и в процессе пребывания обучающихся в образовательной

организации, «... когда они в своей деятельности сталкиваются с необходимостью соблюдения установленных норм и наблюдают степень соблюдения/не соблюдения этих норм педагогическими работниками, администрацией школы, родителями, другими обучающимися» [5]. Чтобы формировать правовую грамотность и правовую культуру у обучающихся, педагогические работники должны сами обладать высоким уровнем правовой культуры и положительными правовыми установками [1].

Правовая культура педагогических работников включает в себя: «умение рефлексировать (осмысливать собственные действия), контролировать внутренние чувства, регулировать эмоциональные состояния, нравственные переживания, критически анализировать профессиональную деятельность с точки зрения права, формулировать выводы с нравственной и правовой позиций» [15]. **Правовая культура** педагогических работников основывается на **правовой (юридической) грамотности** (знании основных положений нормативных правовых документов, регламентирующих отношения в области образовательного права) и **правовой компетентности** (умении ориентироваться в правовой системе и применять в профессиональной деятельности основные положения нормативных правовых документов).

Правовая (юридическая) грамотность «определяется:

- как способность понимать слова, используемые в правовом контексте, делать выводы из них, а затем использовать эти выводы для принятия мер;

- способность критически оценивать сущность закона, правовой процесс и имеющиеся правовые ресурсы, а также эффективно использовать правовую систему и формулировать стратегии по ее совершенствованию;

- знание своих прав и обязанностей и нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между людьми, социальными общностями, организациями; умение применять правовые знания при анализе конфликтных ситуаций, давать правовую оценку действиям социальных субъектов» [8].

Правовая (юридическая) грамотность педагогических работников включает в себя знания:

- основных положений международного и национального права в области прав человека;

- положений законодательства в области прав и обязанности участников образовательных отношений;

- основных направлений государственной политики РФ в области организации образовательного процесса для различных категорий обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями;

- основных направлений государственной политики РФ в области организации профессиональной деятельности педагогических работников.

Правовая компетентность педагогических работников — это «... качество действий работника, обеспечивающих эффективное использование в профессиональной деятельности законодательных и иных нормативных правовых документов органов власти

для решения соответствующих профессиональных задач» [13]. Правовая компетентность педагогических работников заключается в способности смыслового прочтения международных и национальных (российских) нормативных правовых актов и умении использовать положения этих документов в своей профессиональной деятельности.

В октябре 2017 года Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Минобрнауки России направил в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, муниципальные органы управления образованием, руководителям образовательных организаций **методические рекомендации по организации мероприятий по повышению правовой грамотности всех субъектов образовательных отношений**: обучающихся, их родителей (законных представителей) и педагогических работников. Данное письмо было разработано в соответствии с Планом мероприятий по реализации «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [14]. В документе отмечается, что «... развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод. Формирование высокого уровня правовой культуры, традиций безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добросовестности и добросовестности — основные направления деятельности образовательных организаций по формированию основ гражданственности и правовой культуры. Достижение указанных целей возможно лишь при грамотной организации, в первую очередь в образовательных организациях, работы по повышению правовой грамотности всех участников образовательных отношений: обучающихся, их родителей (законных представителей) и педагогических работников, участвующих в воспитании детей» [12, с. 1].

В документе сформулированы «рекомендации по проведению мероприятий по повышению правовой грамотности педагогических работников, участвующих в воспитании детей» [12]. При этом, с нашей точки зрения, в документе встречается ряд неточностей в использовании тех или иных терминов и понятий. Например, цели проведения мероприятий по *повышению правовой грамотности педагогических работников* включают в себя «*развитие правовой компетентности педагогов в области воспитания несовершеннолетних и совершенствование системы правоотношений субъектов учебно-воспитательного процесса организаций образования Российской Федерации*» (*курсив авторов статьи*) [12, с. 5]. С нашей точки зрения, правовая грамотность — более узкое понятие, чем правовая компетентность, и более уместно в данном случае говорить о необходимости повышения правовой культуры педагогических работников; при этом развитие правовой грамотности и правовой компетентности могут выступать задачами программы мероприятий, направленных на повышение правовой культуры педагогических работников, а совершенствование системы правоотношений субъектов образовательных отношений будет одним из результатов данной программы.

Также, с нашей точки зрения, требует уточнения перечень *основных форм мероприятий по повышению правовой грамотности педагогических работников, участвующих в воспитании детей*. В настоящее время в документе указаны следующие формы мероприятий, способствующих развитию правовой грамотности педагогических работников: «лекции, беседы; консультации, тренинги, семинары-практикумы; другие формы просветительских мероприятий» [12, с. 6]. Считаем важным указать на низкую

эффективность лекционных форм такого рода обучения и необходимость расширения перечня не только и не столько просветительскими, сколько развивающими мероприятиями, например, организационно-деловыми играми и кейс-заданиями, в процессе которых будут созданы учебные и внеучебные (внеурочные) ситуации, способствующие развитию правовой компетентности. Не менее важным для формирования правовой культуры педагогических работников является проведение круглых столов и диспутов, в процессе которых создаются условия для развития собственной позиции у всех участников мероприятия.

Подводя итог всему вышесказанному, важно еще раз подчеркнуть значимость развития правовой культуры у педагогических работников для реализации актуальных и приоритетных задач современной системы образования. Основная **цель развития правовой культуры педагогических работников** — создание условий, способствующих повышению способностей к анализу и практическому применению основных положений нормативных правовых документов в процессе реализации профессиональных задач.

Задачи развития правовой культуры педагогических работников.

1. Повышение уровня правовой (юридической) грамотности педагогических работников в вопросах:

- международного и национального права в области прав человека;
- российского права в области прав и обязанностей участников образовательных отношений;
- государственной политики РФ в области организации образовательного процесса для различных категорий обучающихся, в том числе для обучающихся с особыми образовательными потребностями;
- государственной политики РФ в области организации профессиональной деятельности педагогических работников.

2. Повышение уровня правовой компетентности педагогических работников, проявляющейся в сформированности навыков ориентировки и применения в профессиональной деятельности основных положений международного и национального права в области прав человека и организации образовательного процесса для различных категорий обучающихся.

Мероприятия по повышению правовой грамотности педагогических работников, участвующих в воспитании детей, должны обеспечивать:

- нетерпимое отношение к противоправным деяниям, подразумевающее необходимость безусловного привлечения виновного в нарушении установленных норм к ответственности в каждом случае;
- готовность педагогических работников выстраивать профессиональную деятельность в соответствии с положениями нормативных правовых документов;

- совершенствование системы правоотношений субъектов образовательных отношений, в том числе создание условий для соблюдения прав всех субъектов образовательных отношений.

Основные формы развития правовой культуры педагогических работников: проблемная лекция, практические занятия (решение кейс-задач), организационно-деловая игра, дискуссия (круглый стол, диспут).

Тематика занятий для педагогических работников.

1. Права человека в международных и национальных (российских) нормативных правовых документах: Всеобщая декларация прав человека, Европейская социальная хартия, Конвенция о правах ребенка, 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

2. Основные направления государственной политики РФ в сфере образования: Десятилетие детства в РФ; Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года.

3. Характеристики образовательного права в РФ: основные положения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»; ФГОС общего образования: структура документа, содержание системы требований.

3. Правовой статус педагогического работника (права, обязанности, ответственность, запреты и ограничения). Профессиональные стандарты педагогических работников. Виды специальной ответственности педагогических работников. Требования к соблюдению интеллектуальных (авторских) прав третьих лиц и защите их персональных данных.

4. Нормативно-правовое обеспечение профессиональной деятельности с различными категориями обучающихся с особыми образовательными потребностями (одаренные и высокомотивированные дети, обучающиеся с ОВЗ, дети из семей мигрантов, дети в трудных жизненных ситуациях и т. д.).

5. Нормативно-правовое обеспечение профессиональной деятельности педагогических работников, направленной на предупреждение различных видов аддиктивного поведения среди детей и подростков (профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, суицидального поведения, буллинга, химической и нехимической зависимостей, ксенофобии и экстремизма, рискованного поведения и т. д.).

6. Нормативно-правовое обеспечение деятельности служб школьной медиации.

Литература

1. *Агатимова Э.И.* Образовательные организации как институт влияния на формирование правосознания лиц молодежного возраста // Право. Законодательство. Личность. 2016. № 2 (23). С. 7—13.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби; Проспект, 2008. 576 с.
3. *Егоров И.А.* Юридическая психология и федеральные государственные

-
- образовательные стандарты третьего поколения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46578.shtml> (дата обращения: 09.08.2018).
4. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 61—69. doi:10.17759/psyedu.2014060307
 5. Егоров И.А., Умняшова И.Б. Проблема формирования правосознания обучающихся в условиях децентрализации нормативного регулирования деятельности образовательных организаций // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 16—22. doi:10.17759/chp.2017130303
 6. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов к 3-й Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. 2012. С. 202—204.
 7. Иоффе А.Н. Правовая грамотность школьников не на высоте [Электронный ресурс] // Учительская газета. — URL: <http://www.ug.ru/article/995/version/print> (дата обращения: 09.07.2018).
 8. Ключевые компетенции и новая грамотность [Электронный ресурс] // Сайт Института образования НИУ ВШЭ. URL: <https://ioe.hse.ru/21skills/literacy/legal#concept> (дата обращения: 09.07.2018).
 9. Общая теория права и государства: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 2005. 575 с.
 10. Общая теория права и государства : учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 592 с.
 11. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2001. № 151.
 12. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 03.10.2017 № 09-1995 «О направлении рекомендаций» // Вестник образования. 2017. № 23.
 13. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 14.08.2009 № 593 «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» (утратил силу) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2009. № 11.
 14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 2015. № 122.

Умняшова И.Б., Егоров И.А. Направления и формы развития правовой культуры педагогических работников. *Психология и право psyandlaw.ru* 2019. Том 9. №1. С. 144-154.

Umnyashova I.B., Egorov I.A. Directions and forms of development of legal culture of pedagogical employees. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2019. Vol. 9. no.1. pp. 144-154.

15. *Фролов О.В.* Правовая культура в контексте педагогической рефлексии // *Правовая культура.* 2017. № 3(30). С. 114—123.

Directions and forms of development of legal culture of pedagogical employees

Umnyashova I. B., PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Educational Psychology, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education (umnjashovaib@mgppu.ru)

Egorov I. A., Chief of staff and workflow dept, Moscow State University of Psychology and Education (egorovpravo@mail.ru)

The article rationale the relevance of developing the legal culture of pedagogical employees as the level of development of individual legal consciousness. Various approaches to the formulations of the concept of "legal culture" as part of the general culture of society are discussed. The notions "legal literacy and" legal competence "as the basis for the formation and development of the legal culture of pedagogical employees are disclosed. The importance of development of legal culture of teachers for formation of legal literacy and legal culture of pupils. Authors give a presentation of the structure of the legal culture of pedagogical employees, based on the knowledge and ability to use consciously the main provisions of normative legal documents in their professional activities. Proposals are formulated for the organization of measures to improve the legal culture of pedagogical employees, which including the purpose and tasks of developing the legal culture of teachers, the recommended forms of conduct and the actual topic of the classes

Keywords: legal culture, legal literacy, legal competence, legal consciousness.

References

1. Agatimova E.I. Obrazovatel'nye organizatsii kak institut vliyaniya na formirovanie pravosoznaniya lits molodezhnogo vozrasta [Educational organizations as an institution of influence on the formation of the sense of justice of persons of youth age]. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' [Law. Legislation. Personality]*. 2016. no. 2 (23). pp.7—13.
2. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: uchebnik* [General theory of law]. — 2-e izd., pererab. i dop. Moscow : TK Velbi, Publ. Prospekt, 2008, 576 p.
3. Egorov I.A. Yuridicheskaya psikhologiya i federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty tret'ego pokoleniya [Elektronnyi resurs] [Legal Psychology and the Educational Standards of Federal Government, Third Generation] *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2011. no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46578.shtml> (Accessed 09.08.2018). (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Egorov I.A., Safuanov F.S. Obrazovatel'nyi protsess kak faktor formirovaniya pravosoznaniya [Elektronnyi resurs] [Educational process as a factor in the formation of Legal Consciousness]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014. Vol. 6. no. 3. S. 61—69. doi:10.17759/psyedu.2014060307. (In Russ., abstr. in Engl.)

-
5. Egorov I.A., Umnyashova I.B. Problema formirovaniya pravosoznaniya obuchayushchikhsya v usloviyakh detsentralizatsii normativnogo regulirovaniya deyatelnosti obrazovatel'nykh organizatsii [Formation of Legal Consciousness in Children in the Context of Decentralization of Normative Regulation of Educational Organizations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2017. Vol. 13. no. 3. pp. 16—22. doi:10.17759/chp.2017130303. (In Russ., abstr. in Engl.)
 6. Egorov I.A., Safuanov F.S. Pokazateli formirovaniya pravosoznaniya i pravovoi kul'tury v obrazovatel'nykh standartakh [Indicators of the formation of legal awareness and legal culture in educational standards]. *Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii»: Sbornik tezisev k 3-i Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem [Kochenovsky readings "Psychology and Law in Modern Russia": Book of abstracts to the 3rd All-Russian conference on legal psychology with international participation]*, 2012, pp. 202—204.
 7. Ioffe A.N. Pravovaya gramotnost' shkol'nikov ne na vysote [Elektronnyi resurs] [Legal literacy of schoolchildren is not high]. *Uchitel'skaya gazeta [Teacher's newspaper]*. URL: <http://www.ug.ru/article/995/version/print> (Accessed 09.07.2018).
 8. Klyuchevye kompetentsii i novaya gramotnost' [Elektronnyi resurs] [Core competencies and new literacy]. *Sait Instituta obrazovaniya NIU VShE [The site of the Institute of Education of the Higher School of Economics]*. URL: <https://ioe.hse.ru/21skills/literacy/legal#concept> (Accessed 09.07.2018).
 9. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva : Uchebnik [General theory of law and state] / In V.V. Lazareva (eds). 4-e izd., pererab. i dop. Moscow: Yurist", 2005, 575 p.
 10. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva : uchebnik [General theory of law and state / In V.V. Lazareva (eds). 5-e izd., pererab. i dop. Moscow : Norma : Infra-M, 2010, 592 p.
 11. Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere razvitiya pravovoi gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr—1168) [Principles of State Policy of the Russian Federation in the sphere of Legal Literacy and Legal Consciousness of Citizens (approved by the President of the Russian Federation 28.04.2011 no. Pr— 1168)]. *Rossiiskaya gazeta [Russian Newspaper]*, 2011, no. 151.
 12. Pis'mo Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 03.10.2017 № 09-1995 «O napravlenii rekomendatsii» ["On the direction of recommendations"]. *Vestnik obrazovaniya [Education bulletin]*, no. 23, 2017.
 13. Prikaz Ministerstva zdavookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii ot 14.08.2009 N 593 «Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikatsionnogo spravochnika dolzhnostei rukovoditelei, spetsialistov i sluzhashchikh, razdel «Kvalifikatsionnye kharakteristiki dolzhnostei rabotnikov obrazovaniya» (utratil silu) ["On approval of the Single qualification reference book for positions of managers, specialists and employees, the section" Qualification characteristics of the positions of educators "(lost force)]. *Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva RF [Bulletin of labor and social legislation of the Russian Federation]*, no. 11, 2009.

14. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29.05.2015 № 996-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» ["On the approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025"]. *Rossiiskaya gazeta [Russian Newspaper]*, no.122. 08.06.2015.
15. Frolov O.V. Pravovaya kul'tura v kontekste pedagogicheskoi refleksii [Legal culture in the context of pedagogical reflection]. *Pravovaya kul'tura [Legal culture]*, 2017, no. 3(30), pp. 114—123.

Психологические особенности нарративного содержания отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи

Кубышко В.Л., кандидат педагогических наук, начальник, Департамент государственной службы и кадров МВД России (kvl@fsvgroup.ru)

Статья посвящена анализу психологических особенностей нарративного позиционирования полиции Российской империи, являющейся неотъемлемой частью отметившего в 2018 году свое 300-летие органа правопорядка, в отечественных диссертационных исследованиях. С позиции субъектно-аналитической концепции В.В. Знакова доказывается противоречивое нарративное представление российской полиции императорского периода в диссертационных исследованиях по историческим и юридическим наукам, первые из которых выполнены преимущественно в гражданских вузах, а вторые – в организациях МВД России. Констатируется, что оно нуждается в ответственном научном осмыслении, а также последовательном разрешении с междисциплинарно-психологических позиций.

Ключевые слова: психология истории полиции Российской империи, социокультурная реальность, герменевтика, нарратив, дискурс-анализ, понимание-интерпретация, смысл.

Для цитаты:

Кубышко В.Л. Психологические особенности нарративного содержания отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 155-169. doi: 10.17759/psylaw.2019090112

For citation:

Kubyshko V.L. Psychological features of the narrative content of the Russian dissertation research of the police of the Russian Empire. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019(9), no. 1. pp.155-169. doi: 10.17759/psylaw.2019090112

Актуальность проблемы

Современное время носит особый, рубежный характер для страны и отличается, среди прочего, устремленностью в будущее, сплавом обеспечившими преемственность нашей истории традиций и ценностей, памятью об исторических разломах [14, с. 3-4].

Обращения к прошлому закономерны и повсеместны в общечеловеческой практике. С позиций психоанализа они могут быть интерпретированы как специфические проявления инстинктивных влечений жизнеутверждения (Libido) в процессе функционирования психического механизма тестирования реальности, выражающиеся в контроле со стороны Super-Ego оценок Ego относительно существующих вызовов и угроз, а также прогноза будущего. Субъективную силу их выраженности и полярности, как подчеркивает З. Фрейд, трудно переоценить и они неизбежно зависят от двух составляющих: личных моментов собственного опыта, а также диктуемой темпераментом, успехом или неуспехом усилий людей оптимистичности жизненной установки [18, с. 18]. Их роль и функция заключаются в умножении и укреплении жизненной энергии Ego в реализации его носителями стоящих задач.

Этот феномен обладает неисчерпаемым воздействием на людей и широко представлен в научных теориях, религиозных и жизненных практиках [2; 10]. В их контексте история полиции Российской империи, как неотъемлемая часть 300-летней истории российской полиции, является одним из высокочувствительных для соотечественников, особенно представителей органов внутренних дел, их близких и др. полей памяти прошлого, в котором тесно переплетены трагическое и героическое, правда и вымысел и т.д. От того, насколько представлена в нем та или иная сторона, какие уроки из этого извлекаются современниками, существенно зависят нравственная сила и духовная сплоченность правоохранительных органов, а значит и качество выполняемых ими задач.

Постановка проблемы

Юбилей российской полиции стал вторым (после 2002 года, когда в современной России в связи с празднованием 200-летия образования Министерства внутренних дел было впервые предпринято масштабное переосмысление его трагического прошлого) колоссальным импульсом к проведению разноплановой работы по возрождению достойной памяти о служителях правопорядка прошлых лет [7, с. 19].

Одним из объективных показателей и результатов этой деятельности являются диссертационные исследования полиции Российской империи, практически все авторефераты которых находятся в свободном доступе в интернете. Профессиональным сообществом их тематика и содержание оценивается преимущественно с конвенционально-экспертных позиций. Недостаточно искушенными пользователями первое воспринимается, в соответствии с субъектно-аналитическим подходом В.В. Знакова, в виде смыслоориентирующей метафоры, а второе – ее нарративного представления. При этом заложенные в них цели и ценности, далеко не очевидные для ряда отдельных авторов, безошибочно распознаются пользователями уже при ознакомлении с неким количеством нарративных метафор тематике данных работ. Это существенно влияет на отношение к проблеме в обществе, корпоративной среде и нуждается в более тщательном анализе.

Логично предположить, что отношение к полиции Российской империи претерпевает закономерно непростые трансформации от насаждаемого в советское время тотального

неприятия и искоренения памяти о ней у граждан страны к осмыслению в общем простой и фундаментной для каждого здравомыслящего человека истины, что это орган обеспечения внутренней безопасности страны, в рядах которого в целом достойно выполняли свой долг многие предшествующие поколения далеко не худших наших соотечественников. А поэтому они заслуживают доброй памяти о себе и воспитания современников на примерах их беззаветного служения Отечеству.

Таково отношение к истории полиции в ведущих странах мира. И эта работа ведется целенаправленно на государственном уровне. Например, во Франции еще в 2002 году было обращено внимание министра внутренних дел на издержки полицейской историографии и предложено создать историческую службу полиции для воссоздания о ней подлинной памяти [20]. Созданная спустя три года она, она постоянно совершенствуется и признается сегодня одной из самых результативных в стране [19].

В связи с этим парадоксально, что, как свидетельствует выборочный анализ посвященных полиции Российской империи научных, аналитических и иных материалов, она практически с противоположных позиций последовательно позиционируется в постсоветское время в гражданском обществе и в профессиональном ведомственном сообществе. Далеко не в последнюю очередь это задается диссертационными исследованиями [6; 8].

Выраженность данного противоречия ставит понимание полиции прошлого в посвященных ей диссертационных исследованиях в ряд концептуально значимых и обязывает к верификации нарратива их тематики, образующего четкое информационно-психологическое поле ее научного представления современниками.

Эта проблема носит отнюдь не риторический и не формальный характер, потому что отражает степень преемственности прошлого, настоящего и будущего полиции в гражданском обществе в целом, а также в профессионально-ведомственном сообществе как его неотъемлемой части, оказывая на них существенное влияние. Теоретико-методологическими основами ее рассмотрения являются работы по современной историографии и философии истории Ф. Анкерсмита, М. Кроссли и др., пониманию картины мира человеком В.В. Знакова и т.д. [1; 4; 5]. Заслуживают внимания отдельные аспекты рассмотрения проблематики нарратива в разнодисциплинарных отечественных исследованиях у И.В. Демидченкова, Е.С. Кутковой, И.В. Троцук и др. [3; 9; 17].

В соответствии с ними понимание исторического прошлого относится к социокультурной реальности и осваивается герменевтически, т.е. посредством определенных правил и техник толкования знания о нем. Способом ее освоения является нарратив с присущим ему в соответствии с авторским замыслом объединением излагаемого в целостную историю; типом его интерпретации; видением и изложением без претензий на абсолютность; его целенаправленностью, непротиворечивостью, правдоподобностью; стремлением придерживаться одной версии описания событий и др. [4, с. 51].

С этих оснований очевидно, что понимание полиции Российской империи относится к социокультурной реальности мира человека и реализуется в научном исследовании в форме нарратива. Его основная идея по сути метафорически представлена в теме этой работы.

При этом такие исследования являются нарративами настоящего о прошлом, т.е. каждым поколением или воспроизводятся, или создаются заново. Соответственно их

содержание применительно к полиции Российской империи призвано сформировать соответствующую потребности и социальному запросу настоящего модель ее понимания в современном обществе. В этом контексте Ф. Анкерсмит прямо подчеркивает, что «тайна прошлого, как и тайна человеческой индивидуальности, не обладает легко распознаваемым бытием», поэтому важно понимать, что оно эффективно создается только нарративом [1, с. 45-46].

Экспериментальное исследование и анализ полученных результатов

Для решения поставленной задачи был сформирован репрезентативный информационный банк открытых отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи (n=210). Будучи выполненными по историческим и юридическим наукам¹, они были представлены в нем двумя равными частями, каждая из которых формировалась методом рандомизации. Их анализ проводился смешанными методами (mixed methods research, MMR) [13]. С целью выявления темпоральной динамики проблемы было признано целесообразным рассматривать диссертационные исследования в рамках четырех временных периодов: 1 – 1970-1980-е гг.²; 2 – 1990-е гг.; 3 – 2000-е гг.; 4 – 2010-е гг. (2018 включительно). На первом этапе было выделено 93 метафоры нарратива исследований (n=43 по историческим и n=50 по юридическим наукам). На втором этапе те из них, по которым выполнены единичные исследования, из дальнейшего анализа были исключены. Полученные 19 метафор нарратива по историческим наукам и 17 по юридическим наукам с учетом совпадений свелись до 31 позиции (табл. 1).

Таблица 1.

Метафоры нарративов полиции Российской империи в исследованиях по историческим (n=105, в т.ч. 14 докторских) и юридическим наукам (n=105, в т.ч. 9 докторских)

№п/п	Метафора нарратива: №№ 1-19 – исторические науки, №№ 20-31 – юридические науки (курсив)	Период, кол-во, в т.ч. докт. Истор./юрид. науки				Всего
		1	2	3	4	
	III-е Отделение в государственном строе	1	2/1	1		4/1
	Департамент полиции в борьбе с ...	2		1		3
	Политический сыск	1	<u>2/1</u>	<u>8/1</u>	2/1	<u>13/3</u>

¹ Известна единственная диссертация по педагогическим наукам (В.В. Титов, 2006).

² В анализируемом банке данных одна работа по историческим наукам (Н.И. Куклина) относится к 1969 г.

			1	2		3
	Московское охранное отделение в борьбе	1		1		2
	Политическая полиция	- 1	<u>1</u> 3	5/1		<u>6/1</u> 4
	Институт жандармерии, Корпус		1	2		3
	Полиция	- 1	<u>1</u> 3	<u>5</u> 8	<u>2</u> 1	<u>8</u> 13
	Персоналии			3	5/1	8/1
	Провинциальная полиция			4		4
	Столичная полиция			2		2
	Губернаторы и генерал-губернаторы			4/1	3/1	7/2
	Губернское правление и полиция			<u>4/1</u> 2		<u>4/1</u> 2
	Политический и уголовный сыск			1	1	2
	Городская полиция			2		2
	Уголовный сыск, борьба с преступностью	- 3	<u>3</u> 6	<u>3</u> 6	<u>1</u> 3/1	<u>4</u> 12/1
	Уездная полиция			2	1	3
	Правоохранительные органы региона			1	1	2
	Губернское жандармское управление			2	2	4

	Районное охранное отделение				2	2
	<i>Карательный аппарат царизма</i>	2/1				2/1
	<i>Полицейское государство</i>	1	1			2
	<i>Полиция и нравственность</i>		2/1			2/1
	<i>Комплектование, профессиональная подготовка, социальная защищенность полиции, статус, работа с кадрами</i>		1	6	1	8
	<i>Реформа полиции</i>		1	3		4
	<i>МВД и регулирование религиозных отношений</i>			2/1		2/1
	<i>Министерство внутренних дел</i>			2	3/1	5/1
	<i>Полицейское право</i>			3/1		3/1
	<i>Взаимодействие с другими государственными органами</i>			1		1 2
	<i>МВД в крестьянской, земской и городской реформах</i>			2		2
	<i>Специальные службы в борьбе с терроризмом; правовые основы</i>			1	1	2
	<i>Оперативно-розыскная деятельность</i>				2/1	2/1
	Итого тем	6 4+4*	10 5+8*	26 18+12 *	15 10+7*	
	Итого работ	10/1	21/3	89/6	32/6	121/15

Где: знак * означает, что часть тем метафор нарратива исследований по юридическим наукам совпадает с таковыми по историческим наукам

Последующий MMR-анализ представленных в таблице 1 данных, позволил выделить ряд психологических особенностей нарративного содержания рассматриваемых исследований.

В первый период (1970-1980-е гг.) и в исторических, и в юридических исследованиях оно взаимосвязанное, маловариативное и выражено негативно по содержанию за счет сосредоточения на идее антинародного характера полиции. В некоторых случаях модальность метафор нарратива в явной форме не задана, но содержательно в советский период она была предопределена.

Во втором периоде (1990-е гг.) метафоры нарратива исследований по историческим наукам несколько количественно увеличиваются (с 4-х до 5), но качественно не изменяются. В юридических науках их количество удваивается (с 4-х до 8), при этом уже 75% из них являет выражено позитивный смысл (полиция в целом, борьба с преступностью, полиция и нравственность и др.).

В третьем периоде (2000-е гг.) метафоры нарратива исследований по историческим наукам увеличиваются почти в четыре раза (с 5 до 18) и представлены 49-ю диссертациями. При этом около половины из них (21 или 43%) посвящены проблематике политического сыска, жандармерии и т.д. с понятной модальностью. Скорее исключением является выражено безоценочный тематический нарратив исследования форменной одежды полицейских органов, побуждающий к более углубленному ознакомлению с его содержательной частью [15]. Его содержательная часть является поучительно гражданственно-патриотичной и заключается, среди прочего, в обосновании большей представленности в обмундировании жандармерии военной составляющей, а также «мимикрии под военную униформу всех остальных полицейских органов» для их поддержания «за счет использования высокого статуса и авторитета Гвардии и Армии» [Там же, с. 28].

Потенциал данного нарратива представляется явно недооцененным и безусловно перспективным для дальнейшего использования в контексте рассматриваемой проблемы.

В юридических науках количество исследований несколько меньше (38, на 12%), однако более 90% их метафор нарратива (из 12) несет выражено позитивное содержание.

В четвертом периоде (2010-е гг.) количество метафор нарратива исследований по историческим наукам сокращается почти в два раза (с 18 до 10), а по количеству исследований еще больше (с 49 до 20 или на 60%). При этом 40% метафор нарратива прямо посвящено политической полиции, районным охранным отделениям с соответствующей модальностью.

В исследованиях по юридическим наукам количество метафор нарратива также существенно снижается (с 12 до 7 или на 40%), что свидетельствует об общем спаде интереса к таким исследованиям, а точнее, к исчерпанности прежнего подхода к ним. Однако 6 из них (86%) по-прежнему несет позитивное содержание.

В ходе дальнейшего MMR совокупность метафор нарративов сведена к шести кластерам в исследованиях по историческим наукам и четырем кластерам в исследованиях по юридическим наукам.

К кластерам метафор нарративов исследований в исторических науках отнесены (в порядке значимости): политическая полиция, жандармерия, надзор; полиция в целом; губернское правление; персоналии; правоохранительные органы; остальное.

К кластерам метафор нарративов исследований в юридических науках в таком же порядке отнесены: полиция в целом – становление, деятельность, нравственность, законодательство, реформа; виды полиции – исполнительная, сыскная, общая, горная, политическая и др.; функции полицейской деятельности; работа с кадрами – комплектование, подготовка, обеспечение, гарантии, статус.

Выполненный анализ отчетливо свидетельствуют о том, что ведущим нарративным «трендом» в диссертационных исследованиях полиции Российской империи в исторических науках является выраженная сосредоточенность на ее неспособности выполнить политические функции сохранения существующего строя.

Метафоры нарратива полиции Российской империи в диссертационных исследованиях по юридическим наукам являются целостными и непротиворечивыми по содержанию. Проблематика политической полиции, жандармерии как одного из видов полиции (в широком смысле слова) и ее деятельности воспринимается в них также достаточно органично, не вызывает ни повышенного интереса, ни отторжения. Более того, содержание большинства тем данных исследований укрепляет положительный образ их нарратива. При этом отчетливо более выражено это в работах, выполненных или /и защищенных в ведомственных вузах МВД России.

Так, И.В. Сирица в работе, выполненной в Краснодарском юридическом институте МВД России, отмечает по результатам изучения становления и развития политической полиции Кубани, что ею был накоплен огромный опыт профессиональной деятельности. Он свидетельствует, что Департамент полиции и его структуры на местах, как органическая часть процесса государственного строительства России, при всей его противоречивости, являются «частью нашей Истории с большой буквы и даже – нашего будущего» [16, с. 23].

В.В. Панько в посвященной железнодорожной жандармерии работе, выполненной в Санкт-Петербургском университете МВД России отмечает, что она «успешно способствовала охране общественного порядка и борьбе с преступностью на железных дорогах», а основой «жизнеспособности и эффективности выполнения задач жандармерии являлась продуманная и отлаженная кадровая политика» и т.д. [11, с. 2, 4].

Отчетливо более сдержанными являются оценки местных органов политического сыска в исследовании С.Ю. Плужникова, защищенном в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина. В нем указывается, что районные охранные отделения сыграли важную роль, но выходили за рамки своих непосредственных задач, вмешивались в деятельность губернского жандармского управления и местной полиции, что стало одной из причин их упразднения и разрушения показавшей свою эффективность целостной системой местных оперативно-розыскных органов [12, с. 24] и т.д.

Выводы

Таким образом, нарративы тем отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи в исторических и юридических науках существенно различаются по между собой по степени внутренней согласованности, модальности и приоритетности их представления.

Психологическими особенностями их нарративного содержания в диссертационных исследованиях в исторических науках является явно преувеличенное внимание негативной модальности к политическим функциям полиции и обеспечивающим их выполнение структурам. Это практически вытесняет нарративное содержание других исследований по историческим наукам.

Психологическими особенностями нарративного содержания диссертационных исследований полиции Российской империи в юридических науках является взвешенное непротиворечивое представление позитивной модальности многогранности ее функций и разнообразия структур.

Такое обращение к опыту полиции прошлого безусловно отвечает интересам укрепления духовных основ российского государства, патриотического сознания и верности Отечеству его граждан, в т.ч. сотрудников МВД России.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры: Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс – Традиция, 2003. 496 с.
2. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Демидченко И.В. Нарратив как средство концептуализации исторического опыта. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 23 с.
4. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Институт психологии Российской академии науки, 2005. 448 с.
5. Кроссли М.Л. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. 284 с.
6. Кубышко В.Л., Крук В.М., Богачев С.В. Образ полиции в дискурсе установления благонадежности в Российской империи // European Social Science Journal. 2017. № 6. С. 464-487.
7. Кубышко В.Л. 300-летию российской полиции посвящается // Содружество. 2018. № 1. С. 14-19.
8. Кубышко В.Л., Крук В.М. К междисциплинарно-психологическому анализу отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи // European Social Science Journal. 2017. № 2-2. С. 176-197.

9. Кутковая Е.С. Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Московский государственный университет, 2016. 35 с.
10. Леопа А.В. Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального кризиса. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 39 с.
11. Панько В.В. Организационно-правовые основы функционирования железнодорожной жандармерии в дореволюционной России и ее деятельность по противодействию преступности: Историко-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 20 с.
12. Плужников С.Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX веков: Историко-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2009. 25 с.
13. Полухина Е.В., Просянюк Д.В. Исследования со смешанными методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подходов // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 49-56.
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М.: Известия, 2018. 70 с.
15. Сергеев В.Н. Форменная одежда полицейских органов России в XIX в. – начале XX в.: социально-политический и культурно-исторический аспекты. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 29 с.
16. Сирица И.В. Становление и развитие политической полиции Кубани 1880-1917 гг. (историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2003. 26 с.
17. Троцук И.В. Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. 42 с.
18. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоанализ. Религия. Культура. М: Ренессанс. 1992. С. 17-65.
19. Andreeva I.A. History of French Police: Historiography of the Topic // Vestnik policii. 2015. Vol (6), Is. 4. P. 114-123.
20. Question écrite n° 02154 de M. Bernard Plasait (Paris - UMP) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.senat.fr/questions/base/2002/qSEQ020902154.html> (дата обращения 10.02.2018).

Psychological features of the narrative content of the Russian dissertation research of the police of the Russian Empire

Kubysheko V.L., Head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (kvl@fsvgroup.ru)

The article is devoted to the problem of psychology of understanding of the police of the Russian Empire in modern society, which celebrated its 300th anniversary in 2018. Its relevance in connection with the heritage of the negative attitude to it at the state level during the Soviet period and the need for its rethinking in the post-Soviet time is substantiated. The theoretical and methodological, social and practical bases of this activity are analyzed, as well as the specific features of its implementation from the position of the subject-analytical concept of psychology of understanding the reality of the world V. V. Znakov. The conceptual significance of this problem in modern conditions is experimentally proved in connection with the strongly contradictory narrative representation of the police of the Russian Empire in the dissertation research on historical Sciences carried out in General civil scientific centers and in similar studies on legal Sciences, carried out mainly in departmental scientific centers of the Ministry of internal Affairs of Russia. It is stated that this does not meet the interests of the development of modern Russian society and requires reflection and consistent resolution from a psychological standpoint.

Keywords: psychology of understanding of police of the Russian Empire, social and cultural reality, hermeneutics, narrative, narrative content of dissertation research, understanding-interpretation, meaning.

References

1. Aleksushin G.V. Razvitie gubernatorskoi vlasti v Rossii (1708-1917 gg.): istoricheskii opyt i uroki. Avtopef. diss. ... dokt. istor. nauk [Development of Governor's power in Russia (1708-1917): historical experience and lessons]. Moscow: Voennyi universitet Publ., 2009. 47 p.
2. Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor: Per. s angl. M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kataeva [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. Moscow: Progress – Traditsiya Publ., 2003. 496 p. (In Russ.).
3. *Buber M.* Dva obraza very [Two ways of faith]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 464 p.
4. Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016 – 2020 gody». Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493 [Elektronnyi resurs] [State program

- «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020»] // URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (Accessed 12.04. 2018).
5. Demidchenko I.V. *Narrativ kak sredstvo kontseptualizatsii istoricheskogo opyta. Avtopef. diss. ... kand. filoz. nauk* [Narrative as a means of conceptualization of historical experience]. Rostov-on-don: Yuzhnyi federal'nyi universitet Publ. 23 p.
 6. Derevnina T.G. *III Otdelenie i ego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroya absolyutnoi monarkhii v Rossii (1826-1855). Avtopef. dis. ... kand. istor. nauk* [III Branch and its place in the system of state system of absolute monarchy in Russia (1826-1855)]. Moscow: Moskovskogo ordena «Znak Pocheta» gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi institut Publ., 1973. 24 p.
 7. Znakov V.V. *Psikhologiya ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka* [Psychology of understanding the multidimensional world of man]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika. [Bulletin of St. Petersburg state University. Ser. 16. Psychology. Pedagogy]*, 2016, no. 1, pp. 47-57.
 8. Znakov V.V. *Psikhologiya ponimaniya: Problemy i perspektivy* [Psychology of understanding: Problems and prospects]. Moscow: Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauki Publ., 2005. 448 p.
 9. Koksharov A.V. *Politseiskie organy Vladimirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Avtopef. diss. ... kand istor. nauk* [Police authorities of Vladimir province in the second half of XIX-early XX centuries]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1999. 28 p.
 10. Krossli M.L. *Narrativnaya psikhologiya. Samost', psikhologicheskaya travma i konstruirovaniye smyslov* [Narrative psychology. Self, trauma and construction of meaning]. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentri Publ., 2013. 284 p.
 11. Kubysheko V.L. *Psikhologicheskie aspekty narrativa politzii Rossiiskoi imperii v otechestvennykh istoricheskikh dissertatsionnykh issledovaniyakh* [Psychological aspects of the Russian Empire police narrative in Russian historical dissertation research]. *Chelovecheskii kapital [Human capital]*, 2017, no. 3 (99), pp. 13-19.
 12. Kubysheko V.L., Kruk V.M., Bogachev S.V. *Obraz politzii v diskurse ustanovleniya blagonadezhnosti v Rossiiskoi imperii* [The image of the police in the discourse of establishing trustworthiness in the Russian Empire]. *European Social Science Journal [European Social Science Journal]*, 2017, no. 6, pp. 464-487. (In Russ.; abstr. in Engl.).
 13. Kubysheko V.L. *300-letiyu rossiiskoi politzii posvyashchaetsya* [300th anniversary of the Russian police is dedicated to]. *Sodruzhestvo [Commonwealth]*, 2018, no. 1, pp. 14-19.
 14. Kubysheko V.L. *Osnovnye napravleniya kadrovoy raboty v organakh vnutrennikh del* [The main directions of personnel work in the internal Affairs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement]*, 2012, no. 1 (48), pp. 2-6.

15. Kubyshko V.L., Kruk V.M. K mezhdistsiplinarno-psikhologicheskomu analizu otechestvennykh dissertatsionnykh issledovaniy politsii Rossiiskoi imperii [To interdisciplinary-psychological analysis of Russian dissertation research of the Russian Empire police]. *European Social Science Journal [European Social Science Journal]*, 2017, no. 2-2, pp. 176-197. (In Russ.; abstr. in Engl.).
16. Kutkovaya E.S. Sravnitel'nyi analiz diskursivnogo i narrativnogo podkhodov k issledovaniyu identichnosti. Avtopef. diss. ... kand. psikhol. nauk [Comparative analysis of discursive and narrative approaches to identity research]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2016. 35 p.
17. Leont'ev A.N. Deyatel'nost' i soznanie [Activity and consciousness]. In Abakumova I.V. (ed.). *Obshchaya teoriya smysla, psikhologicheskie kontseptsii smysloobrazovaniya, smyslodidaktika. Khrestomatiya [General theory of meaning, psychological concepts of meaning formation, meaning didactics. Reader]*. Moscow: KREDO Publ., 2014, pp. 268-284.
18. Leopa A.V. Istoricheskoe soznanie kak faktor sotsial'noi stabil'nosti v usloviyakh global'nogo krizisa. Avtopef. diss. ... dokt. filos. nauk [Historical consciousness as a factor of social stability in the global crisis]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet Publ., 2014. 39 p.
19. Mirol'yubov A.A. Politicheskii sysk Rossii v 1914-1917 gg. Avtopef. diss. ... kand. istor. nauk [Political investigation of Russia in 1914-1917]. Moscow: Moskovskogo ordena «Znak Pocheta» gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi institute Publ., 1988. 23 p.
20. Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii GOST R 7.0.11-2011 Dissertatsiya i avtoreferat dissertatsii [National standard of the Russian Federation GOST R 7.0.11-2011 Dissertation and thesis abstract]. Moscow: Standartinform Publ., 2012. 18 p.
21. Pan'ko V.V. Organizatsionno-pravovye osnovy funktsionirovaniya zheleznodorozhnoi zhandarmerii v dorevol'yutsionnoi Rossii i ee deyatel'nost' po protivodeistviyu prestupnosti: Istoriko-pravovoi aspekt. Avtopef. diss. ... kand. yurid. nauk [Organizational and legal basis of functioning of the railway gendarmerie in pre-revolutionary Russia and its activities to combat crime: Historical and legal aspect]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., 2006. 20 p.
22. Pluzhnikov S.Yu. Mestnye organy politicheskogo syska Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX vekov: Istoriko-pravovoe issledovanie. Avtopef. diss. ... kand. yurid. nauk [Local bodies of political investigation of the Russian Empire in the late XIX-early XX centuries: Historical and legal research]. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G.R. Derzhavina Publ., 2009. 25 p.
23. Polukhina E.V., Prosyanyuk D.V. Issledovaniya so smeshannymi metodami (mixed methods research): integratsiya kolichestvennogo i kachestvennogo podkhodov [Research with mixed methods (mixed methods research): integration of quantitative and qualitative approaches]. *Politicheskaya kontseptologiya [Political conceptology]*, 2017, no. 1, pp. 49-56.

24. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu sobraniyu Rossiiskoi Federatsii (O polozhenii v strane i osnovnykh napravleniyakh vnutrennei i vneshnei politiki gosudarstva) [Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (on the situation in the country and the main directions of domestic and foreign policy)]. Moscow: Izvestiya Publ., 2018. 70 p.
25. Sapogova E.E. Avtobiograficheskii narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii [Autobiographical narrative in the context of cultural-historical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2005, no. 2, pp. 63-73. (In Russ.; abstr. in Engl.).
26. Sergeev V.N. Formennaya odezhda politseiskikh organov Rossii v XIX v. – nachale XX v.: sotsial'no-politicheskii i kul'turno-istoricheskii aspekty. Avtopref. diss. ... kand. istor. nauk [The uniforms of the police authorities of Russia in the XIX century – early XX century: the socio-political and cultural-historical aspects]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet Publ., 2007. 29 p.
27. Siritsa I.V. Stanovlenie i razvitie politicheskoi politsii Kubani 1880-1917 gg. (istoriko-pravovoi aspekt). Avtopref. diss. ... kand. yurid. nauk [Formation and development of political police of Kuban in 1880-1917 (historical and legal aspect)]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2003. 26 p.
28. Strategiya i praktika dostizheniya vysshei kvalifikatsii sub"ektom innovatsionnogo truda: Monografiya [Strategy and practice of achieving the highest qualification by the subject of innovative work: Monograph]. In Arister N.I. 3rd ed.: Moscow: Buki Vedi, 2016. 542 p.
29. Trotsuk I.V. Analiz tekstovykh dannykh v sotsiologii: osnovaniya sistematizatsii kontseptual'nykh modelei, metodologicheskikh printsipov i metodicheskikh reshenii. Avtopref. diss. ... dokt. sotsiol. nauk [Text data analysis in sociology: the basis of systematization of conceptual models, methodological principles and methodological decisions]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ., 2015. 42 p.
30. Turusheva Yu.B. Narrativ kak kul'turnyi mediator razvitiya lichnosti: vzglyad skvoz' prizmu kul'turno-istoricheskoi psikhologii [Narrative as a cultural mediator of personality development: a view through the prism of cultural-historical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2016, Vol. 12, no. 2, pp. 24-32. (In Russ.; abstr. in Engl.).
31. Freid Z. Budushchee odnoi illyuzii [The future of one illusion]. *Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura [Psychoanalysis. Religion. Culture]*. Moscow: Renessans Publ. 1992. pp. 17-65.
32. Andreeva I.A. Andreeva I.A. History of French Police: Historiography of the Topic. *Vestnik policii*, 2015, Vol. (6), Is. 4, pp. 114-123.
33. Baldick Chris *The Oxford Dictionary of Literary Terms* (4 ed.). Oxford University Press, 2008 [Elektronnyi resurs] // URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199208272.001.0001/acref-9780199208272> (Accessed 21.04.2018).

34. Oxford English Dictionary (online): Definition of «narrative» [Elektronnyi resurs] // URL: <https://en.oxforddictionaries.com>. (Accessed 21.04.2018).
35. Question écrite n° 02154 de M. Bernard Plasait (Paris - UMP) [Elektronnyi resurs] // URL: <https://www.senat.fr/questions/base/2002/qSEQ020902154.html> (Accessed 10.02.2018).